

АЛЕКСАНДР КОРУЛИН

Тень с человеческим лицом

Александр Корулин

Тень с человеческим лицом

«Издательские решения»

Корулин А.

Тень с человеческим лицом / А. Корулин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930784-2

Как часто мы мечтаем изменить свою жизнь? Начать все заново в другом месте и с другими возможностями? Но хватит ли нам смелости, если вдруг представится такой шанс? Шанс прожить другую жизнь, отличающуюся от нынешней сильнее, чем день отличается от ночи? Ту жизнь, где все, что ты раньше знал и умел, не будет, значит ничего, но жизнь, грезящую воплощением твоих самых немислимых желаний?..

ISBN 978-5-44-930784-2

© Корулин А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 2	23
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	56
Глава 8	66
Глава 9	73
Глава 10	80
Часть вторая	87
Пролог	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Тень с человеческим лицом

Александр Корулин

© Александр Корулин, 2018

ISBN 978-5-4493-0784-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Была тьма, куда более страшная и кромешная, чем ночная. В ней пришли страх и отчаяние, сменились животным ужасом. Со всех сторон ползли жуткие чудовища, до тошноты отвратительные монстры. Они терзали беззащитную плоть каждый миг бесконечно долго.

Он пытался кричать от нечеловеческой боли, пытался умолять своих мучителей... Ответом был леденящий кровь могильный хохот, хохот мерзких тварей, использующих людей для удовлетворения своих извращенных фантазий.

Он живо горел, тонул, падал в бездну и болтался в петле. Его пронзали, давили, рвали на куски; вливали в него все, что могло уничтожать изнутри, медленно и безжалостно, так долго, что появилась твердая, непоколебимая уверенность в том, что жизнь – это лишь боль, бескрайний океан боли. Все силы, что были раньше – а были ли? – ушли в миг, лишив даже возможности кричать.

Лишь злость, глухая и черная, прочно засела в единственном нетронutom уголке истерзанной души, терпеливо ожидая своего часа...

* * * * *

Очень долго привыкал к внезапно наступившей тишине. Разум медленно и нехотя выныривал из пучины страха и безнадежности, с осторожностью младенца ощупывал новую среду, еще не смея поверить, что есть другой мир, другое измерение, без боли и страданий. Явился холод, но не обжигающий, как раньше, скорее отрезвляющий, заставляющий прийти в себя. Его вызывающие странно-приятное покалывание невидимые руки обволакивали все тело, проникая глубоко внутрь, остужая воспаленный мозг и возвращая к давно забытой работе жизненно важные органы.

Впервые услышал биение собственного сердца, такое слабое и редкое, что решил – сейчас умрет. Но удары учащались, становясь все сильнее и сильнее, яростно разгоняя по венам застывшую кровь. И вот с превеликим трудом сделал первый в своей жизни глоток воздуха. Легкие, наполняясь кислородом, расширились, в груди зашипало, зачесалось, какой-то комочек поднялся к горлу. Сдерживать его в себе было неприятно, больно, появилась попытка кашлянуть. Со второго раза что-то вылетело изо рта, оставив ощущение глубокого отвращения, но дышать мгновенно стало легче.

Вместе с кашлем открылись глаза.

Новый мир ослепил, заставил крепко зажмуриться. Во второй раз веки поднимались медленно и осторожно, когда вдруг появился слух. Это было настолько неожиданно, что уши оглохли от чудовищного шума и грохота. Что-то накрыло уши, сильно сдавило, отчего шум немного стих, а мгновением позже пришло ощущение собственных рук. Затем почувствовал все тело целиком – от головы до пят.

– Гхолал!

В мозг болью вонзилось странное слово. Голос, произнесший его, был знаком. Необычное слово дважды или трижды ударяло по нервам, пока, наконец, не появилась неуверенная догадка – его зовут по имени?

Разве это его имя – Гхолал?

– Очнись! Гхолал!

Неужели он спит? Нет, просто лежит с закрытыми глазами, жалкий трус, боится увидеть этот новый мир, боится увидеть обращающегося к нему человека. В душе стегнуло гневом, тело содрогнулось, возможно, от холода, а глаза распахнулись, быстро и уверенно. Увидел загорелое лицо, загораживающее то, что ослепило в первый раз. Широко посаженные глаза, прямой нос и узкие тонкие губы – все было знакомо, слишком знакомо, словно смотрел на давнего друга

или... брата? В голове появилось имя, такое же странное, как и его собственное. Не задерживаясь в черепе, тут же слетело с пересохших губ:

– Тайгив...

И тут, как огромная морская волна, нахлынул нескончаемый поток воспоминаний. Перед еще не привыкшими к свету глазами цветным калейдоскопом замелькали картины детства – его детства. Будто невероятно быстро листая странную книгу собственной жизни, смотрел и узнавал всех: родителей, друзей. Увидел и заново прожил то, что уже было – горе и радости, дни и ночи. Это было так необычно, так поразительно, что опьянел от невероятных ощущений.

Последняя страница его бытия, застыв во времени, плавала перед глазами. На ней – берег какой-то реки, опять-таки страшно знакомой; жаркий летний день, полюбнаженные девушки, парни. Сразу вспомнились их имена и все то, что о них знал. Все радовались горячим солнечным лучам: одни загорали, другие купались, брызгая на первых прохладной водой. Крики, смех...

Вдруг увидел себя. Он бежал к реке с нарастающей скоростью, у края берега сделал сильный прыжок и, вытянув вперед руки, вошел в воду. Ногами шлепнул так, что обрызгал всех стоящих рядом людей, и с восторгом исчез в глубине.

Картина пропала также внезапно, как и появилась.

Вновь увидел загорелое лицо человека с именем Тайгив, вновь мог слышать, видеть, дышать и двигаться.

Часть первая

Глава 1

Над головой раскинулось синее небо. Щедро рассыпающее по земле свои горячие лучи солнце сильно припекало к обнаженной коже. Гхолал лежал наполовину в воде – оглядевшись по сторонам, он в задумчивости почесал затылок.

Он находился на широком берегу не менее широкой реки, противоположный берег которой был крут и зарос длинными соснами и елями. На этой стороне реки лес начинался на большом расстоянии от воды, но был преимущественно из лиственных деревьев, светлый и манящий укрыться от палящего солнца в его прохладных кронах. Гхолал не смог вспомнить, чтобы на протяжении всей реки в родной деревне видел такие места.

Из размышлений его вырвал женский голос. Прищурив от яркого солнца глаза, он пристроился к расположившимся неподалеку от него девушкам. С удивлением узнал сидящих на песке двух бывших одноклассниц, Ферьну и Джеффу; соседку по дому, – Тэнтар – которая животных любила больше, чем людей и лучшую подругу своей младшей сестры, Теллису – их не было на берегу в последний день его воспоминаний. Между одноклассницами Гхолала, подставив солнцу спину, лежал Заавх, отношения с которым всегда были натянуты, как струна. Чуть в стороне от всех увидел Смихна, приезжающего в родную деревню Гхолала раз в год. Повернув голову к реке, заметил стоящего по колени в воде Дохойба – единственного человека, которого искренне и постоянно ненавидел. Владелец худого телосложения и омерзительного характера, Дохойб, по мнению Гхолала, вообще не заслуживал права жить в их деревне. На другой стороне планеты, хоть в ледниках, хоть в пустыне, но не в одной деревне с ним.

– Просыпайся, спящая красавица! – насмешливо бросил ему Дохойб.

Гхолала всегда выводила из себя его манера говорить очень быстро, проглатывая окончания слов. Даже сейчас скорее догадался, чем расслышал, что сказал Дохойб, которого пьяного родная мать не могла понять.

Гхолал не ответил на насмешку, прилипнув глазами к обтянутым узкими полосками ткани ягодицам одной из его бывших одноклассниц. Ферьна была красива, начала собирать вокруг себя парней с шестого класса, когда ее потрясающая фигура лишь начала формироваться. Приятное лицо с восточным разрезом глаз и завораживающим изгибом губ манило сильнее, чем огонь мотыльков – в сети к Ферьне попал и Гхолал, с девятого класса они не расставались почти год, пока однажды он не увидел ее в объятиях незнакомого парня. Гхолал бил, не считая удары, ни те, что наносил сам, ни те, которыми его пытались оттащить. На следующий день он узнал, что тогда Ферьна обнимала Итванна, вернувшегося из армии старшего брата, но отношения у них уже закончились...

– Где мы сейчас? – громкий крик Дохойба вдруг показался вороньим карканьем. Не дожидаясь от кого-либо ответа, он направился к Смихну: – Говори, рыбак, куда идти, чтобы через полчаса дома быть?

Смихн бросил на Дохойба короткий взгляд, ответил, глядя на противоположный берег:

– Я здесь ни разу не был.

– Я не это хочу от тебя услышать, – заметил Дохойб.

Смихн буркнул, не глядя на него:

– Другого ответа у меня нет.

Резко выдохнув, Заавх оказался на ногах.

– Сидя здесь, дома мы не окажемся. Идем, поищем дорогу!

– Из желтого кирпича? – усмехнулся Дохойб. – Как Алиса в стране чудес?

– Все еще читаешь сказки? – вопросительно поднял бровь Заавх.

Гхолал хмыкнул, вставая.

– Вариант, – согласился Смихн, – иначе во-о-он та туча...

Гхолал повернул голову в направлении быстро приближающегося темного облака. Огромная, в полнеба, черная туча стремительно росла, в ней сверкали злые молнии. Мир темнел, а чтобы полностью рассмотреть всю тучу, пришлось изо всех сил напрягать загубленное постоянным просмотром телевизора и компьютерными играми зрение.

Дохойб вновь вошел в воду, стал смывать остатки прилипшего к спине песка. Даже в мыслях не называя его по имени, Гхолал вдруг представил выскакивающую из реки огромную акулу – он бы вряд ли кинулся спасать Дохойба.

Погода портилась быстрее, чем приближалась туча. Солнце испуганно исчезло, едва коснулось могучего темного облака. Налетел резкий, продувающий насквозь ветер. Туча только подошла, еще не перебралась через реку, но уже начал накрапывать мелкий дождик, который по всем признакам очень скоро превратиться в жуткий ливень. Где-то в глубине тучи ударил гром.

Тайгив и Смихн с девушками направились в лес, в который уже входил Заавх. Гхолал лишь на миг обернулся к ним, услышав крик Тайгива:

– Не отставай!

Но в ответ только махнул рукой.

Сейчас будет такая буря, какой никогда не было, как и этой невероятной тучи, а его зовут спрятаться под кустом?! Да ни за что! Нет, он не сумасшедший – просто питает непреодолимую страсть к безумиям стихий и ураганам, не может при возможности не прочувствовать на себе всю мощь природы. Родители и знакомые называли это дуростью, говорили, что у взрослого двадцатитрехлетнего парня детство играет в одном месте, но Гхолал не обращал на них внимания, зля своим непрошибаемым упрямством.

На берег вышел Дохойб. Мокрый, он в тени огромной тучи и вспыхивающих молний казался настоящим скелетом, словно мясо у него было только в ушах и чересчур длинном языке, а на ребра и другие кости просто натянута кожа. Заметив презрительный взгляд Гхолала, Дохойб фыркнул, как конь:

– Пошли! Сейчас ливень будет.

Сначала Гхолал ничего не хотел отвечать, потом решил послать Дохойба подальше и уже открыл, было, рот для резкой фразы, как вдруг ударил гром. Оглушительный и тяжелый. Грохот был могуч и ужасен настолько, что Гхолал в страхе рухнул на колени, пораженный небесной мощью. Мигом позже страшного раската по больным ушам ударил пронзительный крик, и Гхолал, с трудом повернув голову, увидел Дохойба. Тот кричал, жутко и убито, а из ушей текла кровь, смешиваясь с каплями усиливающегося дождя...

А секундой позже на плечи обрушились тугие тяжелые струи. Они больно били по обнаженному телу, ведь из одежды на нем, как и на остальных, были лишь плавки. Вновь повернув голову, увидел, как Дохойб плюхнулся в песок, заколотил кулаками в землю, быстро пропитывающуюся небесной влагой.

Из леса выскочил Тайгив, замер в нерешительности, не знаю, к кому бежать: к бьющемуся головой о землю Дохойбу или замершему на коленях Гхолалу?

* * * * *

Гхолал, рухнувший на колени от могучих раскатов, не мог оторвать глаз от сверкающих небес. Следующая одна за другой молнии ослепляли, освещали черную тучу, отчего с земли казалось, что эта чудовищная громада, топящая мир своими водопадами, светится изнутри. И в этой мерцающей фантастической нереальности Гхолал явственно различал величественные замки, зловещие башни, охраняемые всадниками на жутких крылатых созданиях размером с дом; видел огромных великанов и летающие головы с двумя ртами; зрел огромные

колесницы, бегущие по морским волнам и запряженные чудовищными существами, словно собранными из животных и людей...

В этом невообразимом спектакле сцены сменялись неспешно, словно кто-то или что-то невидимой рукой опускал и поднимал занавес как раз тот момент, когда наблюдатель смог рассмотреть и понять одну картину и был готов к следующей. Зрелище было настолько невероятным, что Гхолал забыл обо всем, целиком отдаваясь безумному хороводу самых разных существ, созданий, моменты, чьей жизни так щедро подарило ему грозное небо...

* * * * *

Тайгив начал замерзать, стоя под проливным дождем и не зная, к кому из двух безумцев бежать, вздрогнул, когда прямо перед Гхолалом в землю ударила ослепительная молния. Сразу же за ней на мир обрушился оглушительный раскат грома, во время которого Дохойб вдруг вскочил и бросился в лес.

Тайгив крикнул оставшемуся на берегу Гхолалу, но яростный гром и тонны низвергающейся с неба воды заглушили его голос. В следующий миг рядом с Гхолалом вонзились в землю две ветвистые молнии.

– Дурак! – зло рявкнул Тайгив.

От чудовищного ливня земля превратилась в чавкающую грязь, скользкую и коварную – Тайгив не успел сделать и десяти шагов, как поскользнулся и лицом грохнулся в жидкий песок. При попытке подняться руки разъехались в стороны, а лицо вновь оказалось в жиже.

* * * * *

Заавх и Смихн вместе с девушками прятались от воды под густой листвой. Дождь морозил их ледяными каплями, но чаще это были раздробленные сучками брызги, покрывающие мерзкими мурашками обнаженные тела. После страшного крика и исчезновения Тайгива, Смихн растерялся, вдруг поддавшись неожиданному страху – сквозь густые заросли кустов он не мог увидеть берега, а выходить под ливень и словно разламывающееся на куски небо не хотел.

Заавх презрительно фыркнул, когда убежал Тайгив – прислонился к противно-сырому стволу дерева и равнодушно ждал, когда троица вернется с берега. Ферьна, чувствуя нарастающую тревогу, отошла в сторону. Скользнув взглядом по безмятежно грызущему ногти Заавху, она раздвинула кусты, чтобы увидеть, что происходит на берегу. Прикосновение к мокрому, покрытым противной склизкой корой веткам кустов заставило девушку передернуться от отвращения. Но она упрямо продолжила раздвигать по сторонам заросли, и почти расчистила себе место для просмотра, как вдруг что-то врезалось в нее. От сильного толчка в грудь перебило дыхание – Ферьна полетела на грязную землю. Выскочивший из кустов Дохойб, не замечая сбитой им девушки, наступил ей на бедро, сшиб плечом вскочившего на невольный вскрик Ферьны Смихна и прыгнул к Заавху. Выпученные глаза бегали по сторонам, изо рта вылетели обрывки слов:

– Как громко!.. Уши заложило!..

Ферьна поднялась, с ненавистью глядя на Дохойба. Из-за усилившегося дождя слов его она не услышала, но видела, как быстро-быстро шевелились губы парня.

* * * * *

В третий раз, грохнувшись в грязь, Тайгив едва не захлебнулся жидкими потоками песка. Закашлявшись, он уперся в землю локтями, и попытался отдышаться, напряженно соображая, как ему подняться на ноги. Глупая ситуация, в которой он оказался, рассмешила бы до слез, если б Тайгив увидел ее по телевизору – прямо через него несея грязный ручей камней и песка, плеская жижей в рот, в глаза, мешая думать. Тайгив, не успев придумать способа встать, попытался отползти от грязного потока, но оказался подобно лягушке на льду, беспомощно бороздящий руками и ногами грязь вокруг себя.

Вдруг чьи-то пальцы, словно клещи, сжали шею, другая ладонь схватила подмышкой. Затем последовал мощный рывок, Тайгив, не успев ничего понять, с удивлением оказался на ногах, а рядом увидел Гхолала, чье лицо кривилось от хлеставших по нему струй дождя, но глаза светились странным восторгом.

– Что ты там увидел?! – заорал ему в лицо Тайгив, не спеша освобождаться от рук Гхолала. Коварная грязь легко могла вновь затянуть в свои цепкие объятия.

– Расскажу – не поверишь, – Гхолал ответил своим обычным голосом, но Тайгив расслышал все четко, словно не было оглушающего грохота.

– В лес! – кивнул Тайгив на заросли кустов. – Не то смоешь в реку!

* * * * *

Первым из кустов вышел Гхолал – Дохойб с ревом кинулся на него. Гхолал отступил на шаг, затем, успев заметить удивление на лице Заавха, шагнул навстречу Дохойбу, толкнул его рукой. Дохойб растянулся в грязи мгновением позже, показался слабым беспомощным мальчишкой, который, накачав себя алкоголем, кинулся в драку, каким-то уголком сознания заранее зная, что проиграет затеянный бой. Гхолал ощутил непонятную перемену в самом себе – словно стена, которая защищала от всего мира, но не давала его увидеть, рухнула.

Следом вышел Тайгив. Заавх, лишь скользнув по нему взглядом, вновь посмотрел на Дохойба, ожидая, что не терпящий поражений парень вскочит, с хрустом сломает Гхолалу нос, несколько раз ударит упавшее тело ногами, произнесет резкие угрожающие слова. Но тот пополз к ближайшему дереву, заставив Заавха удивиться во второй раз – по нему поднялся на ноги и вновь стал что-то шептать, зажимая руками уши.

Заавх повернулся к Гхолалу, заметил уходящий из его глаз странный огонь безумного восторга, расслабляющиеся черты лица. Голос Тайгива:

– Не трогай его! Он и так оглох!

Заавх невольно обернулся к Дохойбу – он видел, что тот не вздрагивал от оглушительных громовых ударов, но не обратил внимания. Смятение вдруг сковало на миг замерзшее тело, но Заавх усилием воли заставил себя встать, подойти к Тайгиву и Гхолалу.

– Теперь дорогу домой придется искать побыстрее!

Тайгив и Гхолал одновременно обернулись к Заавху.

– Что случилось с Дохойбом на берегу?

Вопрос был адресован Гхолалу, но ответил Тайгив:

– Скорее всего, ударом грома ему разорвало перепонки...

– Почему тебе не разорвало уши, ты же был там с ним? – не дослушав, Заавх вонзил в Гхолала подозрительный взгляд. – И здесь он на тебя налетел – ты не дрался с ним на берегу? Может не грома, а твой удар лишил Дохойба слуха?

– А во что ты готов поверить? – глядя Заавху в глаза, усмехнулся Гхолал.

В какой-то момент Гхолал вдруг почувствовал предательский страх, показалось, что Заавх сейчас ударит настолько быстро, что не останется времени увидеть, с какой стороны прилетит причиняющий боль кулак...

– В то, что он тебе отомстит! – отвернулся Заавх. Он первым стал пробираться через густые заросли. Почти исчезнув в них, он коротко обернулся, бросил:

– И сделает это очень скоро.

Джеффа и Теллиса, словно по команде, двинулись за ним – также поступили остальные. Все, кроме Тайгива, который внимательно посмотрел на Гхолала:

– Ты идешь?

Гхолал обернулся к Дохойбу. Тот стегнул по его телу злым, презрительным взглядом, поднялся с грязной земли, облепленный листьями и глиной и врезался в кусты, что жалобно затрепцали ломаемыми ветками. Гхолал с печальной иронией подумал, что старший брат Дохойба, подобно Заавху, вряд ли поверит, что тот лишился слуха из-за грозы. Но сильной тревоги

не было, что-то наполняло душу беспричинным восторгом, непонятным волнительным ожиданием чего-то, разгоняя по сторонам невеселые мысли. Глубоко вдохнув нереально чистый воздух, Гхолал ступил на проделанную сквозь кусты тропинку.

Дождь кончился.

Глава 2

Джеффа уже не мысленно, а во всеуслышание, ругалась, самозабвенно изливая в резких словах всю свою злость: кляла лес, что с каждым шагом становился лишь гуще; жуткую духоту, явившуюся после дождя вместо так ожидаемой прохлады; кровожадных комаров и ненавистных невидимых мошек, превративших ее тело в один огромный зудящий укус; острые сучки и камни, которые, словно иглы, вонзались в обнаженные ступни. Джеффе казалось, что все эти тяготы лесного перехода мучают только ее – рядом с ней шла Тэнтар, отвратительно толстая, по мнению Джеффы, и сдвинутая на фанатичной любви к лошадям девушка, которая не стонала и не жаловалась. Параллельно с Джеффой шла Теллиса, за ее спиной шагал Гхолал и постоянно поднимал зацеплявшуюся за все подряд младшую сестру Заавха. «Если кто и должен следить за Теллисой, – мелькнула злая мысль, – так это ее старший брат!»

– Заткнись!! – люто заорала Ферьна, не выдержав очередного потока грязных ругательств, на этот раз вылитый Джеффой на липнущую к лицу паутину. – Или я набью тебе рот землей!!

От бешенства разболелась голова, пульсирующие в висках удары быстро вызвали тошноту и чудовищную вялость. Жуткая усталость мгновенно сделала ноги ватными, а мысли бессвязными – Джеффа ничего не ответила Ферне, но зло затаила. Очередной впившийся в ее ступню камень родил полный отчаяния крик...

Тьма обрушилась внезапно, напугав – Тэнтар вскрикнула от страха. До этого момента в лесу было сумрачно, сквозь густые ветви деревьев-великанов солнечные лучи пробивались с трудом, но этого было достаточно, чтобы заранее увидеть, куда опускается нога – в яму или осиное гнездо. Но вдруг тьма, что пряталась за толстыми стволами и огромными кустами, стала совершенно иной.

Гхолал, не успев вовремя остановиться, врезался в Теллису – прикосновение к ее горячей коже и запах ее пота вызвали в нем странное волнение. Девушка резко обернулась, метнула в него злой взгляд, а ее лицо в свете появившейся на небе луны показалось Гхолалу бледным пятном. Луна тут же исчезла, Гхолал сделал шаг и вновь столкнулся с Теллисой – ее тонкие, холодные пальцы, юркнули в его ладонь.

Потерявший слух Дохойб шел, как заговоренный: в последний момент успевал увернуться от вставшего на пути дерева, спускался в яму, избегая веток, что грозились ударить по лицу. Смихн шел позади него, с сочувствием размышляя, как круто сегодня поменялась жизнь Дохойба. Окажись на его месте он, сразу бы свел счеты со своей ставшей неполноценной жизнью и не стал бы мучиться отведенный Богом срок. Впервые произнеся это ставшее повседневным слово со смыслом, Смихн невольно задался вопросом: есть ли Господь на самом деле?

Задумавшись, врезался в спину внезапно остановившегося Заавха.

– Ослеп?! – зло зашипел тот.

Смихн увидел рядом с Заавхом дерево и с облегчением прислонился к нему. Ноги гудели от усталости, вряд ли раньше Смихн столько времени уделял ходьбе. Ему катастрофически не хватало дыхания, несмотря на то, что дышал полной грудью, обжигая легкие холодным ночным воздухом. Из тьмы вылезали девушки, усталые, кашляющие, с исцарапанными сучками и колючими растениями телами. Первой появилась Ферьна, на лбу которой скопились бисеринки пота, мутные от грязи – смахнув их рукой, она тяжело вздохнула, но, заметив наблюдающих за ней парней, изобразила улыбку:

– Расслабьтесь – я, как и остальные люди, тоже могу уставать!

Джеффа и Тэнтар морщились от боли, потирая разодранные в кровь ступни. Дохойб, исчезновение которого Смихн как-то пропустил, с руганью вывалился из кустов, грохнулся

на землю и, обведя всех лютым взглядом, опустил голову, бормоча что-то себе под нос. Худые кулаки сжимались со страшной силой.

– Ужас! – тихо прошептала Теллиса.

– Ему уже не помочь, – мрачно ответил Заавх.

– Откуда такая уверенность? – взглянула на него Ферьяна.

– Думаю, Дохойб того же мнения, – произнес Смихн, – знай он способ вернуть себе слух, сидел бы сейчас с таким лицом?

– Завязывай соглашаться с Заавхом, Смихн! – огрызнулась Ферьяна. – Тебе не пять лет, уже пора... Черт, я не об этом хотела сказать! Сейчас врачи способны пришивать оторванные в авариях головы их хозяевам, после чего те спокойно живут дальше, вспоминая о случившемся лишь по шрамам на шее. Неужели среди этих врачей не найдется ни одного, кто сможет помочь Дохойбу? Не верю! Кто знает, быть может, они просто сошьют разорванные перепонки...

Смихн махнул рукой, отказываясь от спора. Услышал раздраженный голос Заавха:

– Языками будем чесать, когда доберемся до дома! Хватит тратить силы на болтовню, я не знаю, сколько еще придется идти!

Девушки сбились в кучу, каждая старалась оказаться ближе к Заавху – негласный вожак испытывал удовлетворение от всеобщего внимания, но, встретившись с Гхолалом взглядом, убрал с лица едва родившуюся ухмылку. Тот вернулся с берега реки другим, плохо это или хорошо еще предстояло выяснить, только уверенность в том, что Гхолал причастен к глухоте Дохойба, крепла с каждой минутой.

Заавх первым пошел сквозь кусты, слыша за спиной тяжелое дыхание следующих за ним людей. Обернувшись, он увидел, что они выстроились по двое в ряд, стараясь, не отходить далеко друг от друга – ночная тьма пыталась схватить уставших людей, тянула к ним свои длинные цепкие пальцы, чтобы утащить в глухие чащи, откуда нет выхода. Злые ветки цеплялись за волосы, острые камни яростно впивались в босые ноги – Заавх не отличался сентиментальностью, но сердце невольно сжималось при мысли, как невыносимо больно сейчас девушкам, вряд ли когда-то бродившим босиком по ночному лесу. Небо, увидеть которое удавалось нечасто среди шумевших над головой крон, освободилось от туч: молчаливая и неподвижная, луна равнодушно следила за каждым шагом Заавха, мертвенным светом освещая человеку, путь сквозь густую чащу.

Теллиса устала переступать через завалы, проваливаясь в неглубокие, но словно прыгающие ей под ноги ямы, укусы ночных кровопийц сводили с ума, заставляя судорожно чесаться. Тайгив с Ферьяной шел впереди, разбавляя пугающую атмосферу ночного леса негромким разговором – Гхолал оставался позади Теллисы, его шагов она почти не слышала. Порой казалось, что за ней никого нет, но каждый раз, отступая и падая на грязную землю, Теллиса вдруг ощущала на своем животе крепкую ладонь бесшумно следующего за ней Гхолала. Обходя одно из бесчисленных деревьев, она вдруг ощутила, как что-то холодное и отвратительно-скользкое коснулось ее обнаженной ступни. Пронзительно вскрикнув, Теллиса отпрыгнула в сторону – кожей ощутив присутствие кого-то рядом, она, не раздумывая, кинулась к нему, ища спасения. Человеческий силуэт, с трудом различимый во тьме, резко обернулся на ее крик, и Теллиса с разбега прыгнула ему на спину.

Из-за облака вышла луна.

Теллиса, вопреки ожиданиям, вцепилась руками и ногами не в Гхолала: Заавх, чей испуг она почувствовала, как только оказалась на его спине, сейчас вновь нацепил на лицо спокойное, недовольное выражение.

– Если устала, могла бы просто сказать об этом, – произнес он, – взял бы на руки, и тебе не пришлось бы, как мартышке, карабкаться по моей спине...

– Там была змея! – истошно вскрикнула Теллиса. Она слезла со старшего брата, готовясь в подробностях описать тошнотворный ужас, который ей пришлось испытать, но, бросив

взгляд на сидящего неподалеку Дохойба, содрогнулась: его скуластое лицо в бледном свете ночного солнца было страшным, а улыбка, с которой глухой смотрел на нее, показалась Теллиса оскалом мертвеца.

– Она испугалась больше тебя, – отрезал Заавх, всем видом показывая, что разговор окончен. Он глянул на небо. Холодно мерцали звезды, рассыпанные вокруг луны, и Заавх, не найдя поблизости крупных облаков, могущих скрыть ночное светило, решил ускорить шаг. Через какое-то время он поймал себя на мысли, что не слышит голосов за спиной, даже рассыпающая руганью и проклятьями Джеффа молчала. Пронесшийся, словно ураган, неожиданный страх – не потерял ли он следующих за ним людей, ускорившись – скользнул вдоль мокрой спины ледяным потом. В этой тьме каждый второй куст казался человеком, уродливым, пугающим до крика, заставляющий вспомнить все фильмы ужасов и примерить на собственной шкуре роль обреченной жертвы...

Заавх резко обернулся. За ним семенил Смихн, трясущийся не то от холода, не то от страха перед непроглядной чернотой леса. Лунный свет упал на плечи вывалившейся из-за дерева Тэнтар, раздраженно стряхнувшую с рук что-то невидимое Заавху – за ней освещенное пятно среди лесной тьмы пересекли еще трое, успокаивая разогнавшееся сердце их нервничающего предводителя. Какие чувства захлестнули бы его, обернись он и, не увидев никого за своей спиной?..

...Тайгив потерял Ферьну из виду лишь на миг, затем увидел ее рядом с Джеффой. Последней, казалось, было уже плевать на камни, сучки и проклятых комаров, по ее темпу, не сбавляющемуся ни перед деревом с низкими ветками, ни перед черным пятном куста Тайгив с уверенностью понял, что бывшая одноклассница Гхолала отчаянно стремится, как можно быстрее добраться до дома! Между девушками неожиданно появился Дохойб, напугав обеих, но, не пройдя с ними и десяти шагов, вновь исчез из поля зрения Тайгива...

Он пропустил момент, когда ночь кончилась, без сожаления отдав лес в руки просыпающегося дня. Светлеющая тьма среди деревьев и скопившаяся в ямах чернота, стремительно уходящая под землю, сначала не привлекли внимания Смихна, посчитавшим происходящее запоздалым привыканием глаз к окружающей темноте. Но, все чаще видя собственные бледные руки, раздвигающие кусты или поднимающие над головой чересчур низкую ветвь, он почувствовал прилив сил: вместе с набирающими силу солнечными лучами росла уверенность в том, что мучительный лесной переход скоро закончиться!

Смихн видел спины перед собой, сторбленные от усталости, покрытые пятнами от укусов насекомых, древесной корой и царапинами, и не смог сдержать улыбки. Свою спину он выпрямил, зная, что за ним идет Гхолал, а рядом – Теллиса, с мрачным лицом лавирующая между деревьями.

Смихн обернулся, собираясь что-то сказать Гхолалу, но вмиг забыл, что именно: идущего последним парня не было за его спиной! Невольно замерев, растерянно крикнул:

– Гхолал!

Смихн оглянулся на Теллису, увидел недовольные лица людей за ее плечами. Заавх, покачивая головой, продолжил путь. Тайгив процедил сквозь зубы:

– Я, смотрю, ты не сильно устал, раз нашел силы шутить...

Смихн в недоумении развел руками. Вдруг почувствовал чье-то дыхание на своем плече – ужас пронзил сердце ледяной иглой, Смихн обернулся, как ужаленный.

– Ты где, твою мать, был?

Перед ним стоял Гхолал, тяжело дыша – весь в прилипших листьях, словно всю ночь спал на них. Губы кривились в усталой улыбке.

– Ходил по нужде.

Смихн сильно хотел высказать Гхолалу все, что он о нем думает, заодно применив несколько острых словечек, услышанных от Джеффы, но не успел.

– Сюда!!! – он вздрогнул от пронзительного крика Тэнтар.

Смихн и Гхолал, переглянувшись, сорвались с места.

* * * * *

Первой пришла мысль о том, что долгожданные видения, которые позже превратятся в галлюцинации с последующими расстройствами психики из-за долгого блуждания по темному лесу, усталости и необоснованного страха, наконец-то настигли Тайгива. Ибо лес внезапно раздвинулся, освободив огромную по размерам поляну – у противоположной от людей стены могучих деревьев упиралось в светлеющее небо странное сооружение. Напоминая чудовищных размеров цилиндр, оно, сужаясь к вершине, было облеплено маленькими башнями, в чьих окнах отражались лучи поднимающегося солнца. Слева Тайгив заметил гигантскую лестницу, поднимаясь взглядом по которой, добрался до входа в непонятное строение – тот был исполнен в виде оскаленной пасти неведомого чудовища со сжатыми гигантскими клыками. Вдоль спины пробежал неприятный холодок – на миг показалось, будто монстр, чьей жуткой пастью заканчивалась лестница, живой! Живой и голодный, терпеливо поджидающий, когда несчастные людишки подойдут ближе, чтобы...

– Этого просто не может быть! – изумленный голос Ферны вернул Тайгива к реальности.

– Я не верю своим глазам! – едва слышно прошептала Тэнтар.

Смихн вдруг поймал себя на мысли, что не сильно удивлен появлению столь странного сооружения в, казалось, изученном лесу, но, повернув голову вправо, почувствовал себя обделенным: Тайгив, Джеффа и Теллиса стояли, уронив челюсти. Лица друзей, словно застывшие маски безграничного изумления, внезапно вызвали в нем странную смесь гнева и презрения, но, бросив взгляд влево, Смихн вздрогнул, попятившись. В шаге от него бился в конвульсиях Заавх – его тело судорожно дергалось, словно кто-то невидимый, раз за разом наносил ему жесточайшие удары; лицо – белее простыни, на губах пузырилась желтая пена.

Смихн толкнул локтем того, кто ближе стоял, обернулся, увидел Дохойба, а затем полетел на землю от ответного толчка. Падая, задел ногой Гхолала – тот молниеносно обернулся.

– Что развалился, как... – начал, было, Гхолал, но, заметив движение сбоку и вновь обернувшись, увидел убегающего Дохойба. – А ты куда...

Внезапный шум заставил вновь развернуться к Смихну, и Гхолал с удивлением обнаружил, что рядом с ним извивался в судорогах Заавх: клочья пены летели по сторонам, голова билась по древесному корню, до крови разодрал кожу на лбу.

– Эй! – ударив Тайгива в бок, Гхолал прыгнул на Заавха и прижал к земле, пытаясь удержать от судорог. – Помоги!

Заавх подпрыгивал над землей вместе с Гхолалом. Тайгив, с трудом оторвав взгляд от пугающего строения, стоял и смотрел, как Гхолал тщетно пытается удержать Заавха в одиночку. После третьего или пятого черного ругательства, посланного ему разъяренным Гхолалом, Тайгив, наконец-то, очнулся. Вдвоем они смогли удержать от бешеных рывков голову и руки Заавха, но ноги последнего продолжали молотить воздух и спины прижимающих его тело к земле людей.

Чувствуя огромную силу извивающегося под ним, словно гигантская змея, Заавха, Тайгив вдруг натолкнулся взглядом на сидящего в трех шагах от него Смихна. Тот смотрел стеклянными глазами куда-то поверх его головы, вызвав у Тайгива приступ дикой ярости.

– Приглашения ждешь?! – его лютый рев заставил Смихна вздрогнуть, взглянуть на Тайгива.

Бешеные судороги Заавха постепенно стихали, их хаотичность превратилась в появляющиеся через разное время толчки. Вскоре рывки перестали быть сильными и опасными для Заавха, а затем так долго сведенное жуткой судорогой тело, наконец-то, облегченно расслабилось. Гхолал поднялся первым. Его лицо, грудь и руки были забрызганы желтой пеной, плечи расцарапаны до крови ногтями Заавха.

К брату кинулась Теллиса. Она заботливо убрала пену и листья, которые перемешались во время борьбы, с лица Заавха, нарвала большой пучок травы и подложила ему под голову вместо подушки. Спросила тихим голосом, с трудом сдерживая слезы:

– Что с ним случилось?

Она посмотрела на Гхолала, что стоял ближе всех, но тот пожал плечами. Раздался голос Тайгива, но едва Теллиса взглянула на него, тот мгновенно отвел глаза:

– Неужели ни у кого не появилось мысли о том, что этого... – он коротко оглянулся на пугающее строение за спиной, – здесь просто не может быть? Его не могли построить, чтобы мы об этом не знали. За день такое не сделаешь, как и не спрячешь!

Тайгив смотрел, как один за другим его друзья разворачивались, глядели за его спину какое-то время, после чего вновь поворачивались, сменив удивленные лица на недоумевающие. Все, кроме Гхолала – тот, спохватившись, нарвал травы и принялся вытирать с себя быстро засыхающие клочья пены.

Смихн неуверенно протянул:

– Думаешь...

– Уверен! – перебил его Тайгив. – Это строение либо построено инопланетянами, либо является их кораблем!

Он еще не договорил, но уже почувствовал холодок ужаса, подбирающегося к сердцу. Его собственные слова, сказанные бесчисленное количество раз в самых разных ситуациях, сейчас вдруг прозвучали зловеще. Вернулись воспоминания об ужасах ночи, причина которых сейчас показалась намного страшней лесных хищников и ядовитых змей.

Джеффа, которую уже трясло, пробормотала, сбиваясь:

– Корабль это или нет, но если принадлежит инопланетянам, то рано или поздно они вернуться за ним! Я не собираюсь их дожидаться...

– Что бы это ни было, почему оно подействовало только на Заавха?! – зло крикнула Теллиса.

– Ты видишь на мне скафандр? – Тайгив вопросительно посмотрел на девушку. – И я не вижу, отсюда вывод – мы также беззащитны, как Заавх, поэтому...

– Должны валяться рядом с ним! – нервно закончила за него Ферья. – Но так как этого не случилось...

– Ничего ни на кого не действовало, – резко повернулся к ней Тайгив. – Заавх – Тайгив вновь взглянул на Теллису, на миг, задумавшись, как сказать так, чтобы правильно поняла, и не уронить Заавха в глазах сестры, – не переносит... колдовства, что ли. У него такой характер, не меняющийся ни с возрастом, ни... Единственное, чего Заавх боится до обморока – это всего необъяснимого...

– Мы все смотрели на эту инопланетную хрень, – сказал Смихн, покосившись на зловещее строение, – что такого увидел Заавх, чего не заметили мы?

– Похоже, его мозг не стал дожидаться, пока оттуда что-то вылезет, – глухо произнесла Теллиса, нахмутив брови. Ее взгляд стал стеклянным...

Тайгив мгновенно оказался рядом.

– Он очнется, подожди пару минут...

– Откуда знаешь? – зло вскричала Теллиса. – Как часто вы с Заавхом сталкивались с необъяснимым? Раз в неделю, в месяц – по часам замечал, сколько времени потребуется моему брату, чтобы очнуться после очередного приступа? Тебе не приходило в голову, что подобные обмороки могут его убить?!!

Тайгив невольно взглянул на Заавха – тот лежал, не шевелясь. Его грудь ровно поднималась и опускалась. Уверенность в том, что Заавх откроет глаза, и, как все предыдущие обмороки, со смехом будет вспоминать и этот, вдруг пошатнулась.

– Мы с Заавхом не видели призраков или зеленых человечков, – произнес, наконец, Тайгив, – но убегали, не чувствуя ног от ужаса, когда кусты, насквозь просматриваемые, вдруг начали бешено трещать и качаться в полном безветрии. Тени без людей, словно живущие сами по себе, переходили дорогу в нескольких шагах от нас, а проезжающая в следующий миг машина освещала фарами лишь бетон дороги и расписанные граффити стены заборов...

– И с ним каждый раз такое? – осторожно спросила Ферьна, кивнув на Заавха.

Тайгив посмотрел на нее, но отвечать не стал.

Повисла напряженная тишина. С каждым мгновением она становилась все тяжелей – Тайгив знал, какие мысли сейчас разрывают головы сидящих перед ним людей. Вряд ли хоть один из них действительно поверил ему, но страх всем придумает свои причины для происходящего...

Вдруг раздался дикий крик.

– Это Дохойб! – резко выдохнул Тайгив.

Он содрогнулся не только телом. Что-то в груди, такое хрупкое и незаметное до этого момента, словно ожило, решившись, наконец, взглянуть на мир за пределами человеческого тела, но, ужаснувшись в первый же миг, вновь спряталось на неведомую глубину, только на этот раз – раненное страхом...

– Но как же... – растерянно-испуганным голосом пробормотала Тэнтар. – Он ведь...

Голос девушки вернул Тайгива к реальности. Он обернулся к жуткому строению.

– Надо найти его, – уверенность в том, что крик Дохойба пришел оттуда, росла вместе с пугающими, разбегающимися в стороны мыслями о том, что могло заставить его кричать.

– Ты не пойдешь туда один! – вцепилась в его руку Ферьна.

– Это ты туда не пойдешь, – скривился Тайгив, освобождая кисть.

– Пойдем все вместе! – заявила Ферьна.

Она лишь мгновение смотрела в глаза Тайгиву, после чего повернулась к Смихну.

– Вставай!

Тот изумленно выпучил глаза, но сказать ничего не успел.

– Что значит – вместе пойдём? – недоуменно спросила Тэнтар, бросив напуганный взгляд на строение. – Я согласна с Джеффой – не стоит ждать, когда явятся хозяева этого... чем бы это ни было!

– Поэтому, – в голосе Ферны прозвучал металл, – нам лучше поторопиться...

– Я не иду, – тихо произнесла Джеффа, глядя на Ферьну исподлобья: – Я ноги растерла до крови – не могу шагу сделать, чтобы не заорать от боли. Я подожду вас здесь.

– И я не иду, – сказала Теллиса, нежно погладив щеку брата. – Я останусь с ним.

– Зачем? – спросила Ферьна. – За ним посмотрит Джеффа, раз остается.

– А если его снова затрясет? – Джеффа явно не хотела оставаться одна. – Мне точно понадобится чья-то помощь, чтобы...

– Больше судорог не будет, – уверенно сказал Тайгив.

– Так что идем с нами, – со вздохом взглянула на Джеффу Тэнтар.

– Я не могу...

Повторный крик, жуткой молнией пронзивший воздух, был также неожидан и страшен. Он укрепил зародившийся словами Тайгива страх – Ферьна вдруг ощутила, что желания войти в зловещее строение заметно убавилось. Но, стиснув зубы, нетерпеливо сказала:

– Нет времени болтать!

– Я туда ни за что не сунусь, – прошептала Джеффа, вжимаясь в кусты, у которых сидела.

Ферьна, презрительно фыркнув, первой сделала шаг к залитому солнцем строению на опушке леса. Ее сердце билось о ребра все сильнее.

– Как ты можешь идти туда? – услышала она крик Джеффы. – Ты же не знаешь, что там. Может быть, там сам...

Ферьна шумно выдохнула. Она сама додумала мысль о том, кто может их ждать внутри страшного здания. Но бросать начатое она не привыкла – Ферьна сама не заметила, как побежала.

Смихн проследил взглядом бегущих к гигантской лестнице пять расплывчатых в сияющем солнце фигур, затем одобрительно глянул на Джеффу.

– Не говори ни слова, – почувствовав его взгляд, ответила Джеффа.

Спустя миг Смихн облегченно растянулся на траве: после тяжелой ночи ему просто необходимо отдохнуть.

* * * * *

Вблизи ступени оказались растрескавшимися и частью обвалившимися, но были огромных размеров – Ферьна с разбега запрыгнула на первую, наполовину утонувшую в земле ступень; одолела, хоть и с трудом, вторую, но на третью запала не хватило. Вспотевшие ладони соскользнули с крошащегося камня, Ферьну откинуло назад, но в этот момент в нее уперлись две ладони: одна – между лопаток, другая – пониже спины. Обернувшись, девушка увидела Тайгива с Гхолалом. От их дружного толчка Ферьна взлетела на третью, с которой чуть не сорвалась, ступень, и дальше полезла осторожнее, прощупывая не такие уж и прочные на вид камни.

Солнце неспешно поднималось на вершину неба, его лучи становились все горячее. К удивлению карабкающихся вверх лестницы людей, громадные ступени быстро и сильно нагрелись, стали обжигать обнаженные ладони и ступни. Ферьна после первого десятка ступеней уступила лидерство Тайгиву, затем отдала серебро Гхолалу, но дерзнувшую на третье место Тэнтар беспощадно оставила далеко за собой. Теллиса, словно маленькая обезьянка, бодро карабкалась вверх, никого не обгоняя, но и не отставая от всех. Ферьна, тяжело дыша, как-то обернулась на сестру Заавха и поразилась: та даже не вспотела!

А на Ферьну лились тугие потоки потного воздуха после Тайгива и Гхолала. Сначала она терпела, справедливо полагая, что от нее пахнет не лучше. Но запах крепчал, солнце придавливало его к поверхности ступеней, по которым Ферьна от усталости и духоты уже водила носом. Налетевший порыв слабого ветра подарил задыхающейся девушке маленький глоток свежего воздуха, прибавил сил, позволив разом преодолеть три ступени – но после скорость вновь уменьшилась. А сверху, помимо густого, хоть топор вешай, запаха пота полетели мелкие камешки и вырванная с корнями желтая трава.

Тэнтар приходилось намного хуже. Ей очень мешал ее вес, куда больший, чем вес стройной Ферны или подтянутой Теллисы. С Тэнтар лились ручьи едкого пота, что щипал глаза, не давал возможности рукам крепко схватиться за каменный выступ. Один раз она промахнулась, схватила вместо ребра ступени воздух, и сильно ударилась лбом о предыдущую ступень. Мимо, прерывисто дыша, пролезла сестра Заавха, и Тэнтар, с уменьшенной тяжестью подъема злостью поняла, что замыкает их отряд.

Гхолал не смотрел вверх, видел лишь каменные ступени перед глазами, что пролетали под ним куда медленнее, чем в начале подъема. Лишь по радостному выдоху Тайгива понял, что скоро чудовищная лестница кончится. Боковым зрением увидел лезущего рядом Тайгива – сквозь пот, застилавший глаза, тот казался расплывчатым силуэтом. Гхолал решил первым достичь вершины и бросил оставшиеся силы на покорение тяжелого пика. Рискнул взглянуть вверх, увидел две ступени, а за ними – громадную пасть, и, стиснув зубы, полез еще быстрее.

Тайгив, заметив, что друг не сбоку, а уже над ним, тоже добавил скорости. В голове мелькнула мысль: нашли время соревноваться! Но, как любил говорить лежащий сейчас без сознания Заавх, нужно всегда стремиться быть первым. Во всем.

Последняя ступень была намного больше всех остальных, на ее поверхности не было никаких растений, что часто встречались на других каменных порогах. Двое достигли ее одновременно. Тайгив схватился рукой за ребро ступени, а Гхолал, забравшись на предпоследнюю,

прыгнул вверх. На вершине они столкнулись, без сил развалились на горячем камне прямо под чудовищной пастью. Отдыхали несколько мгновений, затем что-то подняло их и заставило спускаться на две, три ступени, чтобы помочь представительницам слабого пола.

Когда все оказались на площадке перед входом, некоторое время просто лежали, без разговоров и без движений, приходя в себя и успокаивая дыхание.

Первой села Ферьна.

– Хватит валяться, – просипела она, отряхивая спину от прилипшей к ней каменной крошки.

– Дохойб больше не кричал, – устало сказала Тэнтар, совсем не желая подниматься.

С опушки, на которую они вышли из чащи и с которой рассматривали диковинный вход в не менее необычное строение, клыки в пасти жуткого зверя казались плотно сомкнутыми. Но сейчас, стоя в нескольких шагах от них, явилась истина: между толстыми, как столбы, зубами были достаточно широкие трещины, в которые при желании мог пролезть человек.

Ферьна топталась на месте, не решаясь первой лезть внутрь. Тайгив заметил ее колебания и шагнул к трещине, но его опередил Гхолал: только что стоящий за Тайгивом, он быстро протиснулся между гигантскими клыками. Все задержали дыхание, слушая звуки по ту сторону пасти, и облегченно выдохнули, когда будто издалека раздался глухой голос Гхолала:

– Присоединяйтесь! Тут странно...

Ферьна тут же скользнула в трещину, за ней, ругая свою медлительность, проскочил между клыков Тайгив. Теллиса пролезла, даже не задев зубов плечами, но Тэнтар вдруг замешкалась. Из леса строение не казалось страшным, да и пока лезли, умирая от жары, не было и мысли, что дом из камня может внушить такой страх. Сейчас же, глядя в чудовищную пасть перед собой, никак не заставить сделать шаг. Она попыталась утешить себя: в такой прекрасный солнечный день с ними просто не может случиться ничего плохого. Но ужас мгновенно остудил разгоряченное подъемом тело, коснулся сердца ледяной лапой – Тэнтар почувствовала исходящую изнутри здания угрозу. словно было что-то, могущее причинить ей вред – обернувшись, она разглядела среди зелени три лежащие фигуры и сильно, очень сильно захотела сейчас лечь вместе с ними на мягкую траву, подальше от раскаленных камней и жутких дверей в виде уродливой звериной пасти...

* * * * *

Вопреки ожиданиям Гхолала, внутри не было темно. Свет тонкими струями поступал сквозь множество узких щелей в стенах, был рассеянным и тусклым, но позволял в достаточной степени рассмотреть необычное помещение.

Высоченный свод, под которым летали птицы, не различимые снизу; огромные колонны, подпирающие его, и стены, исписанные и отделанные непонятными рисунками и знаками – все это очень сильно напоминало экскурсию в музей. Пол был покрыт толстым слоем пыли, разлетающейся по сторонам при каждом шаге. Гхолал быстро осмотрел помещение, нашел несколько деревянных дверей с кольцами вместо ручек. Он направился к ближайшей из них, намереваясь открыть и, на миг, представив себя искателем приключений, найти за ней сундуки с сокровищами, как вдруг раздался изумленный возглас Тайгива:

– Вы только посмотрите!!!

Его голос гулким эхом разнесся по огромному помещению и вернулся искаженно-противным. От него Гхолалу стало не по себе, но уже в следующий миг ненавистный страх был раздавлен поражающей сознание картиной, замеченной Тайгивом в дальнем углу помещения. На противоположном от них конце зала высилась громадная статуя. Она изображала дикого кровожадного зверя, сохранившего человеческие черты тела – неизвестное существо стояло на полусогнутых ногах, в напряженной позе, руки были выставлены перед собой и чуть разведены в стороны, словно приготовились схватить любого, кто осмелится приблизиться. Зверинная голова, острые уши, невероятные глаза под тяжелыми дугами грозно сведенных бро-

вей – все производило пугающее впечатление, что в каменной статуе живет душа того, по кому создавали сей жуткий монумент. И сейчас эта горящая ненавистью душа наблюдает за горсткой дерзнувших явиться сюда людишек.

– Мне страшно! – прошептала Ферьяна, сжимая ладонь Тайгиива. Тот вздрогнул от ее прикосновения, посмотрел на Гхолала. Стоящий неподалеку, он, выждав мгновение, пожал плечами, но Тайгиив прочитал на его лице волнение и плохо скрываемый страх.

– Мы сюда за Дохойбом пришли или на нее смотреть? – Теллиса отошла на пару шагов от пугающей статуи.

– Не представляю, откуда начать поиск, – натужно выдохнул Тайгиив.

– Может, отсюда? – Девушка прошла на несколько шагов вперед и остановилась под каменным существом, ткнув пальцем ему под ноги.

– Под статуей есть ход!

К Теллисе присоединился Гхолал, и она, держась за его плечо, заглянула в нишу. Оттуда пахло застоявшимся теплым воздухом – прищурившись, девушка сумела разглядеть ступеньки, исчезающие во мраке.

– Вряд ли он там.

– Я тоже не хочу туда спускаться, – сказала Ферьяна.

Теллиса удивленно обернулась на нее, но Тайгиив опередил:

– Я видел несколько дверей.

– Давайте посмотрим везде! – предложила Теллиса. – Надо побыстрее найти Дохойба и...

– Как думаешь, почему он кричал? – вдруг спросил Тайгиив, глядя в лицо девушки.

– Не начинай! – отрезал Гхолал.

– Может, просто упал, – продолжал Тайгиив, наблюдая за изменением лица Теллисы. – Но, может быть, с ним случилось что-то другое...

– Зачем ты ей это говоришь? – разозлился Гхолал.

– Затем, что здесь страшное место, – ответила за Тайгиива Ферьяна, – и нам здесь нечего делать. Надо вернуться домой и кого-нибудь позвать на помощь.

– Напугать меня решили, а? – Теллиса вдруг шагнула на первую ступень, затем на вторую, третью, стала быстро спускаться ниже. Гхолал, сверлящий Тайгиива злым взглядом, опомнился слишком поздно:

– Теллиса! Не ходи одна!

Он собрался проследовать за исчезающей во тьме девушкой, но жуткий вопль Ферьяны остановил его. Резко обернувшись, увидел побелевших лицами и медленно отступающих Тайгиива и Ферьяну.

Затем услышал треск над головой...

* * * * *

Тэнтар, стоявшая на краю площадки в беспощадной борьбе с самой собой, чуть не свалилась с нее, когда услышала пронзительный вопль. Ее пробил ледяной пот, сердце бешено заколотилось в груди. Она прильнула к трещине между клыками, но после яркого солнечного света практически ничего не увидела в полумраке помещения. Смутно видела темные силуэты, слышала нарастающий треск...

Громоподобный, нечеловечески могучий рев откинул Тэнтар назад. Она успела два или три раза ступить по камню, пытаясь удержаться на ногах, но в этот момент босая ступня оказалась в воздухе. Девушка отчаянно замахала руками, пытаясь удержать равновесие, но тяжесть собственного веса потянула вниз, и Тэнтар с криком покатила по крутой лестнице.

* * * * *

Гхолал, пятясь, наблюдал пробуждение статуи и не верил своим глазам. Лопнула каменная скорлупа на лице зверочеловека, красным огнем вспыхнули глаза. Оживающее существо дико задергало головой, ускоряя разрушение камня на шее и могучих плечах – огромные

обломки летели во все стороны, с грохотом обрушиваясь на пол. Когда освободился торс, чудовище воздело руки, на которых вздулись чудовищные по размерам мышцы, и исторгло из широченной груди звериный рев.

На Гхолала, парализованного ужасом, этот рев, больше похожий на вой, подействовал отрезвляюще. Сердце, замершее от дикого страха, пустилось в сумасшедший галоп, а изо рта с хрипом вылетел так долго сидевший в сжавшихся легких воздух. Ожившее существо несколькими жуткими ударами расколело камень на ногах и вдруг взглянуло на Гхолала. Тот что-то просипел не своим голосом, а в следующий миг животный ужас заставил бежать...

...Гхолал изо всех сил мчался к ближайшей двери. Он не чувствовал собственного тела, был в нем, словно пленник – больше жизни желал вырваться из него бесплотным духом и устремиться к небу, синему, чистому... Когда добежал, с ходу ударил в дверь ногой. Дверь была не заперта, но открылась медленно. Скользя в проем, Гхолал рискнул оглянуться и чуть не умер от ужаса: чудовище несло к нему!

В перехваченном жутким страхом горле не осталось сил даже на крик. Тело куда-то двигалось, поднималось по каким-то ступеням, падало, вновь поднималось, срывая ногти и обдирая в кровь колени, слыша за спиной грохот догоняющего монстра. Проблеск сознания явился уже перед второй дверью, что открылась хуже первой. Гхолал завопил от ужаса, отчаяния и слабый ярости на проклятую дверь – чувства вдруг налетели безудержной волной, выбили слезы из глаз. Наконец, ворвался в маленькую комнату, заваленную какими-то ящиками и сундуками.

Гхолал, не останавливаясь, кинулся прямо к окну, что было в полстены. Сзади раздался грохот выбитых косяков, в шаге от распахнутого окна голую спину обожгло горячим дыханием, и Гхолал, не раздумывая, прыгнул. Вылетев из окна, ужаснулся высоте, что под ним, но в следующий миг ощутил рухнувшую на него тяжесть огромного тела, и Гхолал полетел вниз с жуткой скоростью. Он страшно закричал, когда затрещали, ломаясь, его ребра, острые клыки монстра вонзились в шею... Они жестко ударились обо что-то, затем еще раз и еще, продолжая падать. Гхолал видел бьющие по лицу ветви деревьев, пытался ухватиться за них, но очередная ветвь с отвратительным хрустом перебила руку в локте. Теряя сознание, увидел, как отпустивший его монстр рухнул на толстый сук, пронзивший зверя насквозь. Обрадоваться Гхолал не успел – тот же самый сук вошел в его бедро: закричав, Гхолал с размаху врезался лбом в ствол дерева, на котором повис, и... утонул во тьме.

Глава 2

Пробуждение началось с острейшего приступа боли. С глухим, едва слышным самому стоном, открыл глаза, увидел бледное, как простыня, лицо Тайги́ва, затем все тело пронзила жуткая судорога...

Второй раз очнулся от дрожащего голоса Ферны. Ощутил, что лежит на земле, что-то колет в ухо, возможно, трава, над ним летали комары и слепни. Помимо насекомых, увидел склонившихся над ним Ферну и Тайги́ва. Чувствуя, что во всем теле нет ни единой целой косточки, а чудовищная боль разрывает каждый кусочек его изуродованного тела, Гхолал с трудом разлепил губы:

– Где...

– Кто? А! Рядом, – ответил Тайги́в, – сук не выдержал вас двоих и лопнул.

– У тебя дыра в ноге, – дрожащим голосом произнесла Ферна, и Гхолал смутно увидел, что в глазах девушки слезы. – И тело все... рука, наверно, сломана...

– Я чувствую... – сказал Гхолал так тихо, что едва сам услышал свои слова. Волна страшной усталости вперемешку со слабостью и тошнотой набирала силу, поглощая и так с неимоверным трудом державший сознание разум. Перед глазами все куда-то поплыло, переливаясь, будто радуга, меняя формы, размеры...

* * * * *

– Он... – не веря, шептала Ферна. – Он умер?..

Тайги́в не мог оторвать взгляда от залитого кровью лица друга, все еще надеясь, что он откроет глаза, что-нибудь скажет или просто улыбнется, давая понять, что с ним все в порядке, а раны на его теле – царапины...

Но Гхолал не открыл глаз, а раны на его теле были слишком серьезными, чтобы называться царапинами. Глубокие кровавые борозды, через которые просматривались внутренности; торчащие острые обломки ребер и наполовину оторванная страшным укусом шея – со всем этим не мог справиться слабый человеческий организм. Жизнь не могла более храниться в настолько испорченной плоти, ибо душа должна смотреть на мир через глаза, а не сквозь дыры в теле...

Тайги́в поднялся на ноги, совершенно не желая этого. Ферна сидела перед неподвижным телом, по ее щекам ручьем текли слезы. Тайги́в не стал тревожить девушку, просто повернулся и поплелся обратно в замок. Внутри осталась Теллиса, шастающая где-то в подвалах или, скорее всего, в берлогах монстров подобных тому, что убил Гхолала.

Самые разные мысли металась в голове Тайги́ва. Впервые в жизни видел настоящее чудовище – не образ ночного кошмара и не хмельной бред, хотя существо, что родилось из камня, было страшнее всего на свете. Когда они с Ферной прибежали сюда, на задний дворик замка, они долгое время не осмеливались подойти к гигантской туше, рядом с которой лежал кажущийся нереально маленьким Гхолал. Широченная грудь монстра не шевелилась. Тайги́в много раз повторял это насмерть перепуганной Ферне, хотя мозг отрицал саму вероятность того, что ожившая каменная статуя могла умереть, лишь пронзенная острым сукон.

Тайги́в замер в ужасе, не додумав мысль. Как он мог оставить Ферну наедине с чудовищем, всего лишь притворяющимся мертвым и выжидающим момент, чтобы сожрать беззащитную девушку. Тайги́в резко развернулся, хотел уже бежать обратно, но внутренний голос остановил. Каким бы сверхъестественным и невероятным существом не был этот монстр, он все же был живым. А как все живые твари, ему необходимо дышать – может, мизерно мало, но дышать.

Тайги́в вновь остановился, охваченный новыми мыслями. Оживший демон мертв, он уже никому ничего не сделает, но его сородичи... Парня окатило ледяным потом, когда представил

прижатую чудовищным ужасом к стене Теллису в окружении уродливых монстров. Каждый из них лязгает огромными зубами, тянет к бедной девушке свои когтистые лапы, каждый хочет отхватить кусок послаще...

Тайгив развернулся вокруг своей оси во второй раз, снова сделав несколько судорожных шагов, после которых схватился за голову и остановился. Он твердил себе, что надо успокоиться, собраться с мыслями, не хаотичными и прыгающими, а спокойными и рассуждающими. Но никак не получалось, перед глазами все время вставало изувеченное тело и навсегда ослабленное лицо Гхолала.

В какой-то момент он хотел заплакать. Страшным усилием удержался от слез, хотя душа дрожала, как листья на ветру, при дерзком внедрении мысли о том, что умрет Тайгив также жутко, как покинул этот мир Гхолал.

Вскинув голову, увидел разбитое окно, из которого выпали чудовище с его другом. Рядом с окном теснилась очень узкая лестница, по которой Тайгив с Ферьной и спустились сюда. Сначала хотел по ней же, и вернуться в замок на поиски Теллисы, но потом Тайгив твердо решил рассказать обо всем случившемся тем, кто ждут их возвращения на опушке леса. Возможно, даже Заавх уже пришел в себя и никак не останется вне замка, зная, что где-то внутри его сестра.

Слабым утешением Тайгиву была мысль о том, что вдвоем с Заавхом они смогут быстрее найти Теллису, вдвоем дотащат тело Гхолала до деревни и навсегда покинут это проклятое место. Ибо Тайгив был абсолютно уверен: если он выберется отсюда живым и невредимым, то ни за что больше сюда не вернется. Если выберется...

Под последней ступенью, что наполовину была в земле, в неестественной позе лежала Тэнтар. Лежала спиной к подходящему в изумлении Тайгиву, и тот видел лишь посиневшую от множества синяков и кровоподтеков спину девушки. Нога одноклассницы была сломана либо вывернута, ибо лежала так, как нормальная нога никогда не смогла бы лежать. Под ногой Тайгива зашуршали листья, Тэнтар вздрогнула всем телом и резко повернулась к парню лицом. Тайгив побледнел: губы девушки были так расплющены, что походили на подгоревшие оладьи. Правая сторона некогда красивого лица была исполосована кровавыми ссадинами, создавая отвратительное впечатление, будто Тэнтар провели щекой по мелкой терке.

– Тайгив, – прошепелявила девушка, а он, ужаснувшийся при мысли о том, что Тэнтар лишилась зубов, с неким облегчением увидел обломанные четыре передних резца.

– Я не чувствую ноги...

– Сейчас посмотрю, – Тайгив присел рядом с девушкой. Но едва прикоснулся к чудовищно распухшей ноге Тэнтар, как по ушам ударил ее пронзительный крик. Затем посыпались ругательства и оскорбления, после – сильный толчок в плечо, из чего Тайгив сделал печальный вывод – нога сломана.

– Мне больно! – кричала Тэнтар.

– Ты упала? – спросил Тайгив. – Но как?

– А зачем орали? Напугать хотели? – Тэнтар вдруг разрыдалась. – Видишь, что ты наделал... зачем ты так...

– Это... – начал, было, Тайгив, но осекся: стоит ли раненой, заливающейся слезами и утопающей в горе девушке открывать сейчас правду?

– Я наложу тебе шину, – Тайгив встал.

Он глянул на поляну, где должны были оставаться Смихн, Заавх и Джеффа, и остолбенел: там никого не было! Совершенно ничего не понимающий Тайгив не смог придумать никакого другого оправдания для их исчезновения, как находившееся за его спиной строение. Вероятно, они пошли внутрь его, устав ждать, на поиски остальных. Но это значит, что Заавх победил свой страх, а Джеффа пересилила боль в стертых ступнях. Тайгиву меньше всего в это верилось, но ничего другое на ум не приходило.

– Ты не видела? – обернулся Тайгив к Тэнтар, но боковым зрением заметил движение на гигантской лестнице. Щурясь от яркого солнца, что приближалось к середине неба, он пытался рассмотреть что-то расплывчатое и сияющее в ослепительных лучах. А когда рассмотрел, обрадовано выдохнул: по чудовищным ступеням, сильно хромя, спускалась Теллиса!

* * * * *

– Хорошо, что тебя с нами не было! – против воли выдохнул Тайгив. Разум автоматически запретил сообщать девушке насыщенные события недавних минут. Как и Тэнтар, пусть остается в неведении. Пока.

– А мне было так страшно без вас! – Теллиса спрыгнула с последней ступеньки прямо на грудь Тайгиву, обхватила руками его шею, всхлипнула. – Я чуть не умерла в этих подвалах...

Тайгив ощутил болезненный укол совести, плохо выразил радость, что Теллиса не видела ожившего из каменной статуи чудовища. Обнял вот-вот готовую разрыдаться девушку, как она вдруг сказала:

– Я нашла Дохойба.

Тайгив вздрогнул, сразу вспомнив жуткий крик пропавшего в замке парня:

– Где он? Почему ты вернулась без него?

И сразу догадался о причину отсутствия Дохойба.

– Я нашла его не... – Теллиса запнулась, из глаз потекли слезы, – не совсем целого...

– Как это? – не понял Тайгив, а воображение услужливо рисовало изуродованного Дохойба: кишки в одной стороне, мозги в другой, а содранная кожа висит на его кровавом скелете, как ужасный плащ...

– Только половину, – выдавила Теллиса и разрыдалась, не в силах больше сдерживать в себе увиденный кошмар. Тайгиву пришлось вновь ее обнять, на этот раз намного крепче, дабы успокоить бьющую девушку истерическую дрожь.

– Что с твоей ногой? – Тайгив опустил глаза, невольно поморщился от скрюченных опухших пальцев Теллисы.

– Я упала, – сквозь слезы произнесла девушка, – неудачно.

– И странно, – заметил Тайгив, не в силах представить, как при падении можно так переломать пальцы на ноге.

Скосив глаза, он увидел бледную Тэнтар. Ожидал вопросов, целой кучи самых разных вопросов, но девушка молчала.

– Ты не знаешь, где Заавх и остальные? – это была попытка отвлечь девушку от пугающих мыслей.

– Ушли в лес, – тихим голосом сказала Тэнтар.

– Но зачем? – продолжал Тайгив, поглаживая Теллису по волосам. – Они же должны были нас ждать здесь, а не болтаться по лесам без...

– Вот у них и спросишь, – перебила Тэнтар злым голосом, – когда найдешь.

– А давно...

Второй раз его перебила Ферьна, появившаяся из-за угла. Заплаканное лицо, мешки под глазами, будто неделю не спала, дрожащие губы – такой Тайгив не видел ее никогда. Бывшая одноклассница Гхолала прошептала еле слышно:

– Я хочу домой.

* * * * *

Тайгив первым заметил торчащие из кустов босые ноги, тут же заглянул за ветки.

– Одна есть, – облегченно произнес он, глядя на жадно пьющую воду из ручья Джеффу. При звуке его голоса девушка испуганно перевернулась с живота на спину, едва не подпрыгнув над землей.

– Наконец-то, – повторила она фразу Тэнтар, вскакивая на ноги.

– Трудно было нас подождать? – спросил Тайгив, в следующую же секунду поняв, что задал не тот вопрос. Сначала хотел спросить, где еще двое, но эта испуганно-обрадованная девушка сбила все его мысли.

– Это Заавх, – скороговоркой пробормотала Джеффа визжащим голосом, – он вскочил и побежал в лес. Смихн за ним, хотел догнать... Пока бежали, заблудились, потеряли дорогу к замку, и вдруг Заавх сам выпрыгнул из кустов, налетел на Смихна, стал орать...

– На кого орать – на Смихна? – перебил Тайгив.

Джеффа усердно закивала.

Из кустов вышла хромающая Теллиса, за ее плечо держалась прыгающая на одной ноге Тэнтар. Джеффа кинулась заключать их в свои объятия, но Тэнтар предупреждающе выставила перед собой палку, что выломал ей Тайгив, строго приказав опираться на нее при ходьбе.

– Что с тобой случилось? – удивилась Джеффа.

– Лучше б не случилось, – пробурчала Тэнтар.

Грязное лицо Джеффы приняло еще более удивленный вид, даже рот раскрылся.

– Что было потом? – Тайгив тронул девушку за плечо.

– Смихн побежал от Заавха, – ответила Джеффа рассеяно. – Тот орал, как сумасшедший...

– Куда они побежали? – спросил Тайгив. – И почему ты осталась?

Джеффа изумленно уставилась на Тайгива, тот понял, что спросил глупость, и поспешно задал другой вопрос:

– Давно ты бродишь одна?

– Я не помню, – пожала плечами Джеффа, – я сначала кричала им, чтобы остановились. Потом кричала, чтобы подождали. А потом нашла этот ручей.

Теллиса истерично усмехнулась при этих словах.

– Пошли их искать, – решил Тайгив и внимательно посмотрел на Джеффу: – показывай, куда они бежали...

...Смихн устал уговаривать Заавха, но тот при одном упоминании о странном здании посреди леса приходил в бешенство.

– Нас будут искать! – уже в который раз повторял Смихн. – Чем дальше мы уходим, тем дальше...

– Ты ничего не понимаешь! – выкрикнул Заавх, в очередной раз, швырнув Смихна на землю, когда тот попытался подняться. – Тайгив увидит, что нас нет, и будет орать на весь лес, пока мы не услышим его и заорем в ответ. Тогда он узнает, где мы и со всеми идиотами, которые остались с ним, придет к нам – прочь от того проклятого места...

– Но они могут кричать с расчетом, что мы пойдем на их голос, – отвечал Смихн, – они будут ждать нас, они никуда не уйдут с того места, где должны ждать их мы.

– Там нельзя оставаться, придурок! – Заавх пустил в ход ругательства, не зная, как еще объяснить, что они ни за что не вернутся. – Это сооружение – не людьми сделано, пойми ты, наконец. Оно вообще не нашего мира, и прикасаться к нему, а тем более входить в него, нельзя...

В легких закончился воздух, Заавх замолк, прерывисто задыхался.

– Я пойду обратно! – резко встал Смихн.

– Даже не думай! – засмеялся Заавх, угрожающе приближаясь. – Я не дам тебе умереть от колдовских сил, мы будем ждать остальных здесь.

– Если хочешь – жди, – отрезал Смихн, – а я иду к ним.

– Никуда ты не пойдешь.

Рука Заавха схватила плечо Смихна, но пальцы соскользнули по грязи. Смихн побежал в кусты, точно зная, что Заавх бросится за ним...

Они столкнулись с такой силой, что из глаз полетели искры. Смихн с криком упал на траву, схватился за ушибленный нос, что мгновенно выпустил из обеих ноздрей кровь. Услышал громкий выдох Заавха, затем открыл глаза, желая посмотреть, кого сбил.

Напротив Смихна поднимался с земли Тайгив, за его спиной замерли Ферьяна, Тэнтар, Джеффа и Теллиса. Последняя, завидев брата, тут же захромала к нему.

Заавх жадно обхватил сестру руками, сильно сжал:

– Я так рад, что ты ушла оттуда!

– Вот вы, значит, где, – пробурчал Тайгив, потирая быстро растущую шишку на лбу.

– Да, – кивнул Заавх, – мы ждали вас здесь.

– Я так и думал, – отмахнулся Тайгив, присаживаясь у дерева.

– А где Гхолал с Дохойбом? – прогнусавил Смихн.

– Остались, – нехотя ответил Тайгив тоном, не располагающим к дальнейшим расспросам. Он забыл о своем желании принести тело друга в деревню, ибо не знал, в какую сторону нести. Тогда Тайгив задал наиважнейший вопрос в ироничной форме, отлично понимая, что шутить, не располагает ни место, ни последние обстоятельства: – Заавх, пока вы играли со Смихном в догонялки, случайно не пробежали мимо нашей деревни?

– Случайно – нет! – прошипел Заавх. – Я не до конца понял твой ответ – что такого увидел Гхолал, чтобы вместе с Дохойбом остаться в одном месте? Они же на дух друг друга не переносят!

– Напряги извилины, Заавх, – устало выдохнул Тайгив, – я не хочу об этом говорить.

Заавх засопел, но промолчал.

– Они что, исчезли в луче света? – пораженно прошептал Смихн.

– Нет, агент Малдер, инопланетяне их не забирали, – огрызнулась Тэнтар, – в том чертовом замке нашлись твари страшнее.

Смихн на мгновение потерял дар речи.

– И вы видели этих тварей? – изумился он, переводя взгляд с Тэнтар на Тайгива. – Но как вам удалось спастись?!

– Гхолал и Дохойб, – убитым голосом произнесла Ферьяна, – но спасибо им сказать мы не успели...

Из глаз девушки вновь хлынули слезы. Ферьяна отвернулась, затем отошла в сторону, спрятав лицо в ладонях – ее плечи тряслись от рыданий.

– А ты хотел туда идти, – взглянул на Смихна Заавх, качая головой.

– Охренеть! – схватился за голову Смихн. Сквозь ужас осознания всего, что услышал, до него донесся голос Тайгива: – Теперь ничего уже не сделаешь.

– Может, ты и скажешь их родителям?! – рассвирепел Смихн.

– Может, я и скажу, – отвел глаза Тайгив и со злостью вырвал из земли пучок зеленой травы, – сначала добрать бы до них!

Глава 3

Деревянная ограда, состоящая из связанных между собой и вбитых в землю огромных толстых жердей, выпрыгнула на их путь совершенно неожиданно, заставив Заавха, идущего первым, замереть в недоумении. Ограда была настолько выше него, что, невольно вытянув вверх руку, Заавх не смог дотянуться пальцами до заостренных концов жердей.

– Это не наша деревня, – сказал ему в ухо Тайгив.

Сквозь щели между жердями он смотрел на дома: огромные деревянные постройки, больше похожие на тюрьмы для одиночек, чем на жилища людей. У каждого дома была своя ограда, за которой располагались в определенном порядке огород с длинными грядками и сараи, но, ни в одном Тайгив не увидел окон. Он насчитал четыре дома – лишь их он смог рассмотреть в темноте со своего места, но у каждого из домов увидел огромное крыльцо с большими перилами и высокой лестницей. Неширокая, утоптанная дорожка, петляя и изгибаясь, опоясывала эти четыре дома и убегала вглубь деревни.

– Днем мы напоролись на замок с чудовищами, – произнес Смихн дрогнувшим голосом, – ночью того же дня уперлись в высоченный, словно от великанов, забор. Чего нам ждать с наступлением утра – второго пришествия?

– Это точно не наша деревня, – повторил Тайгив.

– Вижу, – Заавх рассматривал необычные глазу постройки, и смутно чувствовал, что ставили их прочно и надежно. Эта огромная ограда из целых деревьев, гигантские дома с такими же гигантскими крыльцами – все это дышало каким-то иным, непривычным ему временем, несло в себе частицы чего-то поистине древнего. Заавх знал, как выглядел мир многие столетия назад, но, ни одно из видимых им строений даже крышей не походило на то, в чем жили люди во времена огня и меча. Чем больше он думал об этом, тем сильнее давил его сердце страх.

– Долго мы будем здесь стоять? – нетерпеливо спросила Тэнтар.

– А ты видишь, где вход? – вопросом на вопрос ответил Тайгив, окидывая взглядом ограду.

– Перелезь через этот забор, зайди в ближайший дом и спроси, – со злостью в голосе сказала Тэнтар. – Я уже ног не чувствую от холода.

– Что спросить? – растерянно пробормотал Заавх.

– Издеваешься?! – в сердцах вскрикнула Тэнтар.

В наступившей тишине грозно заворчал проснувшийся пес.

В стене одного из домов вспыхнул слабый огонек. Тайгив поразился размерам окна, если это было оно – в полстены, такое же он видел в одной из башен замка, где ожила жутким чудовищем статуя. Статуя, убившая Гхолала...

Огонек мгновенно разросся, высветив в проеме окна огромную фигуру. Очертания напоминали человека, невероятно крупного мужчину, загораживающего своими плечами весь оконный проем. В следующий миг незнакомец шагнул вперед, исчез из поля зрения – Тайгив, очнувшись от мучительных воспоминаний, услышал, как скрипнула открываемая дверь. На крыльцо вышел мужчина, обнаженный по пояс. Тайгив моргнул несколько раз и пораженно выдохнул: незнакомец держал в руках огромное копьё с металлическим наконечником, грани которого слабо мерцали в лунном свете.

– Кто?! – мощный, словно хором спросили несколько человек, голос мужчины заставил Тайгива вздрогнуть. Он повернул голову направо, взглянул на Заавха – но тот молчал. Его лицо белело, губы затряслись, предвещая очередной приступ, и Тайгив, нервно сглотнув, поспешно крикнул:

– Как называется ваша деревня?

На несколько секунд повисла напряженная тишина.

– Под каким кустом ты родился? – мужчина, держа копье в одной руке, сошел с крыльца. – Кто ж дает названия деревням?

Незнакомец приблизился к ограде, за которой стоял Тайгив, и тот поразился мускулам, покрывающим тело мужчины. Казалось, кожа вот-вот лопнет, не в силах удержать в себе настолько огромные мышцы – во всем теле Тайгив не увидел и капли жира, поддавшись внутренним ощущениям и безоговорочно поверив, что стоящий напротив него человек создан из металла.

– У меня нога сломана! – оттолкнув Тайгива, в щель между жердями влезла Тэнтар. – Пожалуйста, помогите!

Житель неизвестной деревни хмуро свел брови на переносице.

– Давно по лесу бродите?

– Второй день, – резко ответил Заавх – стоящий рядом Тайгив вздрогнул от неожиданности. Незнакомец, бросив на него короткий взгляд, едва заметно усмехнулся в густую бороду.

Складки на лбу мужчины вдруг разгладились, лицо перестало быть суровой маской, а голос чуть смягчился, когда он вновь заговорил:

– Сколько их было?

– Кого? – быстро спросил Тайгив, холодея.

– Ни одного не видели? – повернулся к нему незнакомец.

Сердце стремительно разгонялось, наращивая шум в ушах от водопадов крови. То же самое Тайгив почувствовал, когда, вжимаясь вместе с Ферьной в стену, наблюдал за несущимся за Гхолалом монстром. Как и два дня назад, ужас обездвижил его – сейчас Тайгив не ощущал угрозы от мужчины перед собой, но каждой клеточкой собственного тела чувствовал, что спрашивает незнакомец явно не о волках и змеях.

– Кого не видели? – Заавх перевел внимание на себя.

– Идите за мной! – мужчина резко дернул ограду на себя. Несколько жердей отошли в сторону, открывая путь в деревню.

* * * * *

Назвавшийся Вопгнаром мужчина вел их между молчаливыми домами, ни в одном из которых не горел свет – у каждого крыльца Тайгив видел собачью будку, из которой при приближении людей тут же вылезал огромный пес и начинал угрожающе рычать. Вопгнар, проходя мимо, несильно ударял четвероногого сторожа по загривку, словно хотел поиграть со страшным зверем, но Смихну хотелось верить, что этим ударом по шее Вопгнар предупреждал пса о том, что идущих за ним чужаков трогать не надо.

Тэнтар несколько раз вскрикивала от боли и злости, швыряла вопросы в огромную спину Вопгнара, который не только не отвечал страдающей девушке, но и, ни разу не обернувшись к ней. Тайгиву подобное отношение нравилось все меньше, но высказать накопившиеся претензии он не успел: увидев строение, превышающее остальные дома в полтора раза и имеющее два этажа, разделенные узким подобием балкона без перил, он понял, что здесь конечная точка их затянувшейся экскурсии по деревне. В окнах этого дома полыхал свет, освещая часть улицы – встречать ночных гостей, вылезли сразу четыре лохматых пса, чьи клыки вдруг показались нереально огромными.

– Я вернусь, – Вопгнар поднялся на крыльцо, которое не скрипнуло под могучим весом, неслышно отворил огромную дверь, чтобы в следующий миг исчезнуть за ней.

Смихн, стараясь не смотреть на огромных псов, прошептал Заавху:

– Мне кажется, будто мы...

– Не тебе одному, – сдавленно перебил тот, а Смихн услышал в его голосе дикий страх.

– Но как это возможно... – начал, было, Смихн, только на этот раз его перебил Тайгив, со злостью прошипев в ухо:

– Заткнись!

Один из псов повернулся – жутко вспыхнули его глаза, отразившие падающий из окон свет. Огромный зверь тронулся с места, неспешно приблизился к Заавху. Смихн услышал, как старший брат Теллисы с хрустом сжал кулак, резко задержал дыхание, но, почувствовав боль в запястье, а в легких – недостаток кислорода, осознал, что вовсе не Заавх затрясся от ужаса. Отчаянно пытаясь унять сумасшедшую дрожь в коленях, Смихн наблюдал за громадным псом, остановившимся в каких-то сантиметрах от живота Заавха. Зверь открыл жуткую пасть, с гигантских клыков сорвались капли тягучей слюны.

– Только не смотри ему в глаза! – едва слышно прошептал Смихн, но сам был словно прикован к их демоническому огню, отчаянно молясь, чтобы огромное животное, ни за что не переставало смотреть на Заавха.

– Где же он! – раздался тихий шепот Теллисы. Смихн, не отрывающий взгляда от пса, с ужасом наблюдал, как зверь повернулся в сторону девушки – боковым зрением заметил появившуюся на крыльце могучую фигуру.

– Руксэж ждет вас, – громко произнес Вопгнар.

Смихн не шевельнулся. словно врос ногами в землю, на которой стоял – был абсолютно уверен: сделай он сейчас одно лишнее движение, и громадный зверь, что в шаге от него, кинется, как бык на красную тряпку, вцепиться жуткими клыками прямо в горло.

– Руксэж поможет мне? – зло крикнула Тэнтар.

Пес глухо зарычал.

Вопгнар спустился с крыльца – лохматый зверь повернулся к нему.

Смихн ощутил облегчение, чуть не упал от внезапно нахлынувшей слабости. Его словно толкнули в спину – обойдя Вопгнара, в несколько, к собственному изумлению, неторопливых шагов достиг крыльца, ступил на первую ступень. Превратившись в одно большое ухо, Смихн, не позволяя себе обернуться, ждал окрика каждое мгновение, потраченное на преодоление короткой лестницы. Перед дверью невольно замер, но, услышав за спиной приближающиеся шаги, рывком распахнул ее.

Ощутил резкий запах незнакомых трав...

– За мной! – Вопгнар вошел первым, задев Смихна плечом, отчего последнего бросило на стену, словно от удара. Оглянувшись на поднимающихся по ступеням друзей, Смихн попробовал улыбнуться как можно естественнее и, нервно сглотнув, пошел за Вопгнаром.

Босые ноги неслышно ступали по теплomu деревянному полу, узкий коридор, занавешенный огромными полотнами, изгибался и поворачивал несколько раз, пока Смихн не споткнулся о ступеньку – он оказался у лестницы, ведущей на второй этаж. Там он вновь попал в окружение свисающих с балок под потолком огромных тканей – мелькнула мысль, что хозяин дома специально развесил их, чтобы незваные гости, будь то воры или кто иной, пробравшийся внутрь без разрешения владельца, заблудились в этих лабиринтах. Мысль понеслась дальше, разрастаясь, подобно снежному кому. Смихн начал смотреть под ноги, опасаясь капканов или других ловушек; полотна, что были подобны занавесу, скрывающему за собой новое помещение, чаще обходил, а не отодвигал, как поступал сначала – страх оказаться придавленным рухнувшей с потолка наковальной вдруг подкосил ноги.

Смихн, понимая абсурдность собственных тревог, ничего не мог с собой поделать. Не оглядываясь на друзей, чтобы не читать в их лицах недоумения, он начал размышлять над тем, не водит ли Вопгнар их кругами с какой-нибудь мерзкой целью, когда за очередным полотном появилась дверь. В несколько рядов на ней висели пропущенные сквозь нить мелкие кривые зубы и неизвестно кому принадлежащие черепа, не больше ладони размером. Смихн видел их лишь миг, после которого Вопгнар открыл дверь.

За ней оказалось просторное от висающих одеял помещение, посреди которого сидел человек, скрестивший ноги под собой, а руки – на груди. Только схожести с тибетскими монахами

Смихн не увидел – незнакомец, обнаженный по пояс, как и Вопгнар, был заметно старше, с грубыми чертами лица и безобразными шрамами на правой руке. Длинные черные волосы спадали на широкие плечи – грудь скрывалась под слоем жутких амулетов, напоминающих увиденные Смихном на двери. Вокруг незнакомца были расставлены странные сосуды с решетчатым дном, в них что-то горело, судя по прыгающим красным огонькам, и распространяло густой белый дым, чьи тонкие струи вырывались через узкие горловины. Над полом словно стелился туман.

Лицо сидящего человека было спокойным, глаза прикрыты.

– У девушки сломана нога, – произнес Вопгнар.

Мгновенно взглянув на него, Смихн увидел, как тот едва заметно поклонился человеку на полу. Затем Вопгнар продолжил:

– Облегчи ее страдания, Руксэж.

Но названный Руксэжем человек на полу ответил молчанием на обращенные к нему слова.

– Садитесь, – коротко сказал Вопгнар, – Руксэж выслушает вас.

Вновь задев Смихна плечом, отчего тот сделал вывод, что это уже не случайность, Вопгнар вышел из помещения, неслышно закрыв за собой дверь. Проводив его недоумевающим взглядом, Смихн вздрогнул от резкого крика Тэнтар:

– Не хочешь осмотреть мою ногу?!

Обернувшись, он поспешно сел на залитый густым дымом пол – ближе всех к неподвижному Руксэжу сидела Тэнтар, и ее лицо быстро багровело от гнева.

– Он спит? – неуверенно прошептала Джеффа сидящему рядом Заавху.

– Скорее, в каком-то трансе, – скривился тот.

Руксэж заговорил так неожиданно, что Теллиса икнула от страха, а Тэнтар выронила палку:

– Скольких повалил твой предок до своего ухода?

Смихн перестал дышать, весь сжался в крошечный комочек – Руксэж смотрел на него немигающим змеиным взглядом. Страх, к собственному удивлению, Смихн не чувствовал: запретельная стадия дискомфорта, словно посадили голым посреди переполненной народом улицы, перешла в завершающую фазу.

Сидящий рядом со Смихном Заавх непонимающе буркнул:

– Он сговорился с Вопгнаром?

Руксэж резко взмахнул руками – весь дым, что был в помещении, словно по команде, устремился к нему. Смихну вдруг сильно захотелось вскочить и бежать, срывая по пути все чертовы полотна, прочь из этого проклятого дома. Он отчетливо слышал удары собственного сердца, после четырех из них увидел лишь темную фигуру сквозь дымовую завесу там, где раньше сидел Руксэж.

– Это что, какой-то фокус? – истерично усмехнулась Джеффа.

Дымовой вулкан, в центре которого исчез Руксэж, разрастался, наполняя помещение.

– Мы не в цирк пришли! – громко сказал Тайгив, вставая.

Смихн невольно вскочил вслед за ним, первым шагнул к змеящимся по полу клубам дыма. Его босая нога мгновенно оказалась окутанной приятно согревающим кожу темным шевелящимся воздухом, чьи невесомые струи поползли вверх. Смихн вдруг оказался один среди густого непроницаемого для взгляда дыма, который, однако, не жег глаза и не душил горло – вытянув перед собой руку, Смихн сделал крохотный шаг. Впереди дым закружился вокруг расплывчатой фигуры, к ней потянулись пальцы Смихна. Сквозь вихревые клубы он видел их все хуже, но, пересилив себя, сделал второй шаг. Вдруг дымовая завеса исчезла, прямо перед глазами появился жуткий монстр, с чудовищными клыками и множеством глаз на омер-

зительном лице. Распахнулась чудовищно огромная пасть, из нее вылетели два толстых, покрытых маленькими острыми шипами языка, бросились на Смихна...

Он с криком отпрыгнул, грохнулся на спину.

В нескольких шагах от него поднимался Руксэж, его дыхание было резким, прерывистым – суровый взгляд вновь вонзился в Смихна. Тот выдохнул, заикаясь:

– Ну... и тварь...

– Единственный, – произнес Руксэж, глядя на поднимающегося с пола парня. Смихну послышалось в голосе мужчины уважение.

– Вылечишь ее ногу? – вскочил Заавх. Он указал рукой за спину – Тэнтар, постанывая, начала подниматься, мимо нее проковыляла Теллиса – тогда Тэнтар поняла, что позвали не ее.

– Тебе не быть, как он! – сказал Руксэж, лишь покосившись на Заавха. Он вновь обрушил неподъемный взгляд на Смихна, затем повернулся к Тайгиву, произнес: – твой друг обрел невероятную мощь. Держись его, и твоя доблесть сделает вас непобедимыми!

Тайгив, наморщив лоб, недоуменно оглянулся на Смихна.

– У меня безумно болит нога, – взмолилась Тэнтар, подходя к Руксэжу, – помогите мне, пожалуйста!

– Нам, – рядом встала Теллиса, за плечом – Заавх. – Помогите нам!

– Останетесь, – Руксэж не шевельнулся, пристально рассматривая Тайгива, словно некую тайну, готовясь вот-вот ее раскрыть. – Вдвоем.

– Остальных решил заморозить? – нахмурился Заавх. – Выгляни в окно...

– Мне следует выкинуть тебя в него! – резко повернулся к Заавху Руксэж, процедил плотно сжатыми губами. – Бессмысленно притворяться кем-то стоящим дорожке кучи, над которой собираются мухи, когда в нужный момент ты ничемнее трупа!

Заавх распахнул от изумления и негодования рот, в следующий миг закричал зубами от злости. Люто обернулся к Тайгиву:

– Откуда он...

– Только попробуй меня обвинить! – Тайгив хмуро взглянул на Заавха. – Когда бы я успел ему рассказать, если все время был с тобой?

– Уходите, – произнес Руксэж, вновь сядя на пол.

– Не внушает мне доверия этот фокусник, – направляясь к двери, буркнул Смихн.

– Сразу позовешь меня, – внимательно посмотрел на сестру Заавх и, в два шага обогнав Смихна, толкнул дверь.

– Вы действительно собрались на улицу?! – изумленно воскликнула Джеффа. Она продолжала сидеть, переводя непонимающие взгляды с Руксэжа на спины исчезающих в двери друзей.

– Видишь, не разрешает остаться, – коротко оглянулся Смихн, переступая порог.

Джеффа со стоном встала, шагнула к Руксэжу.

– Можно...

– Нет! Иди.

* * * * *

На крыльце ждал Вопгнар.

– Переночуете в моем доме.

– Моя сестра... – начал, было, Заавх, с вызовом, но его голос мгновенно утонул в резком ответе огромного жителя все еще неизвестной деревни: – На рассвете я уйду. Встретить его можешь со мной под одной крышей или за оградой – выбирай!

Заавху мучительно захотелось повернуться к Тайгиву, увидеть в его глазах поддержку, почувствовать, что он не один на один с деревенским громилой. С трудом сдержавшись, Заавх медленно выдохнул, изображая стихающую ярость, и буркнул:

– Ты сегодня у руля.

Вопгнар повел их между домами, узкими улочками, каждый поворот которых заставлял сердце биться сильнее, а ноги подкашиваться. Заавх упорно винил в этом усталость, накопившуюся за последние дни и бессонные ночи, а вовсе не страх, когда из тьмы с неожиданным оглушительным лаем на них кидались огромные псы, остервенело клацали непомерными пасти клыками. Широкая спина Вопгнара пару раз исчезала за стоящим рядом домом, хотя Заавх готов был поклясться, что они шли прямо и никуда не сворачивали – затем их проводник вновь появлялся и, игнорируя любые вопросы, продолжал двигаться в лишь ему известном направлении.

Внезапно Заавх, идущий третьим после Вопгнара, врезался в Тайгива, что был вторым – тяжело выдохнув, Заавх уперся рукой в дом слева и недовольно пробурчал:

– Неужели пришли?

Вопгнар махнул рукой на дом позади себя и впервые улыбнулся – широко и искренне:

– Входите! Конец вашим мукам.

Заавх отметил, что копыя из рук их проводник не выпустил ни разу с момента их встречи у ограды. В дверь вошел Тайгив, за ним – Джеффа и Смихн. Последний оглянулся на пороге, точно также он оборачивался в доме Руксэжа – словно что-то забыл или специально оставил, чтобы в последний момент вернуться, задержаться на какие-то секунды. Только сейчас Заавх был полностью согласен со Смихном.

Ему совсем не понравилось приглашение Вопгнара.

Пройдя в дверь, Заавх увидел огромный стол посреди комнаты, рядом с ним высокий стул с широкой спинкой – при мысли о его одиночестве скосил глаза в сторону ближайшей стены и увидел еще два таких же стула. Поменявшиеся мысли заставили его наморщить лоб и натужно усмехнуться: не все смогут сесть и облегченно вытянуть ноги. В доме Вопгнара оказалось просторно, чисто, но как-то пустовато – на окне, за которым медленно разгоралось утро, не было занавесок, на столе – скатерти. Босые ноги шлепали по гладким широким доскам пола.

– Не стесняйтесь, приглашены, как родные! – голос Вопгнара был похож на раскаты грома, что Заавх слышал на берегу реки пару дней назад. – Я чту гостей.

– Ты один живешь? – спросил Смихн, недовольно дернувшись, когда Вопгнар, проходя мимо, в очередной раз задел его плечом, едва не свалив с ног.

Вопгнар поставил копыя к стене и направился ко второй двери, которую Заавх заметил только сейчас. Но эта мысль мгновенно была вытеснена сумасшедшим решением: Заавха и копыя разделяло меньше десяти шагов, а расстояние между оружием и Вопгнаром увеличивалось с каждым шагом последнего. Еще не зная, что будет делать с копыем в руках, Заавх вдруг остро захотел им обладать – оглянувшись на деревенского гиганта и увидев, что тот достиг своей цели, Заавх судорожно сглотнул: сейчас!

Вопгнар ударил кулаком в дверь, Заавх моргнул – показалось, дверь упадет от чудовищного удара. По ту сторону послышался непонятный шум.

– Не будите, рано еще, – осторожно сказала Джеффа, догадавшись, кто за дверью.

– Единственное мое счастье! – в голосе Вопгнара прозвучало столько гордости, что Ферья не удержалась и презрительно фыркнула.

Джеффа присела на краешек стоящей у стены скамьи, по размерам больше похожую на кровать, с невероятным удовольствием вытянула гудящие от усталости ноги, пошевелила сведенными пальцами. Ее примеру тут же последовала Ферья, но ступня девушки вдруг подвернулась, кольнула острая боль. Скрипнув зубами, Ферья вцепилась в плечо Джеффы и шумно грохнулась на скамью.

С едва слышным скрипом открылась дверь.

Заавх восхищенно вскинул бровь, Тайгив выпустил из легких весь воздух. Появившаяся в проеме девушка ростом едва дотягивала до плеча гигантского Вопгнара – с длинными

вьющимися волосами и мягкими чертами лица, она прислонилась к дверному косяку, скрестив босые ноги. Гневно прищуренные глаза округлились от удивления, но лишь на миг, после которого девушка посмотрела на гостей в доме равнодушным взглядом.

Белое короткое платье не доходило до колен, обнажая стройные дочерна загорелые ноги. Узкие ремешки охватывали плечи, подчеркивая высокую грудь – Ферьна пристальным взглядом проверяла каждый миллиметр кожи девушки, пытаясь найти хотя бы одну родинку, один темный пятнышек от частого пребывания на солнце, но тщетно. Джеффа, глянув на дочь Вопгнара, мимолетно позавидовала красивой форме ее груди и вновь принялась разминать затекшие ноги.

– Моя дочь – Черрленн! – Вопгнар ширил рот в улыбке, встретить его в ночном лесу прошлой ночью – эта улыбка бы показалась страшнее оскала любого зверя. Смихн зябко передрнул плечами, когда представил, как щеки деревенского гиганта вдруг лопнут, мгновенно превратив улыбку в кровавую рану. Куски разорванных щек, с которых часто-часто будут срываться красные капли, задергаются, когда Вопгнар начнет хохотать – в какой-то миг сумасшедшего смеха он запорошит голову, и кровь хлынет в горло...

Смихн резко тряхнул головой, избавляясь от жуткого наваждения.

– Я – Тайгив! – Заавх закричал зубами от злости, когда, открыв рот, вдруг услышал голос Тайгива, опередившего его. – Мои друзья – Смихн...

– Я Заавх! – недовольно перебил Заавх, коротко махнув рукой, в сторону сидящих на скамье девушек. – Джеффа и Ферьна. У тебя красивая дочь... Вопгнар.

Улыбка на губах мужчины не померкла ни на миг, но в его глазах Смихн увидел опасные искорки. Мысль о том, что Вопгнар набросится на Заавха даже после того, как пустил в свой дом, неслышной змеей скользнула в голове Смихна, оставив неприятный холодок.

– Кто они? – голос Черрленн был сильным и мягким одновременно. Она перешагнула порог, на котором стояла, и обогнула отца, чтобы через мгновение оказаться у окна.

– Стекло надо сначала вымыть, чтобы сквозь него можно было что-то увидеть! – усмехнулся Тайгив. Он увидел резко обернувшуюся к нему Черрленн, услышал медленный натужный вдох Вопгнара и почувствовал себя непередаваемо мерзко:

– Я это вслух сказал?

Черрленн смотрела недоуменно, буркнула беззлобно:

– В окне нет ни капли стекла, чтобы это слово не значило. Хрусталь прочнее и проще в обработке, пусть и найти его труднее...

Тайгив изумленно выдохнул.

– Вам не кажется, что это уже слишком? – Смихн сделал шаг к Черрленн, дождался, когда девушка взглянет на него и продолжил: – Деревня посреди леса, который я знаю наизусть, окна из хрустала – два последних дня действительно были тяжелыми, но вряд ли настолько, чтобы одинаковый для всех бред был столь реалистичен и продолжителен!

Он обернулся к Вопгнару, резко бросил:

– Как называется этот фильм? Почему нас не уводят со съемочной площадки? Режиссер, для которого ты так упорно играешь эту идиотскую роль, должен быть слепым, чтобы не заметить, в каком состоянии мы попали в кадр! Я очень устал, жутко голоден, хочу спать и, самое главное, не видеть тебя – с твоими анаболическими мышцами и походкой только что проснувшегося медведя.

Смихн вновь вонзил взгляд в Черрленн:

– Найди режиссера этого дурацкого спектакля и зови сюда, пока я не стал крушить ваши декорации! Лучше найди его быстро – мое терпение кончилось еще тогда, когда твой так называемый папаша вышел встречать нас с копьём!!

Смихн не мог дольше сдерживать рвущуюся наружу ярость. Он вцепился в ближайший от него стул, после короткого размаха швырнул его в дальний угол комнаты. Тяжело дыша –

то ли стул слишком много весил, то ли он вконец измотался – Смихн поймал на себе недовольный взгляд Вопгнара, увидел наливающиеся кровью глаза гиганта.

– Своя злость или так написано в сценарии? – хрипло усмехнулся Смихн. – Что будешь делать, если следующий стул полетит тебе в голову?!

Вопгнар со скрипом сжал кулак. К нему бросилась Черрленн, прижала ладони к широкой груди – сказала, оглядываясь на Смихна:

– Представь, что он мог пережить за эти два дня. В собственном безумии нет его вины...

Смихн вдруг поперхнулся вдыхаемым воздухом – он вонзил взгляд в левую руку Черрленн, на которой увидел три длинных тонких пальца. Ладонь пересекали несколько жутких сизых шрамов – поморгав, Смихн все также видел три пальца – три вместо положенных пяти.

Голос Вопгнара, тяжелый, как волны океана, заставил встретиться с его горящим лютой злобой взглядом. В нем Смихн прочитал смертный приговор, как для себя, так и для всех, кто с ним пришел, но страха не почувствовал – слишком велика была усталость и злость от непонимания происходящего.

– Накрывай стол, Черрленн, – сквозь зубы процедил Вопгнар, – я принесу еще стульев.

Глава 4

Трудно быстро привыкнуть к новому месту, еще труднее понять новых людей.

Ранний завтрак был подобен хорошему обеду по обилию пищи, которая едва не вываливалась из огромных деревянных тарелок, незаметным движением руки Черрленн оказавшихся перед каждым гостем. Сама девушка села за стол последней – Смихн не отпуская взглядом ее рук, постоянно убеждаясь, что уродство Черрленн ему не показалось. Когда она обходила Вопгнара, Смихн внезапно наткнулся на его пристальный взгляд – заметил ли хозяин дома, куда смотрел швыряющийся его стульями гость?

– Не по нраву еда? – неожиданно спросил гигант.

Смихн невольно опустил глаза к пышущей жаром и восхитительным ароматом деревянной тарелке, вид странной каши, смахивающей на гигантские хлопья, с громадными кусками сочного мяса мгновенно наполнил рот слюной.

– По нраву, – ответил Смихн, подражая тону Вопгнара.

Ложка сама прыгнула в руку. Он ел торопливо, обжигая язык, ощущая на себе тяжелый взгляд хозяина дома и стараясь не думать о его трехпалой дочери. Чувство сильной угрозы нарастало, и, несмотря на то, что причина ее крылась ни в девушке, ни в ее отце, ледяные мурашки упорно не покидали вспотевшую спину.

– Через несколько минут рассвет, – произнес Смихн, поднимая глаза на Вопгнара.

Брови последнего грозно сошлись на переносице.

– Возьми меня с собой, куда бы ты ни собрался идти.

Черрленн подавилась кашей, закашляла. Вопгнар бросил на нее короткий взгляд, но Смихн успел уловить в этом взгляде злость и что-то еще.

– Не ты ли хотел спать и, самое главное, не видеть меня? – губы гиганта скривились в издевательской ухмылке.

Смихн проглотил очередной кусок мяса, не жуя, переждал мгновение, лишь затем ответил Вопгнару:

– Для этого мне надо вернуться домой!

* * * * *

Смихн и Вопгнар больше не разговаривали. Тайгив видел, как они сосредоточились на еде, демонстративно не глядя друг на друга и торопливо работая ложками. Едва хозяин дома отодвинул тарелку, также поступил и Смихн – но, в отличие от Вопгнара, он откинулся на спинку стула и смачно зевнул.

– Позови меня, когда будешь уходить! – сказал Смихн.

Вопгнар встал из-за стола, смерил сидящего напротив него парня презрительным взглядом и направился к третьей в помещении двери, которую, как и вторую, Тайгив заметил лишь тогда, когда она открылась от сильного толчка.

Несмотря на страшный голод, он с трудом съел половину содержимого тарелки, но выпил несколько больших кружек воды, появившихся благодаря Черрленн. Тело стало вялым, сонливость накатывала волнами, но спать Тайгив не собирался. У него было слишком много вопросов, и, чтобы не забыть ни один из них, он вышел на крыльцо.

Поднимающееся солнце заливало светом крыши домов, дробилось на тысячи тонких лучей, проходя сквозь густые кроны огромных деревьев. Воздух был по-утреннему свеж и чист, мгновенно прогнав из головы Тайгива мысли о сне. Он спустился на две ступеньки, сел на одну из них и тут же в страхе вскочил – в шаге от него с земли поднялся огромный пес.

– Еще не кормил его, – раздался за спиной задумчивый голос Вопгнара.

Тайгив, медленно выдохнув, обернулся. В одной руке гигант держал копьё, в другой небольшую угловатую сумку.

– А где... – начал, было, Тайгив, но вдруг понял, что Вопгнар не знает имени Смихна.

– Уснул, – ответил гигант, – не вставая со стула.

– Не только ему интересно, куда ты уходишь, – произнес Тайгив.

– В лес, – услышал он ответ.

– Зачем?

– С раздражающей частотой требуешь ответы, – сдвинул брови Вопгнар, – вынуждаешь к вере о твоём истинном незнании.

Тайгив наморщил лоб, пытаясь понять всю фразу, ничего не упустив. С Вопгнара перевел взгляд на пса, затем вновь посмотрел на мужчину:

– Я бы не спрашивал, если б знал.

Вопгнар внимательно смотрел в лицо стоящего на ступеньках парня, то ли пытаясь прочесть его мысли, то ли найти подтверждение его лжи. Неизвестно, что он обнаружил, но вскоре недовольно буркнул:

– Уверен, что хочешь знать то, о чем просишь?

– Я догадываюсь, о чем ты будешь говорить, – произнес Тайгив, при воспоминании о чудовищном монстре из жуткого замка его передернуло, – но зверь убит уже.

Брови Вопгнара начали удивленно ползти на лоб, но на полпути их жестко остановило подозрение:

– Среди своих спутников ты сильнее всех уверовал в себя, но это ли даровало победу?

Тайгив почувствовал волну гордости – незаслуженной гордости, осознав которую, он вдруг перестал ощущать удары собственного сердца.

– Не я победил, – Тайгив отвернулся от Вопгнара, смотрел в небо, – с нами были еще двое. Они оба умерли...

Тайгив резко замолчал, какое-то время просто дышал, затем развернулся и спросил злым голосом:

– Что за тварь жила в статуе?

Вопгнар ответил не сразу.

– Единственное строение, в котором могла быть статуя, в двух днях пути отсюда. Алтарь там. Носителю Смерти забытых веков.

– Так ты идешь похоронить его? – голову Тайгива мгновенно захлестнули услышанные когда-то слова, фразы, заклинания и ритуалы по окончательному уничтожению чудовищ. Из фильмов, книг, чьих-то рассказов, которые он смутно помнил, улавливал лишь суть – нужно захоронить труп, дабы душа успокоилась и не бродила по земле. Или сжечь и прах развеять, или расчленив и закопать в четырех частях света...

– Парень! – как гром на берегу реки несколько дней назад, слова Вопгнара взорвали уши Тайгива. Он вынырнул из дум, взглянул в лицо гиганта, показавшееся встревоженным, и растерянно произнес:

– Его уже, наверно, волки растащили...

– Кого? – спросил Вопгнар.

– Зверя, что вырвался из статуи. За что он был превращен в камень?

– Статуи не оживают, – покачал головой Вопгнар, – но в стороне заходящего солнца действительно обитают твари, с которыми лучше не встречаться.

Тайгив почувствовал, как солнечные лучи, падающие на него, вдруг перестали греть. Он захотел спросить, кто эти твари, как выглядят, когда нападают, сразу убивают или, подобно паукам и змеям, парализуют, чтобы потом отрывать от беспомощной, но все еще живой жертвы, кусок за куском. Или, проглотив несчастного целиком, медленно переваривать, наполняя последние мгновения его жизни невыносимой болью...

Голос Вопгнара вновь выдернул из пучины жутких картин, плавающих перед глазами, как отрывки жуткого ночного кошмара.

– Келгширы нападают все чаще...

– Келг... кто?! – невольно перебил Тайгив. – Это...

– Да! Мерзкие ублюдки растут с дерева окружающего нас леса, – произнес Вопгнар, – Их шкура слишком толста, чтобы убить великана одним ударом копыя, поэтому при встрече с этим келгширским отродьем лучше бежать. И бежать быстро...

Тайгив на миг перестал слышать Вопгнара. Он смотрел на его могучее тело, на огромные, перевитые буграми мышц руки, словно выкованные из несокрушимого металла и не понимал, что может заставить такого человека убежать. Страх разрастался – Тайгив облокотился о перила, испугавшись нахлынувшей слабости, глянул на огромного пса и вдруг ощутил вселенскую любовь к этому четвероногому животному. Он почует лесных великанов, если те подойдут близко к деревне, он же первым кинется на чудовищ.

Вопгнар переложил копьё в руку с собранной в путь сумкой, освободившуюся ладонь – на плечо Тайгива, произнес:

– На многие дни пути вокруг лишь лес, в котором за любым деревом может таиться истекающая ядовитой слюной пасть...

– Ты идешь один? – изумленно выпалил Тайгив. – В лес, где за любым деревом...

– Топота меньше, – был ответ.

Тайгив в ужасе схватился за голову.

– Два дня... Два чертовых дня...

Вопгнар сошел с крыльца и, потрепав огромного пса по загривку, направился к ограде. Тайгив крикнул:

– Скольких ты убил?

– В полночь завтрашнего дня подведу итог, – не оборачиваясь, ответил Вопгнар, – страха в сердце непустишь – и тебе помогу открыть счет.

Тайгив распахнул рот, у него были тысячи вопросов, среди которых он вдруг потерялся, не зная, какой самый важный и задаваемый в первую очередь. Когда широкая спина Вопгнара исчезла из виду, Тайгив почувствовал холод в ногах, в сердце. Голова стремительно наполнялась новой информацией, поднимая перед глазами красочные, но далеко не радостные картины.

Самые жуткие, неправдоподобные вещи становились бессмысленной, но смертельно опасной реальностью. Станный замок посреди леса, в котором оживают чудовищными монстрами статуи. Глухая деревня с цивилизацией первобытных дикарей, по совместительству с которой обитают твари, от одного названия которых стынет в жилах кровь. Келгширы...

Тайгив терялся в догадках о причинах ухода Вопгнара. Он собрался подвести итог своим встречам с лесными великанами, но где – в непроходимой чаще, окруженный чудовищами или перед деревней, приведя монстров за собой запахом собственной крови?! Тайгив скользнул взглядом по окнам домов и болезненно прищурился от искрящегося в них солнечного света. Вряд ли Вопгнар и Руксэж единственные мужчины среди этих построек, но, сколько бы, ни выбежало людей на шум боя у ограды, они могут, просто не успеть...

Тайгива словно ударила молния – им нужно уходить из этой деревни! Вопгнар ушел на поиски келгширов, явно чувствуя ответственность за внезапно появившихся на его пороге детей. И Тайгив, и Заавх, не говоря уже про остальных, были еще детьми здесь, среди чужого леса, чужих людей и мерзких тварей – лишь солнце светило также, каким привык видеть его свет Тайгив.

Голову разрывали множество решений, и все они казались верными. Тайгив хотел бежать за Вопгнаром, чтобы остановить его, сказав об их уходе из деревни. Не менее сильно хотел ворваться в каждый дом, позвать других мужчин на помощь Вопгнару, но эта мысль мгновенно родила страшный вывод: отправит за ним людей – обречет всех на смерть! Тогда некому будет защитить женщин и детей от лесных великанов, которые, расправившись с несколькими безум-

цами, ринутся в их деревню, начнут рвать на куски беззащитные человеческие тела и пожирать бьющиеся все слабее сердца...

Тайгив сильно потрянул головой, потом еще раз, еще. Не помогало, отчаяние и страх росли. Тогда со всей силы ударил кулаком по гладкой поверхности перил. Костяшки взорвались острой болью, внизу грозно рыкнул пес, но цель была достигнута – сознание временно вылетело из хаоса панических мыслей, и Тайгив моментально направил реку ума в другом направлении. Расспросить Черрленн в мельчайших подробностях – это первое, второе: найти в ее ответах решение, способное и жизнь ее отцу сохранить, и Тайгиву с друзьями понять, где они черт знает, чьей волей оказались. Может быть, мысли Тайгива останутся лишь мыслями, но подобные пугающие проявления интуиции раньше, к несчастью, всегда сбывались.

Он вдохнул и выдохнул несколько раз, глянул на свой кулак, который, скорее всего, к вечеру по размерам превратится в боксерскую перчатку, и вернулся в дом.

* * * * *

Тэнтар пришла вечером вместе с Теллисой. От еды девушки отказались, с порога спросили – где кровать и могут ли они на нее лечь. Когда узнали, что, кроме дочери Вопгнара, все в доме спят, едва не уснули стоя. С трудом добрались до огромных кроватей, на которых вповалку лежали сопящие тела, и обессилено упали на них.

Следующим утром Тэнтар спросила Черрленн...

Ответ не укладывался в голове, казался издевательской, совершенно не смешной шуткой. Перед глазами появлялись и куда-то уплывали смутные образы матери и отца, словно навсегда исчезая из памяти – от ощущения обрушившегося одиночества стало жутко до обморока. В голове насмерть бились привычки, приобретенные за недолгие прожитые годы против новой, обрушившейся подобно лавине реальности...

Смихн не обсуждал услышанное, не слушал громких криков Заавха и отвечающей на сыплющиеся вопросы Черрленн. Тщетно пытался поверить в то, что так сильно походило на правду – в то, что они заблудились где-то в дремучих лесах, на их месте поверил бы каждый. Но, едва забрезжив, надежда была жестоко растоптана зловещим напоминанием того, что в замке среди леса Тайгив с Ферьной видели настоящего монстра! Сходить и посмотреть на мертвого чудовища тогда не хватило храбрости, а сейчас, когда закрывает глаза, услужливое воображение рисует Смихну чудовищные гибриды несуществующих тварей. Впрочем, возможно лишь здесь и существующих – с содроганием подумал Смихн. Чем больше рассказывала Черрленн, тем сильнее телом и душой овладевала паника, рос страх и отчаяние, глаза наполнялись слезами при мысли о том, что больше ни один из них никогда не увидит родителей, друзей...

– Благословение Богинь с вами было, не допустившее пересечения вашего пути с келгширским, – Черрленн, как заметил медленно и болезненно приходящий в себя Смихн, говорила быстро, самозабвенно, словно впервые в жизни получила возможность вдоволь пообщаться с людьми.

– С чьим? – тут же переспросил Смихн.

Он жадно нюхал новую одежду – свободную и теплую. Сразу после завтрака, что накормил Смихна на неделю вперед, они сходили с Черрленн в другой конец деревни, вымылись в небольшом озере с горячей водой. Затем облачились в шкуры – выделанные до поразительной мягкости. И хоть по форме они плохо напоминали привычную глазу одежду, зато создавали чувство защищенности. Когда же возникла мысль о том, откуда или с кого эти одежды, Смихн тут же ее отбросил. Дали – носи.

– С лесными великанами, – ослепительно улыбнулась ему девушка, – приходят раз в четыре седмицы. Увидеть их сможешь в грядущую полночь.

– Что за лесные великаны? – буркнул Заавх, но злости в его голосе было меньше, чем тревоги.

– Келгширы, – взглянула на него Черрленн, – огромные, в голоде живущие...

– Не-е-ет!!! – из-за стола выпрыгнула Ферьна.

Она отступила на шаг, коснувшись спиной стены, сползла по ней на пол, шокированная спокойным лицом дочери Вопгнара, с которым та рассказывала про огромных великанов, живущих в том самом лесу, где... Дважды или трижды Ферьна открывала рот, но ничего не смогла произнести от ужаса, сковавшего ее тело. Перед глазами возник чудовищный образ монстра, убившего Гхолала, стало до такой степени страшно, что хлынули слезы. Сквозь их потоки Ферьна видела окно, искрящееся в солнечных лучах – сердце едва не разорвалось от отчаяния.

– Кто такие эти келгширы? – спросил Смихн, чувствуя, как до сих пор трясутся ноги от жуткого крика Ферьны. – Они – люди?

Черрленн отрицательно покачала головой.

– И сегодня они явятся в вашу деревню? – вновь спросил Смихн, хотя уже знал ответ.

Черрленн обернулась на тихий скрип открывающейся двери. Смихн, упорно ожидая ответа, невольно обернулся вслед за ней, спустя миг увидел в проеме Тайгива с мрачным, напряженным лицом.

– Отец покинул нас? – с улыбкой обратилась к нему Черрленн.

Смихн недоуменно уставился на Тайгива.

– Он каждый день уходит в лес? – множество мыслей перепутались в голове Тайгива, отчего он потерял нужный вопрос и задал первый попавшийся.

– Мой отец – главный известитель, – ответила Черрленн не без гордости, – и дальних брешей держатель.

– Держатель брешей, значит? – поморщился Смихн. – Что это...

– Слабые места в древесных стенах, защищающих нашу деревню, – Черрленн говорила горячо, активно жестикулировала. – Келгширы для нападения выбирают ту часть стен, за которыми низкие или возводящиеся дома. Мы всегда закрываем оставшиеся после келгширов проломы, но... Потому мой отец и сторожит слабые бреши.

– Один келгшира валит? – прищурился Заавх. Вопгнар шире его втрое, а сильнее, может, впятеро, но уж с монстром, которого зовут великаном наверняка не только за рост, вряд ли совладеет. И если эти твари действительно явятся ночью, Заавх сумеет развеять свои сомнения, хотя больше всего на свете желает остаться в неведении.

– Келгшир валится от быстрой кровопотери, – с гордостью произнесла Черрленн, – мой отец перерезает ему вены своим длинным копьем.

– Сейчас он ушел к их логову? – подошел ближе к девушке Тайгив. Едва увидел подтверждающий кивок, вскричал от едва сдерживаемой до этого момента ярости: – Так почему вы все не соберетесь и не убьете сразу всех келгширов?!

– Всех великанов? – переспросила Черрленн таким тоном, что Тайгив вдруг почувствовал себя виновным в чем-то.

– Да! – резко сказал он. – Всех чудовищ, которые ломают ваши ограды и не дают спокойно жить, потому что хотят вас сожрать!!

Черрленн смотрела непонимающим взглядом, удивленно вскинув брови.

– Нельзя.

– Можно! – вскочил со стула Заавх. – Если вы знаете, где живут монстры, то, что мешает убивать их – по одному, если великанов слишком много. Это бы заставило их уйти далеко от вашей деревни или, по крайней мере, они бы ни за что больше не напали, потому, что помнили бы удары ваших копий!

– Запрет нерушим! – уже тверже произнесла Черрленн. – Убить келгширов до последнего – значит, искоренить их расу...

– И что плохого в том, чтобы сделать свою жизнь безопаснее?! – зло крикнул Смихн. – Мы словно говорим на разных языках...

– Святые Богини не одобряют истребления рас, – покачала головой Черрленн. Видя абсолютное непонимание в обращенных к ней лицах, девушка, чуть помедлив, произнесла: – Кабанов и диких коней превращаем в пищу, но разве это повод истребить их до последней особи?

У Тайгива рухнула челюсть от подобного объяснения, Заавх зарычал, повышая голос:

– Вы и келгширов едите?

– Кто питается убивающими? – поморщилась Черрленн.

– Но и кабан может убить! – Смихн люто ударил по столу кулаком.

– Раса келгширов неистребима... – начала, было Черрленн, но Заавх грубо перебил:

– Их слишком много? У них несколько убежищ, десятки стай или племен, во что они у вас собираются?! Объясни нормально, почему вы не можете взять и избавиться себя от проблем?

– Убийство келгширов иных призовет, – произнесла Черрленн. Она лишь скользнула по Заавху взглядом, смотрела на Тайгива: – Будут ли злее – не ведает никто.

– У вас тут что, кругом монстры живут?! – вскочил со стула Смихн.

– Быть монстром и ты склонен, если на дитя нож поднимешь, – серьезно ответила Черрленн, – потомство свято, посягнувшего на святость лишают возможности творить детей.

Смихн наморщил лоб, представляя наказание. Вдруг изменился в лице, побледнел – затем судорожно сглотнул.

– Но с чего вы решили, что вместо келгширов придет кто-то еще? – спросил Тайгив, подходя ближе к дочери Вопгнара.

Пронзительный крик разрезал воздух в доме, заставив всех обернуться. Ферьна вскочила с пола, где пребывала последние минуты, с выпученными красными глазами, трясущимися губами. Подбежала, вцепилась Тайгиву в руку, затем прижалась всем телом, и быстро выдохнула:

– Нужно вернуться к реке!

Никому, не давая даже рта открыть, Ферьна быстро проговорила:

– Бежим на тот берег, где гроза была! Нужно как можно быстрее попасть туда, мы должны успеть до темноты. И тогда все спасаемся – вернемся домой! Гхолал с Дохойбом будут живы! Скорее, бежим!!

– О чем ты? – Тайгив непонимающе смотрел на девушку.

– Она права! – воскликнул Смихн, хлопнув ладонью по столу. – Один берег – один мир, так почему противоположный не может быть нашим миром?

Заавх смотрел на Ферьну пустым взглядом, но Тайгив, лишь взглянув на него, вдруг понял, как сейчас Заавх казнит себя в мыслях. Казнит за то, что еще там, на реке, не догадался о возможном решении проблемы, хотя тогда проблемы, в общем-то, и не было. Казнит за то, что сейчас не он первым сказал всем о пути домой, об их спасении, раз и навсегда установив за собой статус прирожденного лидера.

Ферьна преданно смотрела в глаза Тайгива, ожидая подтверждения ее правоты и согласия прямо сейчас отправляться в дорогу. Нетерпение сжигало ее изнутри подобно огню, мысли о жутких лесных чудовищах и мучительной смерти от их зубов трясли тело.

– Нельзя выходить из деревни, – произнесла Черрленн, обращая внимание на себя, – келгширы почуют, с места уйдут. Узреватель столкнется с ними рискует...

– Какой еще узреватель? – отмахнулся Смихн. – У нас шанс появился не быть сожранными вашими тварями, а ты про каких-то узревателей твердишь...

Тайгив, не слушая Смихна, пытался понять, о ком говорит Черрленн.

– Спасибо за все, но мы уходим, – поднялась со скамьи Джеффа.

– Нельзя, – усиленно качала головой Черрленн, в ее голосе впервые появились тревожные нотки, – Один узреватель слабый противник стае великанов.

– Слабый противник? – рассмеялся Смихн. – Твоего узревателя разорвут в клочья, а он, и замахнуться не успеет. Ха, слабый противник против стаи великанов! Ему лучше бежать обратно, если жить не надоело...

Черрленн задышала часто, впилась глазами в Смихна. Тайгив торопливо обратился к девушке:

– Нельзя как-нибудь предупредить узревателя? Сказать ему, чтобы вернулся или хорошо спрятался?

– Иди! – Черрленн резко махнула рукой на окно. – Его след еще виден!

Тайгив с трудом удержался на ногах, едва осознал, кто скрывается под узревателем. Взглянув на Черрленн, увидел закушенную нижнюю губу, скрещенные руки – вдруг ощутил чувства девушки и содрогнулся.

– Уйдем завтра утром, – громко и четко произнес он.

Смихн презрительно фыркнул, сначала глянув на Тайгива, затем на Черрленн. Последняя в свою очередь тоже пристально смотрела на него, но молчала, хоть Тайгив и готов поклясться, что она многое хочет сказать.

– С тобой-то что? – развел руки Заавх.

– Тайгив, ты не веришь, что мы можем вернуться домой? – глаза Ферьны – бескрайние океаны полнейшего изумления.

– А как же узреватель? – отвел глаза Тайгив.

– Никто не просил его искать келгширов, – рявкнул Смихн.

– Сохранение многих жизней зовет его на риск! – впервые повысила голос Черрленн.

– Наш жизни должны храниться в нашем мире, – отрезал Смихн, – и я уверен, никто в этом доме, кроме тебя, конечно, и Тайгива, не собирается ждать рассвета, который может не наступить после ночи с келгширами.

Большинство смотрели на Тайгива глазами Смихна: страстно желающие уйти, добраться до реки через лес, кишаций голодными тварями, надеясь и молясь, чтобы не столкнуться с чудовищами. Каждого сверлила мысль о том, что берег действительно путь домой, а значит – спасение от всего окружающего кошмара.

Решив заручиться поддержкой Заавха, Тайгив обратился к последнему:

– Мы должны помочь местным отбиться от великанов.

Ферьна с умирающим стоном упала на колени, Смихн зло сплюнул.

– И много келгширов собираешься настрелять? – Заавх смотрел хмуро.

– Хочу помочь людям дожить до утра, – ответил Тайгив, – мы можем долго плутать по лесу в поисках реки, а можем вместе с Вопгнаром дойти до нее за день...

– А можем сдохнуть сегодня ночью, – зло прошипел Смихн.

– Вы можете укрыться в погребе, – произнесла Черрленн, вновь собрав на себе взгляды присутствующих.

Смихн открыл рот, набрал воздуха, но промолчал, лишь ткнув в девушку пальцем.

– Значит, остаемся, – подвел итог Тайгив, мысленно облегченно выдохнув.

– Не испытывайте страха, – посоветовала Черрленн, – Мудрый Руксэж дарует каждому сил и отваги на грядущую ночь...

– Лучше бы даровал каждому по пулемету, – зло пробурчал Смихн.

Глава 5

Ночное солнце налилось красным светом, что возбудил плоть стоящего под ним дикого существа. Грудь разорвал невиданной мощи крик освобожденной души...

* * * * *

Глаза распахнулись.

Боль охватила все тело. Гхолал закричал, но вместо крика услышал лишь глухой стон – с трудом сел. Невыносимо болела шея, рука, ныла проткнутая суком правая нога. Раньше он трижды прокалывал левую ногу гвоздями, видимо, пришло время продырявить и вторую конечность.

Осторожно пощупал пальцами шею, с неким восторгом вспоминая недавние события. Он видел монстра, реальное чудовище, едва не убившее его. Гхолал еще не мог понять и объяснить самому себе, как он выжил после падения из окна. Но не было переломов, лишь великое множество ссадин, кровоподтеков и отвратительных синяков покрывали все тело. На бедре был ужасный, безобразный шрам, едва-едва схватившийся, совсем недавно на его месте была кровоточащая дыра.

Пальцами пощупал зудящие полосы на шее, до самого затылка. При нажатии они начинали мучительно чесаться, но были не большими – нуждаясь в любом, хоть отчасти похожем на правду объяснении, Гхолал решил, что монстр попытался прокусить ему горло, но не сумел. Или не успел. К счастью.

Медленно встал на ноги. Правая нога тут же подвернулась, с трудом устоял, замахал руками. Громко и больно хрустнул локоть правой руки, но после щелчка руку словно вернули в правильное положение, и она перестала болеть.

Рискнул взглянуть на неподвижное тело чудовища. Оно показалось Гхолалу еще больше, чем раньше, в левой половине груди сверкала пустотой огромная дыра. Кровь, судя по всему, вытекла вся, ибо под монстром образовалось небольшое озеро темной жидкости. Шерсть чудовища намокла и слиплась, создав в мозгу Гхолала отвратительную ассоциацию с убитой собакой на дороге. Не все умирают сразу же после удара бампером, некоторые еще пытаются отползти к обочине, машины сбивают их снова и снова...

Гхолал потряс головой, сбрасывая наваждение. Отвернулся от гигантского трупа, взгляд уперся в зловещий замок. Поднимаясь все выше и выше, он уперся в распахнутую одну и сломанную, висящую на одной петле вторую ставню выбитого им окна. Гхолал содрогнулся, оценив расстояния между ставнями и землей.

«А где все?» – вдруг мелькнула справедливая мысль.

Гхолал взглянул на небо. Солнце только-только подбиралось к зениту, набирало силу, также, когда они карабкались по лестнице... Стоп! Неужели прошли сутки? Он провалялся вместе с трупом чудовища целый день?!

Гхолал вдруг растерялся. Друзья ушли, посчитав его мертвым... Они могли проверить пульс, послушать биение сердца, убедиться, умер он, Гхолал, или только потерял сознание. В любой другой ситуации, возможно, они бы так и поступили. Вернув взгляд на мертвое тело чудовища, Гхолал стиснул зубы – но не в этой. Теперь придется одному искать дорогу домой, одному идти через лес...

Страх и отчаяние Гхолал усиленно давил надеждой, что Тайгив, Ферна все еще в замке... Теллиса! Она же спустилась под статую, которая ожила...

Тут же осек себя. Вновь глянул на небо, солнце, чуть задержал взгляд на причудливом облаке, затем тяжело вздохнул. Никого в этом чертовом замке нет! Все ушли, он бы, наверное, сделал на их месте то же самое, вряд ли стал бы сидеть с покойником. И уж тем более не стал бы тащить его домой, который, собственно, еще предстояло найти. Задумавшись, вдруг

понял, что его выбор зависел бы от того, кто бы стал мертвецом. Любую из девушек, что были на берегу, а сейчас, скорее всего, уже сидящих дома и, захлебываясь словами, объясняющие дорогу к этому замку, не оставил бы ни за что – равно как и Тайгива, Заавха, Смихна. Представил, как бы тащил ледяное тело через жаркий лес, как на следующие сутки труп начал бы жутко вонять, разлагаться, с каждым новым днем теряя волосы, кожу, части тела...

От подобных размышлений Гхолал пришел к выводу, что проще было бы похоронить тело сразу за замком. Кто-то укусил за шею, Гхолал мгновенно шлепнул ладонью, поморщился от вспыхнувшей в шрамах боли. Посмотрел на расплющенного между пальцами комара, представил, как с удовольствием сделал бы то же самое с Дохойбом. Затем вспомнил его жуткий крик, помрачнел.

Гхолал захромал к гигантской лестнице, совершенно не представляя, зачем. Может, хотел увидеть окровавленное тело Дохойба, и этим зрелищем утолить свою ненависть к давнему врагу. А может, желал обнаружить раненого, истекающего кровью, но все еще живого Дохойба, которого собственноручно добьет без всякого сожаления. Но был и третий вариант, размышляя над которым, Гхолал видел себя вытаскивающим израненного Дохойба из замка и приносящего его в родную деревню. Он вдруг понял, что ему ни капельки не хочется реализации ни одного из вариантов, но в последнем он нашел-таки выгоду для себя – спасение Дохойба могло бы повлиять на улучшение их отношений.

У подножия лестницы Гхолал увидел капли крови на первой ступени, примятую траву. Самые разные мысли посетили его голову, от страха и дурных предчувствий до непонятной радости. В итоге решил, что этого маловато, чтобы не идти в замок и оправдаться перед самим собой. Вдруг заметил: почему зовет странное сооружение с оживающими статуями и жуткой пастью вместо двери замком? Абсолютно никакого сравнения с ранее видимыми по телевизору замками здесь не было, если не считать, что в этом непонятном строении чувствовалась несокрушимой твердь и надежность, присущая любому замку. Если б кругом был широкий ров с крокодилами, а вверху завис бы огнедышащий дракон – не много бы добавилось защищенности. Гхолалу на миг показалось, что строение, подобно статуи в нем, внезапно оживет и проглотит того, кто рискнет попытаться разрушить его – плечи сами собой передернулись.

* * * * *

Лестница закончилась, непонятно зачем сосчитанные тридцать восемь гигантских ступеней остались за спиной, а перед лицом оскалилась чудовищная пасть. Стоя на резком, но теплом ветре, и ощущая, как дышит каждая клеточка его тела, Гхолал поймал себя на мысли, что с интересом рассматривает необычный вход. Вчера почти не обратил внимания на гигантские клыки, созданные из какого-то белого камня, возможно мрамора. А возможно, из какого-нибудь космического металла, упавшего на землю пару-тройку веков назад – с той же вероятностью это могли быть кости исполинского монстра, сдохшего здесь за тьму тысячелетий до его, Гхолала, рождения. Гхолал вдруг широко улыбнулся, с трудом сдерживаясь от истерического хохота, и представляя, как расскажет в деревне о случившемся с ним приключении, до предела взбудоражит всех до одного, с пеной у рта ему будут доказывать, и тыкать носом в его ложь. Он спокойно выслушает всех, возможно, впервые в жизни, не станет ни с кем не драться за свою правду, затем приведет сюда, к затерянному в лесу строению, которое язык упрямо называет замком. И с величайшим удовольствием будет смотреть на упавшие челюсти, вылезавшие из орбит глаза; трясущиеся хуже, чем в самом страшном припадке, руки потянутся к громадной мертвой туше, ибо зрению все верить мгновенно перестанут. И закружится сумасшедшая карусель: новость, разлетевшаяся, как чума, заполнит деревню журналистами, учеными и остальными людьми, кому будет жутко интересно посмотреть на словно сошедшего с книг Стивена Кинга монстра...

Внутри все было так же, как он запомнил с того момента, когда протиснулся между огромными клыками. Добавилось гигантских обломков статуи, рассыпанных по полу. Гхо-

лал ощутил укол страха: вдруг спуск под статуей, куда по глупости сунулась Теллиса, завалило обломками? Что если Тайгив не сумел расчистить девушке путь к свободе – а оставшийся у опушки леса Смихн вряд ли передумает и пойдет за Тайгивом внутрь замка после того, как Тайгив вернется без Гхолала и Теллисы! Заавх ни за что не оставил бы свою сестру, если только... Тайгив не сказал ему, что ее у него больше нет! Подобное заявление, скорее всего, вызовет очередной приступ у Заавха, а может злость за потерю любимой сестры принесет Заавха к обломкам, которые он будет расшвыривать по сторонам в попытке достать тело. Так или иначе, возможный ответ находился впереди, и Гхолал заспешил к противоположному концу залы.

Обломки свалились в небольшую гору – крошечные, с горошину, и огромные и неподъемны с виду. Они заполнили все пространство пола, но сам вход в нишу закрывался лишь наполовину камнем размером с самого Гхолала...

...Обломки сыпались во все стороны, разбиваясь на мелкие камни, разлетались щебнем – один из таких острых осколков ударил Гхолала в лицо, до крови рассек кожу на скуле – человек отступал и отступал, пока не уперся спиной в стену. Большинство каменных обломков упало в нишу под пьедесталом, где была статуя, закрыв проход. Гигантская туча непроглядной пыли поднялась до самого свода, затем нехотя стала опускаться все ниже и ниже, точно зная, что вновь будет покоиться на полу.

В носу мучительно зачесалось, Гхолал попытался вдохнуть и чихнул – затем еще раз, еще. Так расчихался, что вскоре задергался всем телом, а остановился лишь тогда, когда пришла абсолютная уверенность, что с очередным чихом выплюнет кишки на пол.

Пыль накрыла собой все, устлав все поверхности между держащими свод колоннами, частицы ее повисли на стенах. Помещение стало похоже на старую полуразрушенную церковь за родной деревней Гхолала весной, когда все внутри покрыто тонким, легко разрушаемым, грязным от заводских дымов снегом.

– М-да, – произнес Гхолал, рассматривая сотворенное собой.

Захотел сдвинуть камень, закрывающий спуск под пьедестал статуи, чтобы заглянуть в темноту подземелья и попытаться кого-нибудь увидеть – умирающего Дохойба или ждущую помощи Теллису. Эта не столько благородная, сколько служащая для очистки совести идея в итоге полностью завалила проход каменными обломками, лишив не только желания узнать, есть под полом люди или нет, но и возможности это сделать.

Гхолал грохнулся на пол, обхватил голову руками. Не представляя, что делать, куда идти и надо ли ему это, он вдруг ощутил наполняющее его отчаяние. Пришла неожиданная мысль: Гхолал понял, что не хочет уходить из этого замка. Не желает вновь плутать по чертовому лесу, быть искусанным проклятыми комарами, что нападают тысячами тонких невидимых жал – он не пойдет искать дорогу домой. Росла уверенность в том, что Тайгив и остальные оставили его, раненого, здесь, чтобы позже прийти с помощью – врачами на машине, которая увезет его в родную деревню, к ноутбуку и играм в нем. К прежней, так нравившейся всегда жизни.

Он остается. Принятое решение принесло странное успокоение – мелькнула мысль о том, чтобы затащить сюда тело сдохшего монстра, пока его не растащили волки или другое лесное зверье, лишив тем самым Гхолала главного доказательства рассказанной им по возвращению домой истории. Но неожиданный страх повторного оживления жуткого чудовища налетел, как холодный ночной ветер, прогнав все мысли о мерзкой твари, валяющейся за замком.

Содрогнувшись, Гхолал решил остаться в одиночестве.

* * * * *

Время текло, подобно неспешной реке, сокращая день.

Количество солнечных лучей, равно как и степень, их освещения помещения, уменьшалось вместе с тем, как небесное светило опускалось к горизонту – его стрелы теряли мощь

и яркость. Тени от стен удлинялись, пугающе изгибаясь и становясь похожими на страшные щупальца.

Гхолал очнулся от странных, словно не своих, мыслей и образов, когда вдруг поднял голову от пола и увидел последние лучи света, падающие через заменяющую в этом замке дверь огромную пасть. Щели между клыками еще пропускали слабые, едва освещающие невесомый слой пыли, покрывающий пол, истончившиеся лучики, но солнце опускалось все ниже, уступая время правления темноте.

Гхолал с бешено бьющимся сердцем обернулся – показалось, будто кто-то стоит за спиной. Но никого не увидел: лишь черную тень, приближающуюся к нему. Обернувшись, вновь посмотрел на дверь-пасть – проходящих сквозь нее лучей стало на один меньше. Все желание остаться и дождаться друзей здесь исчезло мгновенно. Лучше в комарином аду, чем среди тянущихся отовсюду теней.

Гхолал сделал шаг, еще один и вдруг побежал. Он отчетливо увидел, как ожили черные тени, как протянули к нему свои жуткие лапы, пытаясь схватить. Бежал, не оглядываясь, к спасительной пасти...

У самого выхода вдруг запнулся, словно об воздух: упал лицом в камень – из носа хлынули две струи, а верхняя губа полностью занемела. Чье-то почти неощутимое касание затылка заставило Гхолала с дикой скоростью перевернуться на спину, вскрикнуть от ужаса. Перед его лицом плавало черное бесформенное пятно!

Он рванулся назад, врезался спиной в стену, а тень метнулась к нему. Гхолал перестал дышать, расширенными в бесконтрольном ужасе глазами впился в жуткое висящее в воздухе пятно, постепенно обретающее человеческое лицо. Сердце разламывало ребра с чудовищной силой, тело превратилось в студень. Спасение рядом, надо только развернуться, повернуться к этому кошмару замка спиной и пролезть в щель между клыками, но...

Вдруг Гхолал услышал голос. Едва различимые слова, тихие и пугающе свистящие, но он понял все до единого:

– Могущество немислимое обрел, смертный...

Слова рождались прямо в голове Гхолала, что рискнул сделать крошечный вдох – легкие горели от нехватки кислорода. Витающая перед ним тень с человеческим, жутко обезображенным лицом чуть колыхнулась – Гхолал мгновенно ощутил, как что-то начало стремительно меняться внутри него. Нечто сдавило череп со страшной силой, болью выгоняя мысли. Перед глазами замерла жуткая тень, за ней – едва различимые очертания стен и колонн. Одновременно с этим Гхолал явственно видел дремучие леса, чудовищных зверей, залитые кровью и трупами поля – вдруг ощутил вкус крови на губах. Убивающий его ужас постепенно достигал критической точки, Гхолал орал бы, если б мог, но единственное, на что он был способен – сопротивляться неизвестному вторжению. Из всех сил глушил крики умирающих, зажмурился, пытаясь лишиться всех образов и видений, отчаянно старался не думать и не представлять абсолютно ничего. Неизвестная сила ломала его сопротивление шаг за шагом, вторгаясь в разум, навязывая свои мысли, подавая ужасные картины. Гхолал не знал, как противостоять неведомому захватчику, растворял любую чужую мысль или видение силой воли – одну за другой. Когда они начали сыпаться на него, как из мешка, едва не сдался, чуть было не расслабился, не отдался свободному течению к смерти. С внезапной злостью смел все картины, висящие, как проклятье, перед внутренним взором, расширившиеся ноздри мощно втянули воздух, наполнив им легкие. Вторжение продолжало свой разрушительный путь, но Гхолал вдруг осознал, что добивается с ним одной и той же цели. Вдвоем они боролись против кого-то третьего, а на месте руин души стремительно вырастала могучая несокрушимая крепость. Как на месте пепелища вырастает зеленая трава, так и в сердце Гхолала воздвигалась непробиваемая стена неизвестного происхождения. Безгранично высокая, вселенски широкая – она

превратилась в него самого. Внеся крошечное изменение, перестроила на свой лад, добавила что-то новое, ненужное выкинула...

– *Жаждешь ли знать, кем стал?*

Шум внутренней бойни мгновенно стих, оглушив тишиной. Гхолал разобрал слова, что уже не дерзко ворвались в голову, а вежливо постучали, и открыл глаза. Он попытался что-то сказать, но изо рта вылетел только прерывистый выдох.

Разбросанные мысли, и разорванные картины перепутались между собой, сквозь их хаос Гхолал вынужденно смотрел на тень перед собой. Сердце нехотя успокаивалось, страх отступал, но крепчало чувство обреченности.

– Где я? – свои собственные слова показались хриплыми и грубыми, но к удивлению прозвучали твердо и уверенно. Гхолал ожидал услышать свой голос трусливо-дрожащим, ожидал волны заиканий и неясного бормотания, но...

– *На свободе... Вновь...*

* * * * *

Тень с человеческим лицом долго вела его по мрачным коридорам, длинным залам и бесконечным спускам и подъемам. Летела впереди него, указывая дорогу, неслышным колдовским словом убирала с их пути целые стены, создавала новые двери там, где Гхолал был уверен, что они зашли в тупик. Чем дальше шли, тем крепчала уверенность Гхолала в том, что живым ему из замка не выбраться. Он при всем желании не сумеет найти обратную дорогу, ибо за его спиной опускались, перекрывая путь, одна за другой каменные стены.

Едва отступившее отчаяние обрушилось с новой силой. Гхолал переставлял ноги все медленней, начал зацепляться за малейший выступ.

– *Не рвишь безмолвие...* – услышал тихий голос зловещего проводника.

Гхолал завернул за очередной угол, успел сделать несколько шагов, как вдруг голова взорвалась болью от оглушительного свистящего шепота:

– *Поспеши, ибо рассвет разлучит нас...*

Гхолал в ужасе замер, совершенно не представляя, где находится. Абсолютно ничего не видя, он мысленно пытался успокоить бьющееся в истерике сердце. Но оно колотилось все быстрее, уши закладывало от грохота перекачиваемой крови. Но даже сквозь эти громовые раскаты отчетливо слышал следующее:

– *Страх побори и сквозь смерть поступи...*

Огромным, невероятным усилием заставил сделать крошечный, практически незаметный шаг. Слова невидимой тени добавили ужаса, парализовали тело. Что-то пронеслось около лица, пошевелило волосы на затылке, охладило кожу на шее. Гхолал, утопая в океане животного ужаса, каким-то шестым чувством догадался, что тень торопит его, заставляет двигаться вперед. Еще один шаг дался намного труднее, чем предыдущий, но после него третье поднятие ноги над полом получилось как-то само собой.

Глаза абсолютно ничего не различали в окружающей тьме. Вытянутые руки не доставали стен, что усиливало чудовищный страх. Окатило ледяным потом, когда представил себя идущего по тонкому мостику через бездонную пропасть, на дне которой монстры и чудовища только и ждут, когда человек поскользнется и упадет...

Вновь остановился, затылок обожгло ледяной стужей, отчего Гхолал вынужден был сделать несколько крошечных шагов. Глаза закололо от пристального всматривания во тьму в тщетной попытке увидеть хоть что-нибудь... Когда впереди появился едва различимый во тьме огонек, Гхолал со всех ног кинулся к нему...

Слабый огонек приближался невероятно медленно, Гхолал мчался изо всех сил, видя в разрастающемся пятне света спасение от жуткой тени с человеческим лицом. Он чувствовал, что несется с дикой скоростью уже слишком долго, пора начать задыхаться, ощутить привычную во время продолжительного бега острую боль в боку.

Свет разгорался все ярче, по мере приближения к нему начинал ощутимо резать привыкшие к тьме глаза болью. Он приобрел контуры огромного квадрата, сквозь который Гхолал, яростно преодолев последний десяток метров, прошел шагом. Не столько устал, сколько поразился картине, открывшейся сразу же за ним.

Всюду полыхал огонь.

Человек медленно входил в это царство жара и ослепительного света. Чудовищные огненные столбы подпирали низкие потолки, отчего языки пламени яростно охватывали стены, пытаясь их сжечь. Гхолал ступил на каменную тропу, не широкую, с опаленными краями, а по обеим сторонам ее бушевал огонь. Там, далеко внизу, он рождался, набирал сокрушительную всеразрушающую силу, дабы преграждать путь любому дерзнувшему явиться сюда наглецу.

Гхолал почувствовал, как затрещали волосы на голове, невыносимо больно обожгло кожу на обнаженном теле – попятился назад. Прыгающие во все стороны языки пламени пронеслись в миллиметрах от его лица, грозя лишить глаз. Едва спина ощутила прохладу длинного туннеля, по которому бежал, Гхолал словно уперся в стену. Вновь налетел жуткий, парализующий страх.

Во тьму коридоров он ни за что не вернется!

Не колеблясь больше ни секунды, Гхолал ринулся вперед. Жар обрушился с огромной силой, размашистое крыло огня коснулось плеча, и Гхолал взвыл от боли. Раскаленный камень под ногами обжигал босые ступни, легкие перестали получать кислород, отказываясь от здешнего воздуха, в котором мелькали огненные искорки.

Гхолал не знал, куда ведет эта раскаленная, как сковорода, тропа – может, упрется в стену, позволив беспощадному пламени заживо сжечь человека. Но не проходящий страх перед полным непроглядной тьмы коридором гнал Гхолала дальше, не отрывая глаз от каменного моста над океаном огня и крича от чудовищной нечеловеческой боли...

Вдруг все словно накрыли черным одеялом.

Гхолал замер на месте, шумно дыша и пытаясь прислушаться к новой обстановке. Но из-за громовых ударов недовольного резкой остановкой сердца с трудом слышал даже свои хрипы. После ослепляющего огня перед глазами все еще мелькали белые пятна, резали вспышки, и Гхолал, чувствуя себя вновь беспомощным, вытянутыми руками принялся искать стену, на которую можно было опереться. Чуть не умер от ужаса, когда вспомнил о тропе над огнем, что могла не кончиться, но шаг был сделан, а сразу за ним дрожащие пальцы коснулись теплого камня.

Гхолал уронил болезненный стон. Кожа, словно до сих пор объятая пламенем, мучительно жгла, к ней нельзя было прикоснуться. Осторожно проведя рукой по лицу, Гхолал не нашел на нем ресниц, а на черепе пальцы пробежались по сморщенной жесткой коже.

– *Цену себе назначил, смертный...*

Он подпрыгнул бы от неожиданности, не будь настолько измотан. Чуть привыкшие глаза с трудом смогли различить витающее перед ним пятно вновь объявившегося проводника.

– Я сгорел, – просипел Гхолал. Вдруг до глубины души стало жаль самого себя.

– *Лишь трудности душу закаляют, – донесся зловеший шепот, – плоть страдает, но растет воля...*

– Куда ты меня тащишь? – Гхолал с трудом мог выговаривать слова обожженными губами. Язык во рту едва ворочался, словно тоже пострадал от огня.

– *Там примешь сущность...*

Вновь началось мучительное путешествие во тьме с единственным ориентиром – черным пятном, совершенно утратившим человеческое лицо...

Глава 6

Гхолал вскочил быстрее молнии. Все тело трясло жуткой судорогой, мышцы ходили ходунгом в бешеном ритме, сердце мощными, частыми ударами качало кровь так быстро, что закружилась голова.

Перед глазами величественно поднималось солнце. Гхолал с отчаянием констатировал, что пролетел еще один день. Он все еще один, без малейшего представления, где его друзья, что с ним происходит и абсолютно лишенный памяти о вчерашней ночи с того момента, как прошел огненный зал вслед за жуткой тенью. Тенью... По спине пронеслись миллионы мурашек, а сердце на какой-то миг просто остановилось при воспоминании о страшном существе.

Гхолал, обернувшись, увидел громадное строение, зябко передернул плечами. Внутри он больше не зайдет, ни за что...

Он смотрел на зеленую листву, на темную кору деревьев, и в черепе возникали странные мысли, никогда до этого момента не появлявшиеся в голове. Гхолал наклонил голову перед стоящим деревом, чьи роскошные листья на длинных ветвях едва не касались небес. Внезапно Гхолал осознал, что каждый спит и видит, как сломать, испортить, убить, или уничтожить беззащитное, но внушающее трепет могучее растение. Ибо все, что пугает, должно быть стерто с лица земли, дабы люди могли спокойно жить...

Черная, испепеляющая ярость взорвала сердце, страшно вздула мышцы. Тело словно увеличилось в размерах, гигантские кулаки стиснулись с жуткой силой, а перед глазами все накрыло багровой пеленой. Гнев душил, легкие вскипали болью, требовали не воздуха, но крови... Горячей людской крови, что так сладко потечет из их порванных жил...

– Если мир против меня, – услышал собственный голос, глухой и нечеловеческий, – тогда я просто его уничтожу!

В губы врезались огромные клыки, превратившиеся в жуткие когти ногти рук вцепились в грудь, рванули с чудовищной силой. Волна страшной боли захлестнула разум, рев из горла пошатнул стоящие рядом деревья. От прыжка в воздух взлетели комья грязи, но за мгновение до того, как они вернулись на землю, огромная фигура исчезла в лесу.

* * * * *

Ночь застала его далеко от древнего храма. Насколько далеко, Гхолал не знал, но смутно догадывался, что убежал на значительное расстояние. Последние часы прожил как в дурмане, отрывками вспоминая мелькающие с чудовищной скоростью деревья, бьющие по лицу ветки. Голова все это время была словно наполнена жидким металлом, в температурном кошмаре которого сгорели дотла все ранее находившиеся в черепе мысли.

Усталость накрыла огромной всепоглощающей волной, разом свалив с ног. От громового дыхания заложило уши, расшвищенное сердце безжалостно ломало ребра. Был абсолютно уверен, что не переживет такой нагрузки, что через пару мгновений сердце разорвется, а легкие лопнут, перенасытившись кислородом...

Но, спустя вечность, глаза вновь открылись, а сердце все также качало кровь по жилам. Гхолал встал. Искусанное комарами и превращенное в один гигантский зудящий синяк тело жутко чесалось, в кровь разодранные камнями и острыми сучками ступни болели.

Кругом было еще темно, но постепенно светлело – тени прятались за деревья, становясь все короче. Рассматривая красоту предутреннего леса, еще не отошедшего от ночной прохлады, Гхолал яростно стал чесаться. Кожа зудела невыносимо, ногти едва не вспарывали ее, мгновением позже по телу растекалась сладкая боль.

Долго Гхолал себя истязал, но не хотелось останавливаться. Многие укусы отвратительно вспухли, из них сочилась кровь. Когда блаженство сменилось острой болью, Гхолал перестал дергаться. Еще недавно так сладко зудящая кожа теперь словно горела невидимым огнем,

а на вид была ужасна: синюшные кровоподтеки, расцарапанные ногтями – Гхолалу на миг почудилось, что, глядя на свои руки, он вдруг увидел разлагающиеся руки мертвеца.

* * * * *

Чудовищный, не позволяющий переставлять ноги голод пришел, когда солнце еще не добралось до вершины неба. Живот рычал и гудел, мелькнувшая мысль о том, что кишки переваривают друг друга в желудочной кислоте, быстро превратилась в непоколебимую уверенность. Все мысли были только о еде, в голове Гхолала не осталось ничего, мозг превратился в жадную мечту о жареной картошке, макаронах с сардельками, пюре с котлетой. . .

Никогда не умевшему терпеть голод Гхолалу приходилось напрягать все силы – физические и волевые, чтобы не рухнуть на землю и не биться в истерике. Он спотыкался, запинаясь за каждую неровность, попадал в мышинные норы, падал и, поднявшись, вновь летел на землю. Первое время свирепо ругался, в ярости ревел на весь лес, срывал листья с деревьев, пинал траву и ломал ветки, о которые спустя минуту спотыкался и вновь падал. Когда гневный запал исчерпался, Гхолал, повесив голову и загребая за собой все то, что нарвал и накидал, молча, побрел сквозь кусты.

Нашел красных ягод, быстро определив их как землянику, сожрал вместе с листьями. Ни капельки не утолив жуткий голод, бросился на поиски грибов, наступил в осиные гнезда, и спустя полчаса растирал опухшие от укусов ноги далеко от земляничной поляны.

Внезапно нахлынуло отчаяние. Ни еды, ни сил идти. Проклятый лес с каждым шагом становился лишь гуще, комары и мошки атаквали огромными стаями, паутина облепила все тело, больше похожее на гигантский укус. Жара и духота выжимала литры едкого пота, чудовищная жажда просто убивала.

Лишь что-то глубоко внутри, нечто абсолютно уверенное в себе и ощущающее свою силу, успокаивало, играя на струнах души. Гхолал не мог ни понять, ни объяснить, что с ним происходит, но поддавался внутреннему уговору. Его резкое обрывистое дыхание постепенно замедлялось, превращаясь в ровное и спокойное. Дикие сумасшедшие мысли вскоре ушли из больной головы, а веки незаметно накрыли глаза. Яркий солнечный день исчез, заменой ему стал черный коридор, ведущий в неизвестность. . .

...После жуткой комнаты с пламенем темнота, сейчас окружающая его, успокаивала странным образом, а глаза с удивлением стали различать некие очертания.

В голове Гхолала словно появилась карта погруженных по тьму коридоров древнего замка, он, напрягая зрение, подтверждал глазами то, что рисовали мысли – стены с острыми выступами, от которых успевал вовремя отходить, чтобы не удариться. Более темные, будто залитые чернилами, места понимал как повороты, в которых скапливалась большая часть крошечной тьмы, и после двух или трех ударов лбом об углы стал угадывать момент, когда надо повернуть. Бесшумно парящая в нескольких шагах впереди него тень теперь стала еще черней, походила на маленькую злую тучку, но при одном взгляде на нее кровь застывала в жилах.

После очередного, своим углом задев и так расцарапанный в кровь висок, поворота Гхолал замер. Перед ним была пустота: большое пространство без стен – изо всех сил всматриваясь в середину и пытаясь понять, что же он все-таки видит, Гхолал смог убедиться лишь в том, что в нескольких шагах от него гигантский столб сгустившейся тьмы. Более густой, чем ведущая его последние несколько часов тень, которая при воспоминании мгновенно оказалась рядом. Ледяной ветерок коснулся обожженного уха, добавив боли, Гхолал затем услышал:

– *Окунись в забвение, познай Мортема, тебя наполнившего...*

Гхолал не слушал, неотрывно смотрел на жуткое скопление тьмы. Оно принимало самые разнообразные формы – от кружащегося с дикой скоростью вихря до ревушей в невидимом сосуде воды, черной и ужасающей. Из этого беспредела трансформаций вылетали тени, подобные уже знакомой Гхолалу, но были они гораздо темнее, крупнее и при взгляде на них сердце

словно сжимала когтистая лапа самой смерти. Жуткие тени делали один-два круга около эпицентра тьмы, затем вновь исчезали в нем.

При произношении неизвестного имени Гхолал вдруг почувствовал сильное возбуждение. Кожу защипало – сначала несильно, едва ощутимо, но уже после нескольких мгновений создалось неприятнейшее и болезненное ощущение, словно тело одновременно тащат во все стороны, зацепившись за его кожу миллионами острых крючков. Гхолал невольно провел ладонью по руке, убедился в отсутствии инородных предметов, но поразился невероятной раскаленности кожи.

Мелькнула испуганная мысль о том, чтобы спросить у тени, что он перед собой видит – ворота в ад или скопище всемирного зла, но созерцание тьмы внушало такой невообразимый ужас, что, казалось, один звук обрушит на наглеца всю мощь сконцентрированной власти ночи. Тень, которую, глядя на творившуюся перед собой жуть, отчасти считал своей, судя по всему, прочитала мысли Гхолала: не успел человек подумать о возможном вопросе, ответ проник в череп и начал впитываться мозгом:

– Силы безграничной вместилнице зрят редкие смертные. Пережить сей взгляд способны единственные из многих тысяч, тебе же выпала честь зреть двумя парами глаз...

Гхолал остро почувствовал исходящую от водоворота теней угрозу.

– Ступай, страха лишившись...

Голос в черепе на этот раз больно задел мозг своей торопливостью – Гхолал увидел метнувшуюся от него тень. Она оказалась среди кружащих, себе подобных, созданий, выглядела, как белая ворона, но лишь миг – затем нырнула в эпицентр тьмы. То, что следует войти в жуткий вихрь тьмы, Гхолал понял мгновенно, но сделать подобное было сложнейшей задачей всей его жизни. Он не в состоянии был представить, что твориться внутри постоянно меняющегося водоворота теней, который заставлял ноги Гхолала судорожно трястись, а сердце биться в горле.

Чудовищный круговорот жутких теней вдруг начал расширяться, ускоряясь. Его черные творения стали хаотично носиться по воздуху, уже не возвращаясь внутрь, также увеличивая круг полета. Редкие подлетали к замершему от ужаса человеку, заставляя последнего медленно прощаться с жизнью.

Критическая черта, переступив которую либо сходишь с ума, либо навсегда теряешь страх, оказалась перед Гхолалом. Он больше не слышал дикого галопов собственного сердца, не замечал невероятно частого дыхания, не ощущал тела. Не мог отвести глаз от приближающегося черного кошмара теней, что спустя миг накроет его. Время перестало течь, застыло, как река зимой, и этот миг для Гхолала стал моментом чудовищного накала нервов, смертельной болью разорвавшегося от невообразимого ужаса сердца. Не в силах более сдерживаться, больше всего на свете желая избавиться от адских мучений, Гхолал сдался. Рвущийся к огромной тени кто-то, сидящий внутри человека, в яростной радости рванул тело Гхолала вперед, со всего размаха утопив в черноте.

Последнюю мысль угасающего разума о том, что Тайгив и другие люди уже ходят по замку и ищут его, накрыла непроявленная тень.

* * * * *

Считая, что умер, Гхолал ошибался. Не было и сном его состояние – завис где-то между прошлым и будущим, не в силах увидеть настоящее. Невольный наблюдатель чужой жизни, чудовищно жестокой и поистине ужасной в деяниях. Жизни существа, чья судьба создала его воплощением абсолютного зла – безжалостный косарь, под окровавленным клинком которого падают жизни тех, кому не повезло оказаться в одном веке с ним – падают, как скошенная трава...

Существо, являющееся главным героем представившейся кошмарной пьесы, имело в своей несоизмеримо длинной, по людским меркам, жизни единственную цель. Убийство:

для пожирания плоти и поглощения внутренней силы, но чаще ради удовольствия. Целые города исчезали по воле кровожадного зверя, не щадящего ни детей, ни стариков. Дерзнувшие в попытке дать отпор умирали неделями, жуткими криками оглушая окрестности – горький урок остальным смельчакам.

Маги и колдуны армиями приходили для уничтожения ненавистного монстра, окружали обитель, возведенную зверем для почитания и жертвоприношений вместилищу своей безграничной мощи. Черные тени из мрачных глубин земли, куда никогда не сможет пробраться ни один луч света, сплетались в ужасные фигуры, убивали все живое одним своим присутствием. На почтительном расстоянии от обители находились рубежи самых смелых воителей и волшебников, но лишь до той поры, пока зверь терпел их присутствие. Ночь была ему верной женой, делая его абсолютно невидимым под своей черной юбкой. Во тьме же сила его была поистине всепокрушающей. Гигантские костры, что искрами прожигали небо, не в состоянии были ослабить мощь всюду следующей за ним тени. Не было существа либо империи, дабы противостояла бы Мортему, как прозвали его и проклинали все живущие. Все дальше и дальше уходили люди от страшного места, в течение нескольких веков полностью оставив материк зверю.

Спустя пару столетий выяснилось, что Мортем не может покинуть территорию, облюбованную для охоты в забытые времена. Черные тени за долгие века привыкли к постоянной и щедрой крови и горячей плоти, которыми делился зверь, и не могли уже существовать без своего кормильца, что рвался вслед за ушедшими жертвами. Глубинное зло не отпускало зверя, требуя приношений, а не получив оных, впилося в него самого. Две чудовищные силы схлестнулись в страшной битве, отголоски которой слышали все еще бегущие как можно дальше люди.

Долго на зловещий материк не ступала нога живого существа. На других землях образовались могучие цивилизации, несокрушимые империи и великие народы. Одной из сильнейших оказалась огромная как по территории обитания, так и по численности страна гигантских ящеров-воинов. Все остальные державы после нескольких жестоких войн и завоеваний змеев признали их лидерство и покорились. Народ искуснейших виртуозов меча – существа с прозрачной кожей, дларрги, обратились к новым правителям всех земель, именованных с того момента Адолтроном, с просьбой разобраться с древним кровожадным зверем на единственном необитаемом материке.

Лучшие из лучших воителей, ровняющие горы с землей маги отправились в указанном направлении с твердым намерением уничтожить неведомого монстра, а заодно и прибавить значимости своей и без того безупречной репутации. Но к их величайшему разочарованию, на материке не было, ни единой живой души. Искатели непобедимого зверя обнаружили лишь древний храм, несколько не пострадавший ни от погоды, ни от времени. Словно вчера воздвигнутый, он встретил пришельцев оскаленной пастью вместо входа и гигантской зловещей статуей чудовищного создания внутри. Отправившиеся вместе с ящерами дларрги признали монстра, наводящего ужас на их далеких предков не одно столетие, и вздохнули с превеликим облегчением.

Но чернота начавших внезапно сгущаться теней скинула их с небес на землю, заставив слезно умолять ящеров покинуть здание, дабы потом сжечь магическим пламенем. На вопросы о причинах ухода отвечали невнятно, насмерть перепуганным голосом – древнее зло победило Мортема, все прошедшие века жило здесь, ожидая кого-либо из живых, чтобы утолить многолетнюю жажду крови.

Мольбам ящеры не вняли, заявив, что дадут отпор любому проявлению зла. И дларргов не выпустили, чтобы те записали в своих рукописях всю грандиозность очередной победы змеев над еще одним врагом. Один из командиров, усмехнувшись, ударил по статуе кулаком. Попал на угол, рассадил свои чешуи в кровь...

А в следующий миг уже пятился под осыпающимися каменными обломками. Два дларрга рухнули с остановившимися сердцами, когда с пьедестала спрыгнул их самый страшный кошмар – остальные упали на колени, завывли мольбы Святым Богиням. Ящеры настороженно рассматривали огромного зверя с полыхающими огнем глазами. Они были самыми высокими и сильными представителями живых существ своего мира, но оживший монстр превосходил их всем – мощью, ростом, злостью.

Чудовищный зверь прошлого недолго рассматривал не прошеных гостей своей обители, спустя мгновение ринулся на них. Быстрее молнии, подобно бесшумной тени – его движение невозможно было уследить глазом.

Идеальная техника защиты и нападения ящеров, благодаря которой они заняли лидирующее место в мире, автоматически срабатывала в мозгу каждого воина. При малейшей угрозе, для сокрушающего удара либо по необходимости устрашения огромные змеи ощетились на врага остриями копий и мечей. Особая постановка воинов, прикрывающие мечников копейщики, ряд за рядом, без малейшей брешки – была эталоном воинского порядка, ужас и самый страшный ночной кошмар каждого, кого Империя признавала в чем-то виновным. Против подобных отрядов не выдерживали никто: ни молниеносные дларрги, ни громадные горные великаны, что с веками войн с ящерами поравнялись с ними ростом.

Но на этот раз все было по-другому. Против ящеров стоял не житель их империи, с малолетства запугиваемый гигантскими змеями и под семью клятвами обещающий родителям никогда в жизни не нарушать ни одного закона. Не беглые грабители караванов и обозов, краем уха слышавшие о непобедимых чешуйчатых воинах, при случайной встрече с которыми мгновенно теряли сознание и содержимое желудка.

Чудовищная древняя мощь не делала разницы между кровью змеев и людей. Сильнейшая воля забытых тысячелетий переломала, как соломинки, души замерших перед ней созданий, лишив всех мыслей о сопротивлении. Разорванная в клочья плоть взметнулась в воздух, кровавые фонтаны щедро оросили стены и пол обители. Ни одно оружие так и не покинуло ножен...

С трудом удерживаемые на этом свете лишь верой в милость Богинь дларрги с парализовавшим их тела ужасом смотрели, как Мортем вонзил клыки в голову ящера, слышали, как сочно треснул череп, а в горло зверя хлынули кровь и мозги. Успевший сделать полшага в попытке бегства другой змей даже не вскрикнул, когда огромная лапа вонзилась в его живот, повернула в воздухе чешуйчатое тело. Вверх взметнулся последний фонтан крови, чьи щедрые ручьи хлынули в распахнутую пасть Мортема. Он стоял, как Бог Смерти, посреди луж крови и разорванных ужасающих трупов, с неугасающим пламенем убийства в багровых зрачках...

* * * * *

Незаметно для самого себя Гхолал вдруг вновь обрел власть над своим разумом и мыслями. Мгновенные сильнейшие желания узнать, где находится и как попал сюда, не увенчались успехом – взгляд, в отличие от мыслей, был словно закован в невидимый туннель, в конце которого неслась, как бешенная горная река, жизнь чудовищного зверя, именуемым Мортемом...

Способен был видеть сразу несколько картин, словно сидел перед расставленными на столе мониторами. Зрел ужасающую бойню в обители, кожей чувствовал последние толчки вытекающей крови из порванных жил. Одновременно смотрел на растущее подобно лавине напряжение окруживших здание ящеров. Нервные подергивания, бегающие глаза, меняющийся по несколько раз в секунду цвет чешуи – Гхолал словно был каждым из них одновременно. Ощущал лед их крови, тяжесть всех до единой чешуйки и грузность металлических доспехов, а еще страх. Чувство, не привычное для самых сильных и бесстрашных существ этого мира, самих ящеров вводило в шок, подавляло волю, вышвыривало с ровной дороги спокой-

ствия и уверенности. Этот новый враг, невидимый, но от этого не менее серьезный, отвлекал от первостепенной опасности, что вот-вот должна явиться из зловещей пасти...

Передние ряды дрогнули, когда на ступени гигантской лестницы начали выползать их собратья: с оторванными руками и ногами, с волочащимися за ними кишками. Никто уже не кричал – лишь перекошенные от невыносимой боли лица, дергающиеся губы с кровавой пеной. Ползли в отчаянной попытке избежать мучительной смерти, как можно дальше от ужасного воплощения кровожадной ненависти.

* * * * *

Один из дларргов, спустя несколько мгновений после начала пиршества смерти, пополз к выходу. Скользил в крови и раздавленных внутренностях, трясущимися руками отодвигал со своей дороги куски тел, прокушенные и вырванные из шей головы, клочки кожи... Когда рискнул поднять голову и узнать, сколько еще до спасения, услышал приближающийся грохот. Сердце оборвалось, ужас затмил глаза...

В залитое кровью и заваленное изуродованными трупами помещение врывались ящеры: свежие, полные силы и желания мстить. Валяющегося у входа дларрга, растоптали, как муху, ринулись на радостно взревевшего зверя. В воздух, тяжелый и горячий, взметнулись копья и топоры, за ними, словно юные бойцы за матерыми воителями, неслись ножи и шипастые шары. Почти все достигли цели, с яростным хрустом вонзались в гигантское тело, пускали кровь, вырывали куски плоти, усиливая рев чудовища. Но не остановили его, ни на шаг: подобно снежной лавине, все сметающей на своем пути, Мортем прошел сквозь этот поток острейших наконечников и лезвий и налетел, как ураган, на пораженных своей неудачной атакой змеев. Они привыкли пробивать своим оружием любые преграды, любую броню, а также врагов за ней. Сейчас же перед ними предстал утыканный копьями и топорами, с ножом вместо левого глаза, но полный чудовищной свирепой ненависти зверь, жаждущий крови. Горячей живой крови, что не залечит раны, но напитает того, кто исцелит для новых убийств...

В следующий миг на воскресшего зверя обрушилась магическая ярость. Помещение наполнилось дымом, искрами и языками разноцветного пламени, в чьих бликах мелькали огромные существа и четырехрукие гиганты, вызванные могучими заклинаниями. Грохот стоял настолько оглушающий, что, казалось, его можно коснуться руками, сквозь его рокоты такими слабыми и далекими слышались предсмертные стоны...

* * * * *

Гхолал вновь на миг стал собой, но лишь для того, чтобы перестать блевать от созерцания кровавой резни, учиненной Мортемом, и перенестись куда-то в недра его обители. Мрачные коридоры, ведущие если не в сам ад, то на его границы. Он двигался по ним тенью, ею же и наблюдал за дларргом. Бегущим, не чуя под собой ног, наполненным до краев животным ужасом, и все же не лишенным остатков рассудка, чтобы создать перед собой подобие светящегося полотна. Именно благодаря этому магическому светилу дларрг не врезался в углы на поворотах, в острые бугры на стенах и не спотыкался о ямы и дыры в полу. Все вышеперечисленное Гхолал испытал на себе совсем недавно, но воспоминание лишь скользнуло в голове, испарившись мгновенно.

Ожидаемый тупик появился довольно скоро, заставив дларрга резко затормозить, затем грохнуться на спину и, в довершении ко всему, рассыпать свое светящееся полотно искрами по полу. Ненамного стало темней, но лишь для такого наблюдателя, как Гхолал, что вдруг начал находить плюсы в своих новых возможностях. Пусть не его, но пока дарующие ему небывалые ощущения и... власть.

Но не дларргу. Для него наступил конец света, ибо тьма была черна, как душа Мортема. Жалкие попытки вновь разжечь подобие факела топились на корню, лишь единожды вспыхнули искры и тут же были сожраны темнотой. Дларрг неуклюже замахал руками, пытаясь нащупать стены, пополз, трясущимися руками шаря по полу. Гхолал услышал плач, горький

плач отчаявшегося человека. Увидел едва различимые капельки, срывающиеся с лица дларрга и разлетающиеся на крошечные частички от удара о камень.

Одна из самых трудных вещей для любого человека – это видеть, как взрослый мужчина плачет. Гхолал смотрел на рыдающего дларрга и видел в его сотрясающейся фигуре себя. Он бродил во тьме, страдал от страха, боли и отчаяния в таком же угнетающем до смерти одиночестве. Многие из того жуткого путешествия он не помнил, значит точно также мог валяться на каменном полу в собственных соплях.

Волна отвращения к самому себе поднялась до горла, испустив полурыв-полухрип. Гхолал закашлялся, но почувствовал, как в недрах сердца завозился его новый обитатель, могучий и вряд ли победимый, чья абсолютная воля продолжала завоевание человеческого разума...

Вокруг дларрга сгустилась тьма, не прошло и нескольких секунд, как Гхолал увидел несчастного в узком кругу, созданным хозяевами этих коридоров. Рыдания мгновенно прекратились, дларрг почувствовал ледяное дыхание смерти, вскинул руки и что-то быстро-быстро зашептал. Гхолал не мог понять ни слова, дларрг слишком торопился, но тьма не нападала, словно ожидала завершения очередной молитвы. Говор обреченного снизошел до неразборчивого бормотания, стал практически не слышим – Гхолал увидел протянувшиеся щупальца. В следующий миг дларрг громко вскрикнул, из него во все стороны брызнули пронзившие тени струи скрученного воздуха. Они заполнили коридор, оттолкнулись от шершавых стен и... пронзили самого дларрга. Еще громче был его крик, но после него на пол упали, словно срезанные невидимой бритвой, лишь его ступни. Черные щупальца обвили добычу, а через миг плавно и бесшумно растворились по коридору.

Мрачное помещение опустело.

Глава 7

Зловещая ночь обрушилась на деревню неожиданно.

Тайгив встретил ее на крыльце – рядом с ним на ступенях сидел Заавх. Непроглядная тьма заняла углы и узкие проходы между домами, скрыв пристройки и собачьи будки. За пределами ограды, где лес утонул в ночном мраке, слышались шорохи, шуршание и треск, изредка прерывающиеся странными звуками, отдаленно напоминающих чьи-то горестные вздохи. От этих стонов стыла кровь, а проходящий мимо седоволосый житель деревни, заметив бледные лица молодых парней, поспешил объяснить причину жутких звуков. По деревне ходили слухи, что это духи умерших переживают за своих потомков, которые, возможно, сегодня разделят их участь, умерев плохой смертью – в желудках лесных чудовищ. Появившаяся на крыльце Черрленн сказала, что лес вздыхает и стонет каждую ночь, но сегодня к этим стенаниям добавится кое-что еще.

Седовласый старик был первым – едва он ушел, а Черрленн вернулась в дом, чтобы через несколько мгновений выйти вместе со Смихном, Тэнтар, Теллисой и Джеффой, как мимо Тайгива и Заавха начали проходить мужчины. Огромные, широкоплечие, как братья-близнецы похожие на Вопгнара, только с разными лицами, на которых, впрочем, читалось одно и то же. Напряжение сквозило и в движениях жителей деревни, их кулаки сжимали древка длинных, с два Смихна, копий и рукояти гигантских топоров так, что побелели костяшки.

Тайгив насчитал четырнадцать человек, когда заговорила Черрленн:

– Они идут к ограде, чтобы разделиться на отряды по два защитника, и следить за вверенной им частью стены.

– Не маловато защитников позвали? – стараясь не выдать дрожь в голосе, спросил Заавх. Черрленн ответила мгновенно:

– В деревне живут не два десятка мужчин. Некоторые уже заняли свои места у ограды и не покинут их до рассвета.

– Сколько придет великанов? – взглянул на Черрленн Тайгив, поднимаясь со ступеней. – Сколько вы успеете убить до восхода солнца?

– Одного, редко – двух, – пожала плечами девушка, – чаще келгшир сам уходит, когда устает ломать стену, но больше – от потери крови из многочисленных ран. Серьезную ему трудно нанести, не говоря уже о смертельной...

– Хватит, Черрленн! – оборвал ее Заавх. – Пора идти к Руксэжу, иначе начнет без нас.

Тайгив взглянул на него, всмотрелся в бледное даже в свете факелов, врученных дочерью Вопгнара, лицо Заавха – в его глазах, где всегда разгорался хищный огонек перед скорой дракой, поселилась тьма.

Возглавляемые Черрленн гости деревни, название которой не существует в этой эпохе, вклинились в неровный строй пробирающихся между домами мужчин. Тайгив старался оказаться ближе к Заавху, хотел отговорить от данного ему собой предложения помочь местным жителям защитить их семьи от келгширов, но вооруженных отцов и дедов прибавлялось, в исчезающих за спиной постройках открывались двери, выпуская тех, от бесстрашия и меткости которых этой ночью будет зависеть не одна жизнь. Раньше, чем Тайгив добрался до Заавха, он услышал могучий крик Руксэжа, легко перекрывающий царящий на вытоптанной площадке перед его домом гвалт наперебой орущих мужчин. Тайгив увидел, как в круг света, образованный расставленными повсюду факелами, ступила Черрленн – двое из орущих громил, с выпученными глазами и вздувшимися на шее и висках венами, мгновенно обернулись к ней. Следом за Черрленн в кругу оказался Смихн, и Тайгив запоздало вспомнил, что идущий перед ним молодой гигант свернул в сторону, избежав выхода из темноты.

«По-видимому, ждут только нас», – мрачно подумал Тайгив.

Один из двоих обернувшихся на появление Черрленн мужчин мгновенно перекинул взгляд с девушки на Смихна – с губ сорвался яростный крик:

– Келгширский корм, проваливайте за ограду!

Тайгив переступил границу света и тьмы, когда Смихн крикнул громиле:

– Думаешь, такой мешок дерьма, как ты, великаны не станут жрать?

Между ними было около десятка шагов, но деревенский гигант словно пролетел их по воздуху. Схватив Смихна за горло, поднял в воздух – зашипел дрожащим от ярости голосом:

– Твоя шея тоньше куриной. Сломаю, как...

– Только с такими, как я, тебе и драться, – прохрипел Смихн, задыхаясь, – наверняка, и келгшира ни разу не видел...

Его голос истончился, глаза закатились.

Слева появился Заавх, не стесняясь в замахе, нанес сокрушительный прямой удар в лицо схватившего Смихна громиле – тот расслабил пальцы на горле своей жертвы, непонимающе развернулся к Заавху. Тайгив увидел слепое бешенство в глазах деревенского гиганта, и молниеносно врезал ему ногой в колено – мужчина неуклюже рухнул разбитым лицом в землю. Тайгив перепрыгнул через него, перехватывая Заавха – тот намеревался добить поверженного. Тайгив ощутил, насколько силен Заавх на пике ярости, и с трудом оттолкнул его на несколько шагов от вскакивающего на ноги громилы.

– Остановись! – Тайгив вскинул руки в примирительном жесте.

– Я раздавлю вас, как жаб!! – люто прогнусавил гигант.

– Не сегодня! – могучий голос Вопгнара был подобен удару грома.

Огромный и страшный в прыгающем свете факелов, он вышел из тьмы. Грозно сведенные на переносице брови нависали над превратившимися в узкие щели глазами, в которых бушевало пламя.

Тайгив облегченно выдохнул, бросил короткий взгляд на Заавха – тот смотрел на Вопгнара. Отец Черрленн приблизился, рывкнул:

– Забыли всё, что было минутой раньше. Руксэж, готов?

Тайгив пораженно обернулся на Руксэжа, но, спохватившись, обернулся на громилу со сломанным носом. Тот, к растущему изумлению Тайгива, попятился, пока не оказался среди нескольких безоружных мужчин. Невольно окинув взглядом круг света, Тайгив увидел, что, кроме них, остальные собравшиеся держали в руках копья, гигантские топоры.

– Судя по всему, Вопгнара здесь слушаются не только собаки, – буркнул в ухо Заавх.

– Может быть, – коротко обернулся к нему Тайгив, – только убудок, собиравшийся задушить Смихна, вряд ли человек...

Руксэж, перекинувшись с Вопгнаром несколькими фразами, исчез в доме лекаря. Смихн, оттолкнув протянутые ему руки помощи, встал на ноги со второй попытки, не переставая массировать посиневшее горло. Злобно косясь на новоиспеченного врага, пару раз пытался что-то сказать, но окружившие его друзья слышали лишь хриплое дыхание.

Черрленн, вопреки ожиданиям, не стала оправдывать жителя своей деревни, но рассказала, что, возвращаясь, ее отец видел быстро пробирающуюся сквозь лес большую группу людей. Проследив за ними какое-то время, он разглядел около десятка молодых пленников – на них были такие же узкие полоски ткани, в которых Черрленн увидела появившихся два дня назад в ее доме гостей.

Лавину обрушившихся на нее вопросов резко пресекла, сказав:

– С рассветом поговорим.

Ее отец вернулся с большими кожаными ведрами, в которых бурлила вода. От нее шел густой пар, скрывая по локоть руки Вопгнара. За ним шли четверо молодых парней, их серьезные, неподвижные лица показались Тайгиву масками – трое в руках несли ведра поменьше,

подмышками зажимали угловатые глиняные сосуды. Четвертый тащил на плече треугольный ящик, странно подсвечивающийся снизу.

Тэнтар сделала крохотный шаг ближе к одному из ведер, осторожно протянула руку к булькающей парующей воде. Пальцы исчезли в белых клубках, но испуганно отдернув руку Тэнтар не почувствовала ожога – вновь запустив пятерню в клубящийся пар, она не ощутила ни капли тепла. Воздух, что вырывался из лопающихся пузырей бурлящей воды, был холоден, как ночной ветер.

– Магия? – поражено прошептала Тэнтар.

Ферьна скосила на нее глаза, поморщилась.

– Уж явно не кипяtilьник на дно брошен...

Из-за спины Вопгнара появился Руксэж, взмахом руки сбил крышку с треугольного ящика. Тот оказался доверху заполнен раскаленными углями – помощники ухватились за края ящика, принялись рассыпать содержимое на песке, рисуя непонятный знак. Воду из кожаных ведер аккуратно переливали в глиняные подобия бутылок, которые сразу ставили на угли – на три сосуда не хватило, и парень, что принес ящик, молнией помчался в дом Руксэжа с пустыми ведрами. За его отсутствие ящик полностью освободился от углей, по возвращению вода была разлита в оставшиеся сосуды, и они заняли свои места рядом с остальными.

Движением руки Руксэж приказал всем выйти из освещенного факелами круга.

Его молодые помощники опустили на колени вокруг высыпанного багровыми углями знака, похожего на букву китайского алфавита. Начали что-то тихо бормотать, постепенно повышая голос. Голоса звучали все громче, в них появился некий ритм...

В лесу громко хрустнула ветка. Тайгив вздрогнул и, закрываясь рукой от света факелов, оглянулся на едва различимые в темноте кроны деревьев. Медленно привыкающие к ночной тьме глаза выхватили фигуры Смихна и Теллисы, сидящих в тени соседнего дома, но не увидели, ни одного местного жителя. Тайгив, продолжая закрываться от света, посмотрел в другую сторону – Заавх, за его спиной – Ферьна и Джеффа с Тэнтар.

Что-то коснулось его кожи. Тайгив в ужасе отпрыгнул, когда увидел тянущиеся к нему тугие струи белого непроницаемого дыма. Он вылезал из узких горлышек глиняных бутылок, скрыл в себе помощников Руксэжа, оставив видимыми лишь их головы. Лица парней были сведены невыносимой судорогой, по лбу катились крупные капли пота, на шее вздулись толстые вены – Тайгив мгновенно нашел глазами Руксэжа. Дым избегал местного колдуна, окружив его белой стеной: руки, длинные и сильные, бугрились невообразимыми мускулами, когда Руксэж ударял одним камнем о другой. Но тишину ночи нарушали лишь замедляющееся дыхание стоящих у границы белого тумана чужаков...

– Чтоб мне сдохнуть, – холодея от ужаса, прошептал Тайгив.

– Ждать осталось недолго, – донесся слабый голос Смихна.

Крепкая рука легла на плечо, сильно сжала, разворачивая тело влево. Тайгив увидел перед собой Заавха. Услышал его глухой голос:

– Где дочь Вопгнара?

– Вряд ли у ограды, – произнес Тайгив, удивляясь тонкости собственного голоса.

Ужас стремительно овладевал телом, сжимал ледяным обручем голову. Тайгив еще не видел келгширов, но одной подготовки к их приходу хватило, что колени начали подкашиваться, а желудок карабкаться к горлу. Недавний ужин упорно просился наружу, но, поддавшись желанию, от тошноты не избавиться – она рождена диким, первобытным ужасом перед скорой смертью.

– Зря ты согласился, – Тайгив взглянул на Заавха.

– Будет хуже, если сейчас откажемся, – ответил тот, но поперхнулся. Глаза потухли.

Тайгив развернулся, чувствуя, насколько немощно и неповоротливо его тело. Скованное жуткими страхами, оно не спасет Тайгиву жизнь, даже если представится возможность – быть

может, Заавх ошибается? Жизнь или честь – Тайгив, как ни старался остаться в собственных глазах человеком, отчаянно не хотел сегодня умирать.

– Теперь!! – оглушительно громкий голос Руксэжа взорвал воздух.

Тайгив с трудом устоял на ногах, сердце бешеными ударами ломало ребра.

Белый туман исчез, с земли медленно поднимались помощники колдуна – их измученные лица, по которым градом катился пот, не отрывались от затухающих углей. Из глиняных сосудов продолжал струиться дым, но сейчас он был грязно-серым и, едва покинув узкое горлышко, мгновенно уносился порывом ветра.

– Вы защищены ритуалом, обойти который смерть не сможет, – Руксэж приблизился, тяжело дыша, – Четверо суток, по одной жизни на каждые, всем вам даруется бессмертие. Проживите их с удовольствием...

– Чьи жизни ты забрал, чтобы спасти наши?! – резко перебила Ферья.

Руксэж неторопливо обернулся. Его помощники не отходили от остывающих углей, смотрели, как зачарованные, в последние, быстро гаснущие огоньки.

– Они согласились с радостью. Богини любят самоотверженных героев...

Мимо прошла Теллиса, глаза, не отрывающиеся от четверых сгорбленных усталостью мужчин, стремительно наполнялись слезами.

– Сколько... им осталось?..

– Затухнут вместе с углями.

– Нас надо было спросить, прежде чем... – Джеффа запнулась, с мольбой взглянула на Руксэжа снизу вверх.

– Черрленн будет с вами до рассвета, – подтверждая его слова, из-за дальнего дома появилась дочь Вопгнара, направилась к окружившим колдуна потрясенным лицам. – Самоотверженцев похороним утром...

– Если знаешь заклятье, чтобы спасти жизни, должен знать и другое, способное их забирать! – Тайгив преградил путь собравшемуся уходить колдуну.

– Жалеешь об обретенном бессмертии? – Голос Руксэжа по-прежнему был спокоен. – Или о том, что лишь четыре дня будешь неуязвим?

– Дай договорить! – Тайгив чувствовал, как вспыхнувшая злость уверенно теснит страх. – Сотвори заклятье, которое лишит жизни каждого келгшира, осмелившегося приблизиться к ограде!

Руксэж коротко усмехнулся.

– Заклятье не различает, кто попадает в его плен – келгшир, птица или человек. Окружив деревню подобной защитой, во что я ее превращу?

«В тюрьму», – мысленно ответил Тайгив, а вслух буркнул:

– Спасибо – за бессмертие. Пусть и временное...

Он смотрел в спину удаляющегося колдуна, слыша разговоры за своей спиной, но, не вникая в звучащие слова. Тайгив остро завидовал выдержке Руксэжа, спокойствию человека, живущего со смертью по соседству. Семья или что-то другое, не позволяющее ему уйти в иные, безопасные – если такие здесь существуют – земли не озлобили Руксэжа, не превратили в свирепого пьяницу, день и ночь проклинаящего жизнь, что ему досталась.

Тайгив услышал голос Черрленн:

– Идем в дом. Переждем ночь.

Обернувшись, Тайгив увидел Джеффу и Ферью, которые без промедлений направились к Черрленн. Теллиса не двинулась с места, ее глаза не отрывались от лица Заавха – тот нервно кусал губы.

От стены отлепился Смихн, подошел ближе к Тайгиву.

– Ты идешь?

Заавх мгновенно вонзил в Тайгива пристальный взгляд.

Рядом неожиданно оказалась Черрленн, произнесла:

– Вам не умертвить келгшира, потому что не ведаете, на что способен великан.

– Значит, будем оружие подавать, – ответил Тайгив, не глядя на девушку.

– В этом нет необходимости, – покачала головой Черрленн, – Ушедшие с риском знают, как прогнать, а при упорстве и убить келгшира. Они совершали это не единожды, вы лишь помехой станете...

– Я не буду прятаться в доме, – твердо сказал Заавх.

– Это лучшее из возможного, – вновь покачала головой Черрленн, – Келгшир мгновенно твой страх учует, и тогда...

– Не успеет! – рывкнул Заавх, стоящая в двух шагах Теллиса всхлипнула, готовая разрыдаться. Ее брат, не оглядываясь, широким шагом направился в разлившуюся за домами тьму, а когда Черрленн схватила его за руку в последней попытке остановить, зло вырвался, едва не уронив девушку.

Смихн безнадежно махнул рукой:

– Стоит ли проверять заклятье Руксэжа?

Тайгив сделал шаг. Услышал голос Черрленн:

– Что ты хочешь найти у оград?

– Доказательства, что я не сплю, – ответил Тайгив, чувствуя себя абсолютно беспомощным.

– Днем ты уберег близких тебе от гибели, – осуждающе произнесла девушка.

– Я не пойду в дом, – скрипнул зубами Тайгив, сделав следующий шаг, – и не собираюсь здесь подыхать.

* * * * *

– Почему не задержала Тайгива?! – в ярости заорала Теллиса на вздрогнувшую от ее крика Ферьну. – Заавх бы не пошел один...

От резкого движения головой по сторонам полетели капельки слез, одна из которых попала на Ферьну, заставив моргнуть. Теллиса, едва дав ей открыть рот, выпалила в гнев:

– Хлопай дальше глазами, дура! Их там может, на куски разорвут, а ты...

Черрленн, опомнившись, быстро закрыла дверь. Запоздало вспомнив, что последним шел Смихн, которому она могла сейчас прищемить пальцы или разбить нос дверью, ринулась к рыдающей девушке. Заключила в крепкие объятия, прижала голову к груди, топя и плач, и злые слова.

За спиной раздался мрачный голос Смихна:

– Келгширы когда-нибудь врывались в деревню?

Черрленн обернулась к нему, в глазах – вопрос.

– Я имею в виду, удавалось ли им пройти за ограду, к домам?

– Нет, – ответила Черрленн, глядя Теллису по волосам. Разрыдавшаяся девушка вздрагивала от мощных всхлипов, била головой в прижатый ко лбу подбородок.

Смихн открыл рот, но вовремя сдержал готовые сорваться с языка слова – вопросы о келгширах лишь усилят всеобщее напряжение, дадут очередной стимул к сумасшедшей панике, что рано или поздно все равно сожжет всем мозги.

– Чем Руксэж поможет тем, кто сейчас у ограды? – Смихн подошел к окну. За толстым хрусталем чернела ночь, которую не мог пронзить даже свет множества факелов, расставленных вокруг домов. – Сделает их сильнее, быстрее или...

– Его слова помогут каждому поверить в победу, – ответила Черрленн.

Смихн почувствовал, как сердце перестало биться. Перед глазами стремительно чернело, он вдруг понял, что сейчас выйдет за дверь и врежет ногой огромному псу, что лежит у дома. Потом умрет – никаких ожиданий, мучительных секунд, что будут тянуться вечность до встречи с лесными монстрами. Слова Черрленн – словно приговор для всех...

– Как ты можешь жить... здесь?! – резко развернулся Смихн. – Почему не уедешь?!

Черрленн вскинула брови.

– Куда? В чужой деревне или городе мне негде будет даже переночевать...

– Но что тебя ждет здесь?! – яростно перебил Смихн. – Неужели ты никогда не мечтала о другой, жизни без чудовищ по соседству?!!

– На все воля Святых Богинь, – холодно ответила Черрленн, отводя взгляд. Но Смихн успел уловить в нем печаль и что-то еще.

Время словно застыло. Джеффа сидела спиной к стене, обхватив колени руками – перед глазами мелькали жуткие картины, на которых жители деревни сражались с лесными великанами и умирали один за другим. Руки не тряслись, лоб не потел – но сердце, то ускорялось до головокружения, то замедлялось до темноты в глазах, острой болью сводя грудь.

К окну, носящему лишь название тех, какие привыкла видеть, никто не подходил. От предложенной Черрленн еды Джеффа отказалась, голова была тяжелой, будто набита камнями, мысли двигались, как сонные мухи, с трудом пробираясь сквозь завалы страха. Несколько раз Джеффа едва не потеряла сознание, неожиданно представив себя раздавленной гигантской ногой лесного великана. Еще больше ужаса внушал сам вид келгшира, коих она нарисовала перед внутренним взором уже не один десяток...

Черрленн села за стол, начала есть. Приготовленное девушкой плохое подобие супа, тем не менее, пахло волнующе. Дочь Вопгнара черпала огромной ложкой, медленно пережевывала ее содержимое и вновь наполняла ложку с таким спокойствием, что наблюдающую за ней Теллису это приводило в бешенство. Так и подмывало подбежать, взмахом руки швырнуть со стола тарелку и заорать прямо в лицо Черрленн, чтобы шла и билась с келгширами, раз не боится. Не дала уйти днем, да еще и Тайгива как-то переманила на свою сторону.

Слезы мгновенно навернулись на глаза, грудь свело тупой болью. Увидит ли Заавха еще раз? Ответ пришел тут же, взорвав девушку изнутри. У нее больше нет брата!! И самой не дожить до утра!!!

Сквозь нескончаемые потоки слез видела тянущиеся к ней руки, в сумасшедшей ненависти отталкивала их, отбивалась от попыток обнять ее, поднять с пола. Кричала жутко, не в силах выразить, насколько ей страшно за свою так быстро заканчивающуюся ее жизнь...

* * * * *

Вопгнар положил справа от себя длинное копьё, рядом – топор, а между ними лег большой нож. Западная часть ограды была любимым местом нападения келгширов, потому полностью восстановить ее не хватало времени. Заостренные толстые колья, вбитые в землю и густо политые смолой, которая будет мгновенно подожена при появлении чудовищ, смогут сдерживать первую атаку великанов. Остальное зависит от людей.

За соседним углом нежилого в этом конце деревни дома притаился Рбед, накануне получивший у Руксэжа разрешение участвовать в обороне от лесных чудовищ. Рбед был молод и силен, шириной плеч не уступал Вопгнару, но, ни разу не встречал келгшира. Именно поэтому сегодняшняя ночь может стать для него последней – по той же причине Вопгнар согласился провести ее с ним.

Ветра не было. Плохой знак: затишье всегда бывает перед бурей. Вопгнар в который раз проверил остроту наконечника копья, положил под левую руку топор, а нож, подумав, засунул за пояс. Если келгшир будет один, хватит копья, на которое он и будет поднят, чтобы затем рухнуть на горящие колья. Топор расколется череп великана, каким бы крепким он ни был – количество ударов будет зависеть от скорости и ловкости, с которой Вопгнару придется уклоняться от гигантских лап чудовища.

Если явится все стадо, не поможет и нож.

Громко засопел Рбед. Вопгнар бросил на него злобный взгляд, но тот засопел громче, начал хрипеть. Голова его дернулась, а изо рта вырвался простуженный кашель. Он больше

походил на клетот или карканье, чем на обычный кашель, но чем бы, ни был этот недуг, он захватил Рбеда целиком. Молодого убийцу келгширов затрясло, он не мог откашляться, словно что-то мешало, торчало в горле и не давало выйти так не во время проснувшейся болезни. После нескольких особенно страшных хрипов Вопгнар смутно увидел, как изо рта Рбеда что-то вылетело, а сам он рухнул лицом в землю.

Рядом с оградой вздрогнуло дерево. Вскочивший на ноги и уже собиравшийся подбежать к Рбеде Вопгнар замер на месте. Всмотревшись в черную полосу леса, в которой замерли очертания деревьев, он разглядел то, чего больше всего опасался увидеть, и сорвался с места.

У Рбеда Вопгнар оказался через мгновение. За спиной шумно упало на землю дерево, посыпались листья и сломанные ветви – Вопгнар, взваливая потерявшего сознание Рбеда на плечи, кожей почувствовал обжигающее дыхание. Руксэж изгонит его за то, что оставил свой пост в момент нападения, но бросить здесь раненого Вопгнар не мог. В жестоком бою Рбеда просто растопчут.

Когда вздрогнула от чудовишной поступи земля, Вопгнар понял: не донесет. Плечом, вышибив дверь находившейся вблизи постройки, бросил туда Рбеда, мгновенно захлопнул дверь и молниеносно развернулся. Рука напряглась, готовая пронзить твердое, как камень, тело келгшира, но последнего просто не оказалось у постройки. Давно сдерживаемое дыхание вырвалось со свистом и хрипом, а сразу после него Вопгнар услышал треск ломаемых оград и вопли ужаса с другого конца деревни.

Проклиная все на свете, с копьём наперевес Вопгнар бросился на шум, отчаянно молясь, чтобы не было слишком поздно.

* * * * *

– Такие, как мы, раньше приходили? – в сотый раз спрашивал Смихн, и в сотый раз удивлялся ответу.

Черрленн упорно твердила одно и то же:

– Безгранична милость Богинь, позволившая вам невредимыми преодолеть землю келгширов!

– Не всем удалось, – донесся тихий голос Джеффы.

– Всех спасти не сможет никто, – взглянула на нее Черрленн, – сочувствую...

Смихн схватился за голову, совершенно не понимая девушки. Не понимал ее манеры говорить, слов, смысла в них и Черрленн саму. Он уже не знал, как выразить мысли, чтобы дочь Вопгнара поняла, что он от нее хочет.

Смихн сжал зубы от бессилия. Отвернулся от девушки, вонзил взгляд в дверь. Мысль о том, чтобы плюнуть на всех и одному уйти прямо сейчас – крепчала. Добраться до реки, чтобы оказаться дома...

– Я с тобой! – горячий шепот выдернул его из дум, заставил опустить глаза на вцепившуюся в плечо Ферьну. Девушка смотрела пристально, взглядом преданного щенка.

Смихн, ощутив между лопаток острый, как нож, взгляд Черрленн, буркнул:

– Не стоит...

В следующий миг рядом оказалась Черрленн.

– Остановись!

– Ты меня здесь не удержишь.

– Повторяю – остановись!

– А я тебе повторяю...

Жуткий рев оборвал его речь. Руки Ферьны с силой ударили в грудь Смихна, в лицо – Черрленн быстро схватила девушку, обняла и увлекла с собой, а леденеющий кожей Смихн, продолжая ощущать дикие удары, понял, что это его тело бьется в страшной панике.

– Мы все сдохнем!!! – завизжала Тэнтар, в ужасе прячась под столом.

– Молчи!! – коротко шикнула на нее Черрленн, удерживая вырывающуюся из рук Ферьну. – Иначе призовем великана...

– Все кончено!!! – не переставала кричать Тэнтар. Вцепившись в ножки стола так, что побелели костяшки пальцев, девушка бешено водила по сторонам красными от лопнувших сосудов глазами.

– Перекрой ей горло! – приказала Черрленн Смихну.

Смихн переводил взгляд с нее на Тэнтар, видел слезы на щеках Теллисы, побелевшие лица Джеффы и Ферьны. И чувствовал, как животный ужас наполняет его голову, ледяным обручем с невероятной силой сжимает виски, еще миг и...

– Я не останусь здесь!! – заорал так сильно, что на какой-то миг забыл о страхе. Второй раз ответом ему был жуткий рев, но сейчас он раздался настолько близко, словно чудовище было за стеной.

Толкнул в грудь Черрленн, мимолетно ощутив приятную тугую мягкость, в несколько гигантских прыжков достиг двери. Распахнув ее, Смихн перелетел через крыльцо и, лишь когда ноги врезались в землю, поднял глаза вверх...

Словно с размаху врезавшись в невидимую стену, Смихн отлетел назад, грохнулся на песок и, чувствуя, как застыло от ужаса сердце, пополз обратно к дому. В нескольких шагах от него чудовищное существо отгрызало голову Руксэжу – лекарю, что вылечил ногу Тэнтар и которого Смихн узнал по амулетам на шее. Миг – и амулеты веером разлетелись по сторонам...

Келгшир смахивал на вставшего на задние лапы медведя исполинских размеров, но, в отличие от последнего, не был покрыт шерстью – сморщенная кожа и странные наросты на боках, из которых длинными каплями тянулась к земле блестящая в свете факелов жидкость, выглядели отвратительно. Вытянутая угловатая голова чудовища с огромной пастью, в которой едва помещались два ряда загнутых клыков размером с человеческую руку, резко развернулась в сторону Смихна.

Он не мог не смотреть на жуткого великана, не чувствовал собственного тела. Огромные горящие глаза гипнотизировали...

Локоть ударился в первую ступеньку крыльца, угодив нервом в угол. Рука содрогнулась – лишь тогда Смихн понял, что ему все еще немыслимо везет. Вскочил, начал подниматься выше на крыльцо, споткнулся о вторую ступеньку, не в состоянии отвести взгляда от истекающей кровью Руксэжа пасти келгшира...

Перед глазами замелькали фигуры – людей или монстров, парализованный ужасом мозг перестал что-либо понимать. Смихна со страшной силой рвануло вверх, на миг, вернув телу чувствительность, спустя который последовал жуткий удар в спину. Уши трещали от невыносимого грохота, царящего вокруг – Смихн скорчился от острейшей боли. Словно режущая на куски, она вышвырнула из головы все мысли, после чего ни келгширы, ни кто-то другой во вселенной больше не значили ничего. Смихн извивался всем телом в отчаянной попытке принять положение, которое бы хоть на миг ослабило муку...

* * * * *

В дом, вдребезги разбив окно, влетел Смихн и со страшным хрипом скорчился на полу. Разрезанное осколками хрусталя лицо было перекошено жуткой судорогой, но Черрленн, лишь глянув на него, бросила взгляд на улицу и увидела отца.

– В погреб всех!!! – могучий крик Вопгнара подбросил Джеффу со стула и оборвал истеричный вопль Тэнтар.

Джеффа кинулась к окну, желая видеть огромного человека, но ее опередила Ферьна, вырвавшаяся из объятий Черрленн и перемахнувшая через подоконник.

– Внутрь!!! – вскинул руку Вопгнар, но в следующий миг схватил девушку за плечо, швырнул за спину. Жесткое приземление впервые за этот вечер вызвало у Ферьны злость, кото-

рая, впрочем, тут же улетучилась, едва девушка увидела приближающегося к Вопгнуру чудовищного великана!

Мир для Ферьны сузился до двух огромных, пылающих кровожадностью глаз келгшира. Не было больше ничего – лишь подобные черным бездонным колодцам зрачки лесного монстра, что одним взглядом начинали заживо поедать душу девушки...

Вопгнар рискнул обернуться, и, увидев убегающую за дом Ферьну, выругался. Оценив расстояние до чудовища, которое почему-то не спешило нападать на одного человека, он рискнул еще раз, крикнув дочери:

– Вяжи или бей – но чтобы все были в погребе!!!

Больше отвлекаться было непроситительно, келгшир в опасной близости от копья, может хватить. Именно копьем наносится решающий удар, лишь потом в ход идут топоры.

Вопгнар отпрыгнул на несколько шагов назад в тот момент, когда чудовище с ревом протянуло лапу к сверкающему в свете факелов наконечнику. Не достигнув цели, великан жутко взревел, торопливо шагнул за ускользнувшей жертвой. Вопгнар терпеливо дарил келгширу секунду за секундой, готовясь к решающему удару. Слишком близко в этот раз великан оказался от той, кого Вопгнар ценил больше собственной жизни. Слишком велика опасность, чтобы в обычной манере атаковать чудовище по несколько раз с разных сторон, выматывая его, и дожидаться, пока не начнет спотыкаться от кровопотери.

Острие копья нацелилось на лицо келгшира. Но чудовище, словно не замечая плавающего перед носом наконечника, продолжало попытки схватить пятящегося человека. Выждав еще мгновение, Вопгнар отвел руку для удара, намереваясь пронзить око великана.

– Это Руксэж там валяется?! – истеричный крик высунувшейся в окно Джеффы привлек внимание келгшира, заставив обернуться. – Разве не он должен был нам помогать?!!

Вопгнар поспешно вскинул невольно опустившуюся руку, торопясь воспользоваться удачным моментом для атаки. Что-то тяжелое на огромной скорости пронеслось у головы, едва ощутимо коснувшись уха. Весь следующий миг Вопгнар с яростью смотрел, как чудовищный топор в щепки разнес древко его копья и с хрустом вонзился в шею келгшира.

Великан взвыл, но вой мгновенно сменился бульканьем – клинок перебил артерию. Келгшир шагнул назад, схватился за рукоять застрявшего в нем и причиняющего невыносимую боль предмета, и сам лишил себя шанса выжить, с ненавистью выдернув топор. Тугая толстая струя из разрубленной артерии взметнулась над головой великана, который еще не знал, что через несколько мгновений его мерзкая жизнь закончится...

Вопгнар не видел, как келгшир из последних сил пытался удержаться на ногах, секундой раньше обернулся с сильнейшим желанием увидеть меткого обладателя пролетевшего над его головой топора. К нему приближались четверо – первым шел высокий мускулистый гигант с остатками рыжих волос на грязном черепе, а за ним трое молодых парней с выпученными от изумления глазами. Они сжимали копья так, словно хотели за ними спрятаться, а не метать их в великанов.

– Просил?! – яростно зарычал Вопгнар. Ухмыляющийся во весь рот гигант, в котором Вопгнар узнал соседа, живущего через два дома от него, вдруг изменился в лице, резко остановился. Улыбка исчезла, в неярком свете факелов Вопгнар увидел его побелевшие губы:

– А там что за тварь?..

Молниеносно обернувшись, Вопгнар увидел лишь сверкнувшие на крыше его дома глаза, а затем – метнувшуюся в сторону черную тень. Настолько черную, что была различима даже в ночной тьме...

Ледяной лапой ужас коснулся сердца Вопгнара.

– Кого чужеземцы привели к нам? – услышал сбоку голос соседа, резко повернув к нему голову, ощутил попавшие на губы соленые капли. Машинально коснувшись рассеченного уха, вернул взгляд на крышу.

– Что узрел, Кизэрт? – спросил Вопгнар, отбрасывая в сторону обломок копья и выдергивая из-за пояса топор.

– Не верь мне, – дрогнувшим голосом ответил гигант, – у самого веры нет...

Вопгнар разрывался на части от сильного желания мчаться на другой конец деревни, откуда доносились дикие предсмертные крики и жуткий рев келгширов, и остаться в доме с дочерью, дабы уберечь и ее, и гостей от неведомой ранее твари, замеченной Кизэртом.

Тот быстро уходил вместе с сыновьями. Проводив их взглядом, Вопгнар влетел в собственный дом через окно. Черрленн помогала Тэнтар спуститься в погреб, Вопгнар шагнул к дочери:

– Последняя? – спросил, кивнув на исчезающую под полом голову Теллисы.

Черрленн кивнула в ответ, произнеся:

– Двое рвались сражаться! Я отпустила...

– Первого я встретил у порога, забросил обратно, – сказал Вопгнар, коротко оглянувшись на оконный проем. – Второй, полагаю, раньше ушел?

– Не того забросил, отец! – выпалила Черрленн. – Одна девушка убежала, страхом влачимая...

– Видел, чтоб её! – выругался Вопгнар, сплюнув под ноги. Затем положил руку плечо дочери, произнес, глядя в глаза: – Черрленн! Вооружись и зри в оба ока – великаны явились не одни!

Поцеловав вспотевший от его слов лоб дочери, Вопгнар покинул дом так же, как и вошел – через окно. Черрленн, мгновение стояла неподвижно, затем метнулась к столу, схватила огромный нож. Сжимая рукоять все крепче и, всматриваясь в холодное лезвие, девушка вселяла в сердце уверенность в победе, а душой отчаянно молилась, чтобы, кроме отца, никто другой не вошел в их дом.

Опомнившись, кинулась к погребу и с грохотом захлопнула крышку.

Глава 8

Там, где лес соприкасался с деревней наиболее тесно, ограда была наиболее укрепленной и надежной. Келгширы редко появлялись здесь, словно чувствуя непроходимую мощь заточенных кольев за стеной утыканных металлическими шипами стволов. В этом узком проходе между сваленным исполинским деревом и густым кустарником, в котором регулярно углубляли вырытые для лесных великанов ямы, келгширов было удобно колоть длинными копьями, засыпать стрелами.

Следили за этой частью ограды трое, молодые, храбрые, жаждущие крови монстра. Чем дольше длилась ночь, тем реже они всматривались в залитый тьмой лес, расселись на земле, болтали в полголоса, не замечая, как шум по ту сторону ограды усиливался.

Когда из-за домов с дикими криками стали выбегать вооруженные люди, а впереди всех мчался Вопгнар с перекошенным от ярости лицом, сторожевых, которых осталось лишь двое, пятились, на глазах седея от ужаса. Тело третьего... его больше не было, куски мяса и расплющенные кости валялись повсюду.

Чудовищный келгшир люто вырывал из земли заточенные колья, швырял в приближающихся людей. За его спиной ревел от нетерпения еще один великан – Вопгнар едва успел увернуться от пронесшегося в каких-то миллиметрах от головы заточенного бревна, но, не останавливаясь, побежал к стремительно рушащейся ограде вдвое быстрее. На бегу подхватил с земли брошенное копьё, ощутив, насколько оно легче и короче его собственного, но выбирать оружие времени не было. Келгшир схватил одного из сторожевых, кинувшегося с факелом поджигать оставшиеся просмоленные колья – тот умер от страха раньше, чем его тело с отвратительным хрустом смяла гигантская лапа. Брызнула черная в ночи кровь. Келгшир вскинул уродливую голову и, подняв над ней труп, стал жадно захлебываться человеческой кровью, в которой мгновение назад текла жизнь.

Расстояние между великанами и человеком сократилось до минимума. Вопгнар ударил – со всей силы, всем телом, усилив удар большим разгоном. Келгшир наслаждается убийством, самое время насладиться тем же...

Тупой конец копья, прижатый к груди, едва не проткнул Вопгнара насквозь, но после краткого жесткого сопротивления древко резко пошло вперед. Настолько далеко, что Вопгнар с ходу врезался в скользкое, истекающее отвратительной слизью тело великана – на плечи упала чудовищная лапа. Острейшая боль... словно на него высыпали раскаленные угли, человек едва устоял после жуткого удара келгшира – ноги подкосились, дрожали. Из-за пояса вылетел нож, стал со скоростью молнии вонзаться в огромное тело. Длинное лезвие скользило по голой коже, тратя силу удара на рассечение вместо того, чтобы яростно и глубоко впиваться в податливую плоть, но Вопгнар отчаянно рубил и колол, точно зная, что из-под прижавшей его лапы ему уже не выбраться.

Внезапно огромное чудовище пошатнулось. Вопгнар несколько раз терял сознание, приходя в себя от очередной вспышки боли, тяжесть раздавливала его, стремительно лишая последних сил. Удары, наносимые келгширу, растеряли скорость, но по рукам хлестала горячая кровь, заставляя раз за разом вонзать клинок все глубже и глубже...

Что-то изменилось, но Вопгнар заметил это слишком поздно. Они с келгширом словно поднялись в воздух, на какой-то миг зависли, затем со всей мощью и силой земного притяжения рухнули обратно. От удара о землю с хрустом сломались кости, вместо дыхания изо рта вылетели сгустки крови, вместо царившего до этого в ушах рева вдруг обрушилась звенящая тишина...

Перед глазами маячили напряжено-изумленные лица, на них распахивались рты, шевелились губы, но не роняли ни звука. Двое или трое подняли его на ноги, заставив уже рас-

прощавшегося с жизнью Вопгнара со всей вселенской болью ощутить раны на своем изуродованном теле. Стиснув зубы, он повернул голову в сторону ограды – но ее не оказалось там, куда смотрели его глаза. Вопгнар повернулся в другую сторону, выискивая келгширов, а когда нашел, в бессилии повис на руках поддерживающих его людей. В тот момент, когда он схватился с лесным чудовищем, брешь в ограде была небольшой, ее с остервенением рвали двое или трое великанов. Рвали, но были за ней!

Сейчас же немногим больше дюжины мужчин в ужасе пятились от нехотя отбивающихся от колющих копий троих келгширов. На земле валялись, изувеченные и раздавленные, пять человеческих тел – один из великанов лишился глаза, левая лапа висела, как плеть, из многочисленных ран хлестала, словно из дырявого мешка, темная кровь. Но он все еще стоял, проклятый, и жаждал людской плоти!

Вопгнар набрал в расплюснутую грудь столько воздуха, сколько смог, и, едва не умерев от пронзившей боли, заорал:

– По ногам руби!!!

Тишину, до этого сковывающую Вопгнара, разорвал его собственный рев, оглушающий, громоподобный. Держащие его люди вздрогнули, чуть не уронили на землю.

Один из атакующих келгширов защитников деревни отбросил копьё, схватился за топор. Кинулся под ноги чудовища, увернулся от громадной лапы, и сразу же ударил сам – коротко, люто. Великан, попытавшийся сделать шаг, рухнул впереди собственного болезненного рева. Люди едва успели отбежать, иначе громадная туша раздавила бы. Келгшир грохнулся лицом в землю, завозился, пытаясь подняться, но сваливший его человек не позволил. Он запрыгнул на спину чудовища, широкими резкими ударами стал рубить шею великана. Кровь брызгала во все стороны, человек бешено орал, не переставая рубить...

Огромный келгшир, заметив падение сородича, страшно взревел, шагнул к махающему топором человеку. Тот ничего вокруг себя не замечал, считая удары: еще два-три, и огромная голова лишится исполинского тела. Воздух прорезало пущенное могучей рукой копьё, с едва слышным свистом покрыло расстояние до келгшира, впилося в плоть. Великан жутко взвыл, обеими лапами вцепился в ненавистное древко, острие которого по жестокой задумке метателя глубоко вошло в низ живота.

Уродливая голова с отвратительным звуком оторвалась от жил и сосудов, перерубленных острым лезвием. Победитель вздрогнул, услышав ужасающий рев за своей спиной, и свалился с громадного тела. Перед ним распахнулась жуткая пасть чудовищного келгшира!

* * * * *

Крик и грохот вперемешку с жутким ревом кровожадных великанов разрывал деревню. Повсюду горели жаркие схватки с келгширами, яростные и жестокие, беспощадные для людей, ибо жителей деревни гибло несовместимо больше, чем великанов. Женщины наравне с мужчинами вступили в бой за свои дома и детей – вооружившись горящими факелами, они забрасывали ими ненавистных чудовищ. Два келгшира забегали живыми кострами, распространяя отвратительный запах горелой плоти, но метко пущенные копыя быстро поставили великанов на колени. В ход пошли топоры, под ударами которых на землю посыпались гигантские отрубленные конечности.

Заавх впервые, Тайгив – во второй раз за последние, насыщенные сумасшедшими событиями дни встретил существо, не принадлежащее к человеческому роду. Келгшир, что ломал крышу ближайшего к развороченной ограде дома, показался запредельно огромным – ужас накрыл с головой, подкосил ноги, захваченные по дороге сюда копыя, что больше походило на неотесанные бревна, выпали из мгновенно вспотевших ладоней...

Внезапно Тайгив ощутил, что способен подчинить безумный страх, сковавший тело. Медленно и тяжело возвращая чувствительность ногам и рукам, он лихорадочно пытался понять, что случилось с ним. Причин не падать в обморок перед жутким великаном не видел

ни одной, но спустя несколько ударов возвращающегося к привычному ритму сердца Тайгив словно прозрел.

Келгшир пугал его, но ужас, вселяемый его видом, не шел, ни в какое сравнение с тем кошмаром, что захлестнул голову Тайги́ва в тот момент, когда статуя в лесном храме начала оживать. Тварь, выбравшаяся из камня, едва не сожгла душу, лишь на миг, взглянув на Тайги́ва пылающими огнями преисподнии глазами...

Из атакованного великаном дома сквозь пролом в крыше кололи копьями, а с улицы летели стрелы. Лучников было двое, молодые парни, ровесники Тайгиву. Они стреляли, скрываясь за углом дома, чтобы келгшир не мог их заметить – но вдруг один из парней выскочил на освещенную факелами и догорающим трупом великана тропинку между домами, прицелился. На землю летели обломки крыши и крупные капли крови, молодой лучник трижды опускал лук, чтобы отбежать в сторону на пару шагов, но вновь вскинуть его успел лишь два раза. Огромный келгшир, разъяренный уколами копий, вцепился в угол изуродованной крыши и с оглушительным ревом рванул. Балки, гулко ударяясь друг о друга, посыпались во все стороны – одна из них с хрустом грохнулась на голову лучника. Тайгив невольно отвернулся, когда брызнули кровь и мозги из расколотого черепа...

За оградой внезапно появился еще один великан. Тайгив чуть не умер от ужаса – этот выше, огромное сородича, вскрывшего дом, как консервную банку, и был настолько страшен, что люди попятились. Келгшир, преодолев стену, от которой осталось лишь название, лютыми глазами смотрел на жителей деревни. Он был окружен сверкающими в свете факелов наконечниками длинных копий, но люди не нападали, ожидая, когда монстр атакует первым. Кто-то отвлекает, кто-то, скрываясь во тьме, нанесет удары – один за другим в отчаянной надежде дотянуться до горла, заставив чудовище захлебнуться собственной кровью.

Но великан словно чувствовал, что от него ждут, и не двигался с места...

Тайгив сумел совладать со своим страхом. Тело трястись не перестало, но уже подчинялось воле хозяина. В какой-то момент, потеряв Заавха из поля зрения, он обнаружил себя в толпе выкрикивающих проклятья и ругательства людей с бешеными глазами – мимо Тайги́ва пронеслась женщина с перекошенным от ярости лицом, больше похожим на жуткую маску. Ему сунули в руки копьё, длинное, тяжелое, толкнули в спину. Келгшир развернулся, что-то рыкнул повернувшись к нему второму великану, открыв на какое-то мгновение незащищенный живот...

Сейчас, или никогда!

Тайгив с криком ударил копьём со всей силы, уже не видя, как на его вопль молниеносно обернулся келгшир, торжествующе ухватился за древко, протянул чудовищную лапу, схватил человека...

За полсекунды до рокового мига Тайгив успел удивиться самому себе. Это надо же, заорал, собственноручно разрушив всю эффективность собственной атаки. Едва лапа великана коснулась его, он тут же рванулся в сторону, однако, не выпустив копьё, что успело прорвать кожу чудовища и вонзиться в плоть. Вместе с обрушившейся на него болью ощутил, как выгнулось дугой копьё, как древко выскальзывает из потных ладоней. Стиснул сильнее, но толстое древко вырвалось с жуткой силой, тупой конец копьё ударил вниз живота. Тайгив задохнулся от дикой боли, взлетая в воздух...

Заавх бросился на келгшира сразу же за Тайгивом. Краткий припадок прошел, лишив разом всех мыслей – страха, раздумий, инстинкта самосохранения. Как для быка красная тряпка, так и с ревом кинувшийся на гигантского монстра Тайгив подействовал на Заавха соответствующим образом. Его копьё пронеслось поверх головы друга, ударило великана в оскалившийся рот. Заавх выдернул копьё быстрее, чем келгшир успел ухватить наконечник зубами, ткнул снова, но уже целя в глаз чудовища. Что-то с огромной силой врезалось в Заавха – он невольно отпустил копьё, вскрикнул, а распахнутый рот мгновенно наполнился землей...

* * * * *

Ферьна заблудилась между домами, изгородями и исходящими лаем псами на цепях. Ей всюду мерещились факелы с их жутким прыгающим светом – на крыльцах, стенах домов, на столбах и просто воткнутые в землю посреди улицы. Мечтая забраться в какое-нибудь темное, неприметное место, чтобы отсидеться там, пока все не закончится, девушка прыгала в каждый куст, проросший сквозь изгородь и уже занявший собой полстены дома. Нырляла в каждую пристройку, каждый сарай – пыталась скрыться за высокими поленницами, в громадных кучах соломы.

Но едва раздавался леденящий кровь вой, Ферьна в жутком ужасе вскакивала из своего убежища и стремглав бежала. Не видя, куда – бежала, не чуя ног, как можно дальше от ненавистных чудовищ...

В двух шагах от Ферьны с оглушительным грохотом рухнул дом – гигантскую фигуру внезапно появившегося келгшира и девушку разделяли всего несколько шагов. Ужас накрыл с головой, парализовав тело. Ноги онемели, в огромных глазах великана Ферьна увидела отражение своего побелевшего лица...

Между ними вдруг оказался кто-то третий. За спиной приближающегося келгшира вдруг сгустилась тьма, приобрела очертания, воплощение ее в жутком образе чудовищного зверя бросилось наперерез лесному великану. Между Ферьной и келгширом словно пронесся порыв ледяного ветра, охладив девушке вспотевший лоб. Огромный черный зверь прыгнул келгширу на грудь: гигантская лапа с жуткими наростами устремилась к неожиданному противнику, но схватила воздух – зверь, оставив глубокие кровавые полосы на теле келгшира, слишком быстро для неповоротливого великана оказался на его шее. Что-то смутно шевельнулось в памяти Ферьны, но сведенный ужасом разум не придал этому значения.

Взревев от боли, келгшир вскинул обе лапы. Ферьна в ужасе представила, что будет с ее неожиданным спасителем, который через мгновение окажется, словно между молотом и наковальней, и крик родился сам собой:

– Прыгай!!!

Но огромный зверь вдруг вцепился в распахнутые челюсти чудовища. Ужасный рев вмиг оборвался, Ферьна в немом изумлении смотрела, как вздулись огромные мышцы на заросшем черной шерстью теле, сделав его обладателя вдвое больше, и вдруг узнала в жутком оскале ночного зверя знакомые черты человеческого лица. Пораженная Ферьна начала проваливаться в глубокую яму обморока и последнее, что запечатлел ее угасающий разум, был полный боли вой келгшира и отлетающая в сторону его оторванная нижняя челюсть...

* * * * *

Черрленн подпрыгнула, когда в дверь оглушительно ударили, заставив тяжелый деревянный щит сойти с петель и с грохотом накрыть пол. На пороге возник рослый, полностью обнаженный молодой незнакомый мужчина, держащий на руках бесчувственную девушку. Грудь, плечи и руки незнакомца были в крови, изо рта, что жадно хватал воздух, вылетели резкие слова:

– Побудь с ней!

Черрленн, пережив мимолетный страх, застыла от новой волны ужаса: она увидела глаза незнакомца! В глубине черных, как ночь за окном, зрачков, нехотя догорал огонь. Не теплое, греющее душу пламя, а злые кроваво-красные языки всежигающего огня. Еще несколько мгновений назад этот огонь бушевал не только в глазах странного незнакомца, но и в его сердце, превращая человека в лютого зверя.

– Кто ты? – голос девушки вдруг дрогнул.

Ответом был оглушающий, разрывающий уши треск дерева, грохот падающих столбов. Вместо круглых подпорок крыши появились мерцающие звезды, а среди них – оскаленная пасть келгшира!

Медленно, как в страшном сне, Черрленн смотрела, как к ней тянулась чудовищная лапа, огромные пальцы с жуткими когтями сжимались...

Что-то сильно ударило в живот, девушку рвануло в сторону. Черрленн грохнулась на пол, на нее грохнулось чье-то тело, волосы накрыли глаза. Но даже сквозь них девушка успела увидеть, как огромная лапа келгшира, не дотянувшись до жертвы, схватила стену, сломала бревна, заставив гигантские обломки начать стремительное падение...

Черрленн рванулась в сторону, дернув за собой бесчувственную Ферью. Спину и голову осыпало щепками, уши рвались от рева келгшира, но Черрленн знала лишь одно – еще несколько шагов до двери, за которой улица, свобода...

Когда нога ступила на дверь, а до проема оставалось только протянуть руку, вдруг услышала голос отца. Замерев на месте, Черрленн стремительно обернулась и увидела Вопгнара. Тот вместе с Кизэртом отчаянно кололи келгшира длинными копьями, стараясь попасть в наросты на боках. Чудовище мощнейшим рывком разорвало стену дома, проделав огромную брешь, налитыми кровью глазами впилось в Черрленн. От жуткого взгляда ноги девушки подкосились, но в этот момент келгшир взревел от боли и резко развернулся к двум людям позади него. Черрленн страшно закричала, когда огромная лапа смела обоих мужчин, как листья, но ее крик утонул в ужасном реве великана, что в ярости уставился на свою конечность, пронзенную двумя копьями.

Бросив взгляд на заваленный обломками крыши спуск в погреб и очень надеясь, что все внизу живы, Черрленн выскочила на улицу. Бросив Ферью рядом с крыльцом, с горьким сожалением глянула на расплющенный труп верного пса. До нападения келгшира она слышала его шаги, слышала бешеный лай пса и его тщетные попытки сорваться с цепи. Когда же снаружи стало тихо, Черрленн, сдерживая слезы, кинулась к двери, чтобы закрыть ее на второй засов, но не успела...

Забежав за угол полуразрушенного дома, Черрленн застыла от ужаса и замешательства. Келгшир с жутким ревом шагнул во тьму между несколькими уцелевшими постройками, туда, куда отлетели после его удара Вопгнар и Кизэрт. Столб с четырьмя факелами был повален, огнем занялся располагавшийся рядом сарай, наполненный сеном. Пламя быстро охватило огромные кипы, жадно лизало стены и балки, но все же давало слишком мало света сквозь закрытые ворота. Отцу Черрленн придется драться с келгширом вслепую...

– Спрячься! – сильный толчок в бок сбил с ног. Зло, вскинув голову, Черрленн узнала Тайги́ва, осторожно заглядывающего за угол.

– Там мой отец! – вскрикнула девушка, вскакивая и чувствуя липкую грязь на теле. Почти прогоревший факел в руке парня светил из последних сил, но и егохватило, чтобы, быстро оглядевшись, Черрленн отползла подальше от кровавой лужи.

– Там келгшир! – хрипло бросил Тайгив.

– Против моего отца! – яростно вскричала Черрленн.

Дикий крик буквально выкинул обоих за угол. Над крышами сараев вырос огромный великан, с ревом тянул в рот человека. Тайгив стиснул зубы от боли, когда Черрленн со стоном вцепилась его плечо.

Человек между громадных пальцев чудовища оборвал свой крик, в прыгающем свете занявшейся пламенем крыши сарая блеснуло лезвие, которым человек принялся отчаянно колоть лапу великана. Келгшир, рыкнув, сжал кулак.

Черрленн рухнула на колени, едва не свалив за собой Тайги́ва, что с ужасом смотрел, как брызнула во все стороны черная в свете огня кровь. Чудовище поднесло кулак к носу и мощно вдохнуло, распахивая ужасную пасть.

За мгновение до этого Тайгив отчаянно решался на какое-нибудь действие, но в голову абсолютно ничего не шло. Уткнувшись в землю Черрленн содрогалась от оглушающих рыданий – именно за нее и его, Тайги́ва, примется келгшир после ужасной трапезы.

Тайгив выбежал из-за дома, так, чтобы его смог увидеть великан. Келгшир чавкал и смачно хрустел человеческими костями, но, увидев новую жертву, развернулся всем телом и отрыгнул пережеванный сапог.

Тайгива медленно, но неотвратимо накрывал ужас. Первая в его жизни атака лесного великана провалилась из-за собственной глупости, страх ошибиться во второй раз парализовал ноги. Сейчас некому будет вытащить из-под стремительно опускающейся ступни келгшира, спаситель Тайгива на восточной окраине деревни там и остался лежать, разорванный на части...

Рев, длившийся несколько гигантских шагов – и чудовище перед Тайгивом. Паническую мысль прыгнуть в сторону Тайгив едва успел отбросить, рванулся прямо на келгшира. Ему казалось, он движется слишком медленно, невыносимо медленно и, с трудом пробираясь в загустевшем воздухе, отчаянно жаждал, чтобы великан не заметил Черрленн.

Пробежав между гигантских, подобных бревнам в стенах здешних домов ног чудовища, Тайгив содрогнулся от мощнейшего приступа ужаса, когда услышал за спиной оглушительный хлопок сцепившихся ладоней келгшира. Не в силах остановиться, пробежал еще несколько шагов, лишь тогда обернулся.

И во всю силу легких, живота и горла завопил. Тонко и пронзительно, ибо обычный крик утонул бы в треске охваченного пламенем сарая рядом. Визжал, пока не кончился воздух, но и потом не смел, вдохнуть, страстно ожидая, когда к нему обернется его огромный противник.

Медленно разворачивающегося и частями скрытого в заполнившем деревню дыме пожара келгшира Тайгив видел сквозь слезы и туман в глазах. Запоздало вдохнул, еще и еще, чувствуя, как закружилась голова. Пятясь и не отрывая от великана слезящихся глаз, Тайгив слишком поздно ощутил паленый запах собственных волос и невыносимый жар. Так быстро оглянувшись, что увидел лишь красно-желтые сполохи, Тайгив сделал два маленьких шага вперед.

Отчаяние накрыло с головой. За спиной – полыхающий сарай, впереди – голодный келгшир. И ничтожный шанс еще раз проскочить между ног великана...

– Прочь!!!

На второй или третий раз Тайгив понял, что крик ему не слышится, и, со страхом оторвав глаза от приближающегося келгшира, посмотрел в бок. К нему полз изувеченный человек!

Одна нога была превращена в кровавые лохмотья кожи, мяса и сломанных костей. Колено второй с отвратительным хрустом втыкалось в землю, помогая рвущим землю рукам перемещать тело. Голова судорожно вскинулась, Тайгив ужаснулся порванному лицу. С чудовищной мукой перевел взгляд с единственного глаза человека на его окровавленный рот с переломанными зубами, который выхаркнул лютые слова:

– Прочь!!! Пошел прочь!!!

Тайгив рухнул на землю, узнав в искалеченном человеке Вопгнара.

Ощувив вибрацию земли, Тайгив с остановившимся сердцем повернул голову. Келгшир был в нескольких десятках шагов от него, стоял, покачиваясь, полуобернувшись к дому, и что-то рассматривая на крыше. Глянув на единственный уцелевший после атаки великана карниз, Тайгив, ничего не увидел – лишь прыгающие во все стороны тени.

– Исчезни! – жуткий хрип у самого уха едва не убил Тайгива волной дикого животного ужаса. Резко обернулся, столкнулся с липким лицом Вопгнара, что продолжал судорожно хрипеть:

– Пришедшие с тобой – в погреб... Из нашей деревни дорога ведет к городу в стороне восходящего солнца...

– А ты? – невольно выпалил Тайгив.

– Подведу итог, – кровотокающие губы разошлись, обнажая острые обломки зубов.

Тайгив с режущей сердце болью понял, что Вопгнар улыбается.

– Иди!! – рука толкнула в грудь с такой силой, что Тайгив растянулся на земле.

– А тебя оставить этой твари?! – в ярости закричал Тайгив, ненавидя Вопгнара.

– Заберу с собой, – рот человека вновь оскалился жуткой улыбкой, руки вонзились в землю.

Вопгнар пополз – не только от Тайгива, но и от келгшира. Хрипя и плюясь кровью, полз ближе к горящему сараю, что вот-вот рухнет. Единственное, что держало полыхающую постройку – одна из четырех толстых балок, на которых висели ворота. Три другие, как и сами ворота, утонули в огне, что пожирал и последнюю, четвертую, на которой повис весь сарай – она еще держалась, не позволяя строению раскатиться по округе раскаленными обломками.

Проклиная все и ненавидя всех, Тайгив уходил. Он понял, что задумал Вопгнар, и если бы остался – разделил бы его участь, так или иначе. На глазах наворачивались поганые слезы, нижняя губа задергалась – он был готов разреветься, как девчонка. За эту долгую ночь, которая явно не собирается заканчиваться, он видел людей, что теряли свои жизни, как деревья листья весной, спасая его жизнь. Всех Тайгив видел в первый и последний раз: по имени знал лишь Вопгнара, но лица всех, кого встретил, войдя в деревню три дня назад, запомнил навсегда.

Глава 9

Она вновь услышала голос отца.

Распахнув глаза, Черрленн увидела, что она совершенно одна. Ее окружал дым, откуда-то доносился глухой рев и треск пожара. Туда, где она лежала, лишь отбрасывались редкие блики пламени, что должно было быть...

Черрленн выскочила из-за дома. Огромный келгшир перед горящим сараем, убегающий за угол Тайгив и родной отец, пытающийся вырвать из земли конец балки, что все еще держала полыхающее строение...

Отчаянный взгляд девушки облетел все вокруг нее, но не нашел ничего, чем можно было бы ударить великана, отвлечь. Отбросив все мысли, Черрленн бросилась вперед.

Когда до келгшира осталось меньше дюжины шагов, Черрленн вдруг поняла, почему он все еще не заметил ее. Великан что-то высматривал на крыше соседнего дома. Черрленн же вдруг осознала, насколько опрометчиво поступила. Ни отцу не помогла, ни себе...

Боковым зрением заметила какое-то движение. Келгшир резко развернулся к очередной жертве, сделал шаг, в следующий миг на его плечи обрушилось... нечто. Пламя горящего сарая, хаотичное и прыгающее из-за усиливающегося ветра не позволяло рассмотреть существо, размером почти в половину келгшира. Великан ревел от боли, хватал налетчика огромными лапами, пытался стащить со своей головы.

Черрленн с изумлением наблюдала за схваткой чудовищ – видела брызгающую кровь, взлетающие в воздух куски плоти. Существо на плечах великана вдруг прыгнуло вверх. Возможно, впервые оказавшийся в роли жертвы келгшир, ощутив свободу, бешено замотал головой по сторонам, выискивая противника.

Черрленн передернуло от оглушительного хруста ломающихся костей, когда рухнувшее с неба существо смяло великана. Оба исчезли в налетевших клубах дыма...

Опомнившись, Черрленн сорвалась с места. Молясь лишь о том, чтобы в царящем кругом тумане дыма не столкнуться с чудовищами, девушка, держась стены дома, спешила к отцу. Пусть балка еще продержится, еще чуть-чуть...

Вырвавшись на бездымное пространство, Черрленн, в ужасе замерев на миг, кинулась под медленно оседающий свод сарая. От невыносимого жара затрещали волосы, вспыхнула жуткой болью кожа, дыхание перекрыл раскаленный воздух. Но руки протянулись, вцепились мертвой хваткой в пояс Вопгнара. Его собственные руки сжали балку, не желали отпускать – пламя пожирало их, перекинулось на могучие плечи...

...Пусть делает с ним, что хочет, но умереть ему он не даст!

Тайгив, резко развернувшись, помчался обратно. Угол, сразу за ним – дым, между клубами которого вдруг рассмотрел Черрленн. Девушка нырнула под накренившуюся и рассыпающую вокруг себя угли крышу сарая – к отцу.

Тайгив в панике кинулся к ней, но не сделал и нескольких шагов. Оглушительно скрипнув, балка согнулась, отпустив давящую на нее массу. С грохотом сарай обрушился, разбросав во все стороны горящие бревна, и скрыл все, что было под ним.

Тайгив рухнул на колени, не веря глазам. Это его вина, он не имел права оставлять Черрленн одну, догадывался, что может случиться. Но и представить не мог, что все обернется именно так...

Сбоку раздался рев – мощный, резкий, заставивший задрожать барабанные перепонки. Клубы дыма расступились, пропуская к обернувшемуся Тайгиву огромного келгшира. Великан был страшен, но сейчас ужасал жуткими увечьями. Правая лапа вырвана из плеча, вместо нее болтались клочья окровавленной шкуры, шеи практически не было, сквозь болтающиеся жилы

и вены Тайгив с содроганием видел кости позвоночника. Грудь и плечи келгшира в глубоких, густо истекающих кровью бороздах, тело великана было сильно перекошено на левую сторону.

Тайгив вскочил, попятился, когда великан, шатаясь, сделал шаг. Ветер швырнул в глаза пепел, по ушам резанул рев. Зажмурившись, Тайгив отчаянно тер глаза кулаками. Наплевав на боль и красные пятна перед взором, распахнул сначала одно око, затем второе.

Увидел грохнувшегося на живот келгшира, успел запомнить на всю жизнь его по-человечески перепуганные на смерть глаза. Жуткий рев повторился, Тайгив смотрел на закрытую пасть великана лишь мгновение, после которого келгшир исчез в гуще дыма.

Тайгив остался один.

Там, где секунду назад был изуродованный келгшир, вверх тонким вихрем взмыла струя дыма, рядом с треском развалилось на раскаленные угли очередное бревно. Тайгив сильнее тер глаза, вновь распахнул, но борозды на земле, оставленные келгширом в тщетной попытке удержаться, не исчезли.

Впереди, в густых клубах дыма, мелькнул силуэт.

Липкий ужас объял Тайгива. Через миг он бежал так быстро, как ни бежал никогда, чувствуя за спиной саму смерть.

* * * * *

Тайгив влетел в оконный проем, едва приземлившись, поскользнулся и растянулся на полу. Внезапное расслабление овладело им – впервые за ночь отпустил из тела напряжение. Это длилось меньше мгновения, но было непередаваемым наслаждением...

– Тайгив?! Живой!

Вскинув голову на крик, Тайгив увидел Заавха. В двух шагах от него, прижимаясь к стене, трясась Ферья, смотрела на Тайгива пустым взглядом.

– Почему... ты здесь? – недоуменно воскликнув, начал со стоном подниматься Тайгив. Совершенно сметенный появлением Заавха, с которым неожиданно расстались на другом конце деревни, он силился объяснить себе присутствие Ферьи. Гора обломков, переломанных потолочных балок, у которой стоял Заавх, скорее всего, завалила вход в погреб, что возбуждало вопрос о том, где бродила Ферья, если не сидела со всеми под полом.

– Я убил келгшира! – гордо закричал Заавх. – Вот этими руками!!!

– Не ори! – зло бросил Тайгив, подходя ближе. – Куда ты пропал?

– Это важно? – отмахнулся Заавх, хватая Тайгива и сжимая в объятиях. – Трое мужиков проткнули келгшира с двух сторон, тварь рухнула на колени, а я вонзил копьё ей прямо в глотку. Ты бы слышал, как хрипела эта сволочь! Я искал тебя, но чуть не напоролся на еще одного келгшира – вернулся сюда, к дому Вопгнара. Ты его не видел? Смотрю – Ферья у крыльца. Она сказала, где все, и я...

Тайгив оттолкнул Заавха, чувствуя, как сильно начинает ненавидеть этого парня. Он не увидел Черрленн, но и Тайгив не заметил Ферьи, хотя последняя, по словам Заавха, тоже была у крыльца. Возможно ли такое?

– Вопгнар мертв, – чуть не закричал Тайгив, отвернувшись от Заавха, – и его дочь тоже. Мы можем уходить.

– Ты видел, как они умерли? – спросил Заавх. – И не попробовал помочь...

Резко обернувшись, Тайгив вонзил в Заавха бешеный взгляд красных от лопнувших сосудов глаз. Мгновение сверлил, люто желая убить, но Заавх предпочел отвести взгляд, чтобы затем услышать яростный рык:

– Никто бы не смог!!!

Начиная испытывать панику под немигающим, как у змеи, взглядом Тайгива, Заавх вернулся к прерванному делу. Оттащил бревно, которое не сумел поднять, взялся за широкую поперечную балку, когда на нее ступила нога Тайгива. Тайгив схватил расщепленное бревно, дернул. Под кожу влетели острые длинные занозы, забираясь все глубже и готовясь нестерпимо

болеть и гноить плоть. Если он и заметил их, то даже не поморщился – вцепился в другой обломок.

Двоем они стали быстрее расшвыривать по сторонам сломанные бревна, ощерившиеся острыми щепками обломки. Друг с другом не разговаривали, Заавх слушал яростное сопение Тайгиа.

Когда показалась ручка-кольцо, Заавх увидел первым. Дернулся ухватиться, но Тайгив опередил: вцепившись обеими руками, рванул вверх. Крышка погребка приподнялась почти на ладонь от пола, в щель тут же проскочили чьи-то юркие пальцы. Тайгив, изо всех сил поднимающий крышку вверх, вдруг ощутил непреодолимое сопротивление и, глянув на несколько огромных бревен, все еще лежащих на крышке, расслабил мышцы. Дикий рев из-под пола едва не подкинул Тайгиа в воздух, загнав сердце в бешеный галоп.

– Поднимай!! – заорал Заавх, хватаясь за руки Тайгиа.

Двоем выжали тяжелую крышку вверх, затем, прохрипев как можно громче «бросаем!», отпустили ручку-кольцо.

– Ты только что сломал кому-то пальцы! – в ярости налетел Заавх на Тайгиа.

Тот ответил хмурым взглядом.

Потратив еще время на разборку завала, все же открыли крышку полностью. Из темноты погребка пахнуло прохладой. За единственную видимую ступень узкой лестницы ухватилась рука, затем появилась голова Смихна.

– Кому попало по пальцам?! – сразу спросил Заавх, вытаскивая парня.

– А как думаешь?! – Смихн принялся тыкать кулаком в лицо Заавха. Схватив руку за запястье, тот, нахмутив брови, с глубоким вздохом рассмотрел четыре синюшных, быстро распухающих пальца.

– Куда руки-то совал? – отпустив руку Смихна, Заавх взял под мышки младшую сестру и поднял с подпольной лестницы, поставил рядом с собой. Теллиса заключила брата в крепкие объятия, на глаза навернулись слезы, Заавх же бросил Смихну: – Видел ведь, что не полностью открыли...

– Забирайся и сам там сиди! – огрызнулся Смихн, разозленный тем, что его сделали виновником его же травмы.

– Можешь пошевелить пальцами? – спросил, подходя ближе, Тайгив.

– Могу, – Смихн убрал руку за спину, лишь коротко глянув на парня.

– Значит, не сломаны, – кивнул Тайгив Заавху.

Смихн недоуменно посмотрел сначала на одного, затем на другого – разъяренно заорал:

– Это что, игра?! Кто с первого раза ломает мне пальцы?!!

– Извини, – обернулся к нему Тайгив.

– Спасибо! – раздраженно крикнул Смихн. – Пальцы сразу перестали болеть!!

– Успокойся, Смихн, – коснулась его Тэнтар.

– Еще раз сломай себе ногу, – Смихн глядел ненавистно, – и попробуй успокоиться!

Перед ним полукругом встали шесть человек, молча, смотрели.

– Что уставились?! – в ярости крикнул в их лица Смихн, тут же ощутив, как гнев стремительно затухает. Его вытесняет растущий страх – они все еще в проклятой деревне посреди черного леса, полного великанов-людоедов.

– Теперь мы можем пойти к реке? – тихо спросила Ферьна. Девушка пристально смотрела в глаза Заавха, закусив нижнюю губу в ожидании ответа.

– Сейчас? – отвел взгляд Заавх.

– Не самая лучшая идея, – произнесла Тэнтар, подходя к окну и осторожно выглядывая на улицу. Клубы серо-черного дыма, запах гари и треск догорающих строений – плечи девушки зябко передернулись.

– Что, спать ляжем?! – язвительно вскрикнула Джеффа.

– Великаны ушли? – шепотом спросила Теллиса брата. – Или их всех убили?
Заавх сам не знал ответа на этот вопрос.

– В лесу заблудимся, – сказал он, – или...

Какое-то время все молчали.

– Тут-то что будем делать?! – вскрикнул Смихн.

На шум за спиной обернулся, как ужаленный, первым. Рот раскрылся от изумления, Смихн быстро заморгал, отказываясь верить в то, что видел – за плечами услышал пораженный вдох, сбоку прошел Тайгив...

...Он сходил с ума от хаотично сменяющейся и абсолютно неестественной череды событий, налетающей на него последнее время. Он смотрел и клял зрение за ложь, которая ни за что не могла оказаться правдой. Он видел обе смерти...

Сквозь гигантскую брешь в стене, проделанную келгширом, в дом входил Гхолал. Обнаженный, он нес на руках дымящееся тело. Из-за его спины появилась Черрленн, с перепачканным сажей лицом. Окинув застывших в немом изумлении людей серьезным взглядом, тихо произнесла:

– Рада, что вы живы.

Оттолкнув Тайгива, к Гхолалу с криком бросилась Ферьна. Тот едва успел положить дымящееся тело, как рассмотрел Смихн, Вопгнара, когда девушка прыгнула на него. Обвив друг друга руками, они замерли на миг, после которого Ферьна разрыдалась.

– Меня убеждали, что ты умер, – приблизился Заавх, оглянувшись на все еще шокированного Тайгива.

Ферьна нехотя рассталась с Гхолалом, отошла на пару шагов, вытирая слезы. Заавх вытянул руку, сжал протянутую ладонь Гхолала, затем рванул его к себе, стискивая в крепких объятиях.

– Нашел-таки нас. Не спрашиваю, как – вижу, тебе досталось...

Гхолал коротко кивнул. Затем:

– Почему ушли без меня?

– Ты бы видел себя! – горячо воскликнула Ферьна. – Весь в крови, кости торчат! Я такого ужаса и в фильмах не видела! Но ты все-таки живой, догнал нас – через лес, один!

Ферьна вдруг умолкла, внимательно рассматривая тело Гхолала.

– Как ты нашел эту деревню? – протянул руку Смихн.

– Привет! – Теллиса протянула руки к груди Гхолала, но растерянно замерла. – Почему... ты голый?

Гхолал мрачно усмехнулся.

– Как? – к Черрленн подлетел, не касаясь, пола, Тайгив. – Как???

– О чем спрашиваешь? – взглянула на него девушка.

Тайгив посмотрел ей в глаза и совершенно точно понял, что сейчас Черрленн соврет. Готов был поклясться чем угодно, что от девушки услышит ложь.

– Как ты выбралась из огня? – начав говорить быстро, в конце Тайгив словно захлебнулся словами. Он неотрывно смотрел в глаза девушки, которую считал погибшей, своими глазами видел, как ее завалило горящими обломками сарая. Что-то спросил кто-то рядом, Тайгив не слушал, сконцентрировавшись лишь на Черрленн: ждал сигнала, предшествующего лжи.

– Прежде, чем сарай рухнул, – произнесла девушка, ни на миг, не отведя взгляда, – к несчастью, отца не смогла вытащить...

Тайгив схватился за голову, попятился. Что он слышит – после того, что видел...

* * * * *

Черрленн сидела над телом отца.

Рассвет уже разгорелся, лучи солнца грели все – все, кроме людских душ. В воздухе не витало чистого утреннего ощущения прохлады, лишь запах гари и боль окружали един-

ственных выживших после страшной ночи. Ночи, когда природа, жестокая и непредсказуемая, принесла в жертву своим детям людей.

Солнечные лучи коснулись измученного лица девушки, ее влажная кожа засверкала, словно посыпанная алмазами. Ее ладонь нежно гладила отца – по волосам, холодным, слипшимся от крови; по обожженной, забрызганной красными каплями щеке. Уцелевший глаз, побелевший и как будто ненастоящий, смотрел вверх – в небо, куда отправилась душа...

До восхода солнца Гхолал с Тайгивом ушли, соврав, что поищут выживших. На самом деле искали одежду Гхолалу, который бесцеремонно переворачивал скрюченные в предсмертной судороге трупы, глядел в изуродованные лица тех, у кого они сохранились. Если друзьям, кого знал не один год, и мог сказать правду, то даже попытаться объяснить это Черрленн у Тайгива язык не повернулся. Он знал, что услышит ругань и крик, будет проклят за неуважение к мертвым, что погибли за них, неблагодарных эгоистов, возможно, получит пощечину или удар в пах. Скорее всего, просто не хотел причинять еще одну боль девушке, потерявшей не только отца, но и всех, с кем жила.

Жуткие поиски подарили Гхолалу штаны с одного мертвеца, тяжелые сапоги на два размера больше – с другого. На голые плечи сначала накинул кровавую рубаху, распоротую на спине – потом передумал и надел некое подобие куртки из плотной ткани. На обратном пути еще трижды менял обувь, пока, разозлившись, не перемотал огромные сапоги веревкой, чтобы не сваливались.

По возвращению увидели Черрленн, вытаскивающую из дома тело отца. В двух шагах от нее – Заавх и Смихн, наблюдающие за ней и о чем-то негромко переговариваясь. Черрленн оттащила Вопгнара на более-менее чистое место, села рядом. Вскоре появились девушки, ведомые Ферьной – присоединились к Заавху со Смихном. Спрашивать, где они были, и почему никто не помог Черрленн, Тайгиву совершенно не хотелось.

– Уходите! – голос Черрленн был полон металла. – Идите за подобными вам, они нуждаются в помощи!

– Ты останешься одна? – мгновенно спросил Тайгив, с беспомощностью оглянувшись на Гхолала. – Здесь?!

Черрленн посмотрела в его глаза:

– Со мной ничего не случится, Тайгив! Уходи!!

Тайгив, как ни силился, не смог вспомнить, чтобы называл Черрленн свое имя. Произнес:

– Я видел, как тебя завалило горящими бревнами. Но ты сидишь передо мной без ожогов и переломов. Разве я сплю?!

– Я не такая, как вы, – чуть склонила голову Черрленн, затем взглянула на Гхолала – потому не тревожьтесь обо мне.

Тайгив мгновенно бросил взгляд на Гхолала и изумился – тот улыбался. Улыбался Черрленн хищной жестокой улыбкой, словно они знали или сделали вместе что-то ужасное.

– Как же ты похоронишь всех... убитых? – Тайгив развел руками, указывая на изуродованные тела. Не дав девушке ответить, выдавил: – И... что станешь делать, если келгширы вернуться?

– Отныне им не к чему возвращаться, – тяжело выдохнула Черрленн, – они людоеды, не падальщики.

Тайгив до крови закусил нижнюю губу – им овладевала неконтролируемая паника.

Услышал шепот Смихна:

– Не могу понять, почему Гхолал живой. Вы же клялись, что каменный монстр убил его...

– Когда мы уходили, Гхолал был так же мертв, как этот келгшир, – люто огрызнулась Ферьна, ударив ногой в лапу валяющегося рядом чудовища.

Подняв глаза, она увидела оборачивающегося к ней Гхолала и почувствовала, как подкопились ноги. Она отчетливо видела жутко изуродованное тело бывшего одноклассника, видела,

как ожила статуя в замке... и точно также явственно видела несколько часов назад, как все тот же Гхолал спас ее от огромного келгшира. Мысль прожгла мозг, как сильнейшая молния – она вдруг явственно вспомнила все подробности ночной схватки. Ее бывший одноклассник, погибший в лесном замке от ожившей статуи, спас ей жизнь, расправившись с келгширом в обличии... статуи! Легкие засадило, Ферьна больше не могла задерживать дыхание, шумно выдохнула, вонзила взгляд в Гхолала. И как наяву увидела мгновенно покрывающееся густой черной шерстью тело, увеличившееся втрое, звериный оскал и пылающие багровым огнем глаза...

– О чем вы спорите, а? – голос Теллисы донесся, словно издалека – глухой, чужой.

Ферьна, как зачарованная, смотрела, как сестра Заавха подошла к Гхолалу, коснулась его грязной руки, взглянула в лицо.

– Мы должны радоваться, что он жив. Я видела, что случилось с Дохойбом, а когда рассказали, что и Гхолал умер, подумала – все, я следующая. Какая разница, каким образом он ожил – место там необычное...

– Тогда почему Дохойб не ожил? – глядя в сторону, перебила Джеффа.

– Если б ты видела то, что видела я, ты бы даже вспоминать об этом сейчас не стала, – с дрожью в голосе ответила Теллиса, лишь скользнув по Джеффе коротким взглядом. – Я искренне рада тому, что Гхолал жив.

– Мы все рады, – сказал Заавх, – только меня настораживает...

– Как я нашел вас? – взглянул на него Гхолал.

– То, что с тобой будет дальше, – ответил Заавх.

– В смысле? – наморщила лоб Тэнтар.

– Все имеет свою цену, – произнесла Черрленн, – а новая жизнь стоит не дешево.

Тайгив открыл рот для вопроса, но услышал Заавха:

– Это я и хотел сказать.

– За деревней будет большое поле, после которого, за ручьем – поле поменьше, – произнесла Черрленн, обращая внимание на себя, – за ним откроется дорога в город. Надеюсь, подобные вам еще там!

– Разве ты не идешь? – удивилась Теллиса, ее недоуменный взгляд поддержали Джеффа, Тэнтар и Тайгив. Последний сплюнул выступившую из прокушенной губы кровь, резко отвернулся.

– Нет! – качнула головой Черрленн. – Наши пути идут в разные стороны!

– Что ты будешь... – хором спросили Тэнтар с Джеффой, но ответ Черрленн грубо заставил обеих замолчать:

– Я отправлюсь домой – меня слишком долго ждут...

Гхолал впервые внимательно взглянул на Черрленн, поразился красоте лица, изгибу соблазнительных губ и чарующим глазам. Мутные дорожки от слез на щеках и пятна сажи на лбу и висках, в глубине черных зрачков не гаснет огонек – надежды, упорства или мести, но он заставит Черрленн жить, несмотря на боль и потери. Неплохо бы им всем обзавестись таким огоньком...

– Вы все – необычные, я не встречала ранее таких людей! Наши земли жестоки и опасны, желаю найти иные, без чудовищ по соседству, – девушка взглянула на Смихна, печально улыбнулась. – Я буду молить Святых Богинь о новой встрече с вами, но она вряд ли представится. Удачи! И остерегайтесь Призрачных Лесов, там живет смерть!

Едва девушка закончила, ее атаковали вопросами. Гхолал не слушал, отошел на пару шагов, задумчиво коснулся нижней челюсти. Она ныла тупой болью, и Гхолал вызвал в мозгу воспоминания прошлой ночи. Ощущение абсолютной свободы и чудовищная сила внутри – единственной картиной, которую он смог вызвать перед внутренним взором, была выломанная

ограда в окружении деревьев-великанов и дикий, ледящий кровь вой. Но боль в челюсти была однозначна и знакома: такая возникает, когда со страшной силой стискиваешь зубы.

Глава 10

Скитальцы нового для них мира вышли на поле – второе поле, в отличие от первого, густо поросшее высокой травой. Рассказанный Черрленн маршрут был довольно точен, если не считать ручья, чье высохшее русло они переходили три или четыре раза. Умирая от засухи, ручей изгибался, как змея, тщетно пытаясь найти влагу.

Дойдя до середины поля, завизжала Джеффа, кого-то заметив под ногами, в голос ей вторила Тэнтар, кинулась искать неведомую зверушку. Тайгив, опасаясь, что любительница животных наткнется на змею, не дал ей рыться между пучками трав, которые у самой земли больше походили на болотные кочки.

Поле пересекли, когда солнце стало жарить по-настоящему сильно. Ветер стих, шли, словно в бане, обливаясь потом. Ферьна брезгливо морщилась, косясь на окружающие ее мокрые лица, закатанные до плеч руки.

– Сейчас бы пивка, – мечтательно произнес Заавх, оглянувшись на идущего, на пару шагов позади него Гхолала, прищурился: – холодного. Да?

– И не говори, – кивнул тот, отчего на землю полетели горячие капли.

Травяная тропка расширялась, вскоре превратилась в песочную дорогу. Удушливая пыль, что поднималась при каждом шаге, прилипала к потной коже. Дорога постепенно преобразалась, стала шире, уплотнилась, появились пересекающие друг друга узкие колеи.

– Все бы отдала, чтобы увидеть отпечатки автомобильных колес, – замучено прохрипела Джеффа, запнувшись об одну из углубленных в песок тонких полосок.

Тэнтар метнулась к растущим у обочины кустам, протянула руки к яркой птичке на ветке. Спустя миг пташка была схвачена, но нежно, аккуратно и любя, отчего даже чирикать не перестала.

Теллиса с завистью наблюдала за ними. Она не переставала удивляться Тэнтар, поражаться тому, что все произошедшее с ними несколько не изменило девушку. Они за какую-то неделю пережили такое, что не могло привидеться и в страшном сне: попали в древний мир, наяву узрели чудовищных лесных монстров, даже пытались сражаться с ними. На плечи многих давил тяжелый гнетущий отпечаток случившегося. Все стали намного серьезнее, молчаливее, даже грустнее, с Гхолалом вообще творилось что-то непонятное. Прошлой ночью, проведенной, как и предыдущая, практически без сна, кричал так жутко, что кровь стыла в жилах, утром ходил с таким трудом и мукой, будто гору на себе нес, о чем-то постоянно думал.

Но Тэнтар была абсолютным исключением из всего их небольшого отряда. Да, она сильно перепугалась, увидев первый раз в жизни настоящее чудовище, была парализована изумлением от новости о том, куда их всех занесло. Но эти чувства не прожили в ней и дня, моментально сменившись иными размышлениями. Да и ее страсть ко всякого рода птичкам настораживала – подобная фанатичная любовь явно пахнет психическим отклонением.

Теллиса покрутила головой, выходя из солнечного и душного оцепенения, а разгулявшаяся мысль все набирала обороты. Умственное расстройство Тэнтар может прогрессировать, как раковая опухоль, и принести, в конце концов, ужасные последствия. В лучшем случае она посчитает себя какой-нибудь собачкой или кошечкой, а в худшем уверит себя в том, что суждено ей быть змеей либо осой, чтобы в ночной тьме накидываться на спящих людей с ножом...

– Она похожа на колибри, но окраска чуть светлее, – рассек мысли Теллисы счастливый голос Тэнтар.

Спустя минуту птица была отпущена, ноги вновь принялись выбивать пыль из дороги, чтобы замереть чуть позже. Сразу за поворотом взглядам путников открылся город, тот самый, о котором рассказывала Черрленн и в котором сама девушка никогда не была. Глядя на могучие ворота, собранные из цельных стволов огромных деревьев, стена в разгромленной деревне

показалась смешным заборчиком, разве что от муравьев. Обе гигантские створки ворот равнялись верхушками с растущими рядом деревьями, одна из створок была открыта настежь, и все увидели, что стволы в ней сложены в два ряда.

– Как же их двигают, – пораженно прошептала Джеффа.

На небольшом расстоянии от ворот расположились люди: двое взрослых мужчин и пожилая женщина с тремя маленькими детьми. Они сидели на телеге, доверху груженной ящиками, дети порывались выскользнуть из их рук, чтобы поиграть в песке или поноситься, подобно Тэнтар, за кузнечиками и бабочками, но родители, если это были они, держали крепко. Приближающихся путников рассматривали с легким презрением.

– Подойди! – вдруг подал голос один из мужчин, его выпученные глаза вонзились в Заавха.

Тот остановился, а за ним и весь их небольшой отряд. Заавх прищурился – солнце било в правый глаз, и быстро оценил мужчин на телеге. Тот, что их остановил, был не высок, имел длинные волосатые руки и выпирающий живот. Лицо незнакомца в обрамление усов, бороды и растрепанных волос делало его похожим на отъевшегося бродягу. Второй незнакомец был выше ростом, длинные седые волосы закрывали плечи.

– Слушаю! – громко и четко сказал Заавх. Если незнакомцы схватятся за оружие, которое может прятаться в ящиках за их спинами, то за плечами Заавха те, кто тут же кинутся ему на помощь. Заавху нравилось ощущение власти, чувство подчинения себе других людей, осознание того, что за тебя пойдут, тебя слушают и стараются делать и поступать, как ты. Сравнивая лучших друзей с верными собаками, Заавх, впрочем, никогда им об этом не говорил. Не страх обиды, Заавх не хотел менять у них отношение к себе самому.

– В стремлении попасть под защиту города, обречены ночевать со мной, странники, – захохотал толстолицый незнакомец, вызвав невольное отвращение у Ферьны. Его смех походил на жрущего и чавкающего и одновременно дико визжащего борова. Предложи представить подобное месяц назад, Ферьна бы даже не пыталась создать в мозгу столь омерзительную картину, но сейчас морщилась и перевела взгляд на ворота. Но смотрела уже не на них, а на крыши высоких домов, что виднелись поверх огромных створок.

– Причина есть? – Тайгив старался говорить местным странным тоном. Толстолицый стрельнул на него глазами, а ответил сидящий рядом второй незнакомец:

– Колдун могучий и известный заклинатель Итссур наложил запрет для всех иноземцев. Гости важные у него, время и дела занимают.

– Я бы сам на него кое-что наложил с удовольствием, – зло произнес Заавх, никак не обрадованный новостью. Впрочем, словам незнакомца не поверил, решив, как всегда, все проверить самому. Спросил:

– И надолго этот запрет?

– Пока желание не иссякнет, – ухмыльнулся толстолицый.

Заавх сплюнул в сердцах, вонзил взгляд в полураскрытые ворота. В голове тут же возник вопрос, который спустя миг задал Тайгив:

– Ворота не охраняют?

– Сидели бы мы здесь? – покачал головой толстолицый, – Стражи в тени бдят, по ту сторону...

– Нужно поговорить с ними, – решительно заявил Заавх и направился к воротам. Тайгив, кивком поблагодарив незнакомцев за информацию, двинулся следом.

По мере приближения ворота становились еще больше, выше. Бревна, из которых они состояли, также увеличивались, Заавх с трепетом отметил, что ни одно из них не сумеет обхватить двумя руками. Задрав голову, прищурился, рассмотрел в щелях между бревнами маленькие птичьи гнезда.

Нога Заавха почти поравнялась со второй, закрытой частью огромных ворот, когда сбоку появился человек. Высокий крупный мужчина, в металлической одежде, название которой Заавх вспомнил лишь миг спустя, перегордил проход своей широкой фигурой.

– Далее не существуешь, – прогудел охранник густым басом. Заавх уже в который раз отметил, что манера говорить у здешних людей больше похожа на вызов подраться, чем на простое общение.

– Почему? – прямо спросил Заавх, вдохнув глубоко и не выпуская кислород из легких. Ощутил, как расширилась грудь, и вонзил в стражника спокойный взгляд. Пусть знает, нет ни капли страха перед ним.

– Пропустите нас, пожалуйста! – из-под бока Заавха выпрыгнула Джеффа. – Мы несколько дней ночевали в лесу, нас чуть не сожрали великаны... Вы даже не представляете, как мы страдали от холода и чертовых комаров!..

Девушка при воспоминании о кровососах яростно сжала кулаки, стиснула зубы, представляя, как лично и жестоко бы убила того, кто придумал этих маленьких мерзких тварей. Ее слезливая речь мгновенно закончилась, еще быстрее растеряла свой внушающий доверие смысл.

– Ради жалоб избрала неверное место, – пробасил стражник, скосив глаза на Заавха, произнес: – Разворачивайся!

– У нас срочное дело к Инсульту, – произнес Тайгив, становясь рядом с Заавхом и вместе с ним пронзая охранника взглядом. В следующий миг понял, что совершенно перепутал имя, названное седоволосым незнакомцем на телеге, но было уже поздно.

– Названное имя мне не знакомо, – ухмыльнулся стражник, показав крупные белые зубы, – Итссур же вряд ли знает о вашем существовании.

В голову Тайгива пришли воспоминания о просмотренных фильмах, в которых случались подобные ситуации. Вспомнил и решения таковых:

– Ты не представляешь, что сделает с тобой Итссур!

Лицо охранника на миг потеряло радость, но спустя миг его губы вновь растянулись в улыбке, больше похожей на оскал:

– Не пугать ли ты меня задумал, щенок?!

Тайгив, стараясь сохранить невозмутимое выражение лица и силой воли заставляя себя продолжать смотреть в глаза огромному стражу, произнес:

– Итссур ждет нас. Уверен, он не поблагодарит тебя на такую задержку.

– Считаешь, Итссур тебя не описал бы мне? – прищурился стражник.

– Он ждет нас позднее сегодняшнего дня, – почувствовав себя увереннее, продолжил Тайгив. Краем глаза заметил появившегося рядом с Заавхом Гхолала.

– Не убедил, – огромный стражник развернулся и начал уходить.

Заавх быстро глянул на Тайгива. Тот, почувствовав взгляд, скосил глаза, но едва понял, на что намекает брат Теллисы, отрицательно замотал головой.

– Стой! – крикнул стражнику Гхолал.

Тот лениво послушался, чуть повернул голову.

– Итссур занят гостями и вряд ли заметит, что людей в городе стало на семь человек больше, – Гхолал говорил со странной уверенностью. Тайгиву на миг показалось, что он дает стражнику последний шанс впустить их за ворота и остаться в живых. – К тому же, будь мы колдунами, обладающими хоть половиной силы, которой владеет Итссур, и задумавшие его убить, стали бы мы спрашивать твоего разрешения войти в город?

Гхолал поднял руку, указал на тянущийся к воротам толстый сук раскидистого дерева. Через мгновение договорил:

– Ты бы уже качался на нем, повешенный на собственных кишках.

– Смелая речь, чужак, – сказал стражник, – не выть под воротами!

Через несколько шагов он исчез за гигантской створкой.

– Тайгив пытался уговорить, Гхолал – запугать! Но у вас ничего не вышло, – раздался голос Смихна, – остался последний вариант. И я собираюсь им воспользоваться...

– Вряд ли охранник один, если ты решил его убить, – буркнул Заавх.

– Мимо, – отрезал Смихн, – я хочу его подкупить.

– Чем? – повернулся к нему Тайгив.

В следующий миг что-то произошло. Он вдруг смутно почувствовал, как напрягся воздух. Ощутив себя словно в невидимом коконе, Тайгив даже не успел испугаться – в краткое мгновение, которое длилось изменение, он лишился всех мыслей, проблем и вопросов, словно из него их разом вынули, оставив лишь тело, чем-то сжимаемое со страшной силой.

Но мгновение прошло, исчезло и странное оцепенение.

Ударивший грохот был внезапен и ужасен, сердце сжалось от чудовищного страха. Тайгив закричал, когда в уши словно вонзили острейшие иглы – ужасная боль, о существовании которой раньше и не подозревал, швырнула на землю. Сильнейший удар в грудь выбил из легких весь воздух, перед глазами почернело. Переживая момент режущей нервы боли, он попытался приподнять или сдвинуть обрушившееся на него огромное тело, когда с ужасом узнал в нем стражника. Тайгив почувствовал, как на лицо закапала кровь.

За секунду до рокового момента Заавх увидел хищный оскал Гхолала. Затем неведомая сила подняла в воздух обоих – краем глаза Заавх успел заметить, как Гхолал, кувыркаясь, исчез в кронах, растущих у обочины деревьев. В следующий миг вместе с изумлением, которое с головой накроет чуть позже, Заавх столкнулся со Смихном. Оба рухнули на землю, от удара о которую сознание на какое-то время отключилось...

Первым поднялся Смихн, окинул раскиданных по дороге друзей изумленным взглядом. Лежали, закрывая голову, уши руками; распластавшись по земле или скорчившись в неестественных позах. Представив, как мог сам валяться миг назад, Смихн поднял глаза и пораженно выдохнул.

Одна из створок городских ворот, что минуту назад была открыта, превратилась в гигантский расщепленный пучок обугленных и разорванных в клочья древесных стволов. Они густо дымили, в небо поднимался черный дым – не веря собственным глазам, Смихн не сразу осознал, что второй створки гигантских ворот не было совсем. Он проследил взглядом, появившуюся на дороге глубокую канаву рядом с Джеффой, что сидела с белым лицом, миновал девушку и увидел торчащие из кустов обгорелые бревна. Из кустов, которые минуту назад едва было видно из-за высоких деревьев. От тех в свою очередь остались лишь расщепленные пеньки, чьи тонкие длинные обломки все еще дрожали после жуткого удара.

– Спасибо Руксэжу еще раз, – громкий голос Заавха заставил Смихна вздрогнуть, – иначе у нас было бы две Джеффы.

Смихн переводил изумленный взгляд из стороны в сторону, не в силах представить, насколько им повезло. Повезло оказаться за воротами, принявшими на себя всю силу... неизвестно чего. Повезло оказаться достаточно легкими, чтобы просто отлететь и раскатиться по земле, а не превратиться в дымящиеся черные трупы. Повезло наткнуться на грубого стражника, что валяется сейчас со сгоревшей до пупа спиной – он не пустил их за ворота, тем самым сохранив им жизни.

* * * * *

За воротами царил крошечный ад.

Внутренний дворик был завален обуглившимися телами людей и обломками зданий. Обожженные, местами еще горящие жители с ужасными криками носились повсюду, умоляя помочь им. Столкнувшись и упав, двое горожан с пылающими лицами – мужчина и женщина – принялись неистово биться головой о каменную мостовую, в надежде сбить пламя. Мужчина,

быстро забрызгав камень вокруг себя кровавыми пятнами, затих. Отчаявшаяся женщина перекадилась на спину, с жуткими криками стала сдирать с лица горящую кожу.

– Что же здесь случилось? – в ужасе отвернулась Джеффа.

Каменная дорога, на которой они стояли, через несколько десятков шагов превращалась в узкую улицу, с нависшими над ней по обе стороны изуродованными домами. Одни строения яростно горели, засыпая мостовую искрами и углями; другие, уже сгоревшие, дымили черными остатками зданий.

Внутри этого кошмара суетились люди. Деревянными ведрами носили воду, выплескивали ее на горящие дома и убегали за новыми порциями, не замечая, что вылитая ими вода испарялась от невыносимого жара, не долетая до цели. Из горящих окон с криками вываливались отчаявшиеся жители, предпочитая получить увечья от падения на камни, чем заживо сгореть или задохнуться от едкого дыма.

Гхолал мрачно смотрел на этот узкий коридор между домами, который исчезал в густых клубах дыма, изредка озаряясь огненными сполохами.

– Поищем другую дорогу, – подошел Тайгив.

Пламя и дым в его мозгу теперь ассоциировались с болью – физической и душевной. Тайгив с усиливающейся тревогой понимал, что отныне любой огонь будет напоминать ему ту жуткую ночь в деревне Вопгнара...

– А если опоздаем? – спросил Гхолал.

Тайгив видел боковым зрением плотно сжатые губы друга. Гхолал, едва ему пересказали слова Вопгнара о встреченных им пленниках, ведомых сквозь лес, сильнее всех рвался в этот город. Если остальные стремились получить ответы на миллионы вопросов, то Гхолал отчаянно желал знать, лишь на один: его сестра тоже здесь, или ей вселенски повезло?

– А если попадем в тупик? – Тайгив, проведя предыдущую ночь в кошмарах о том, что их ждет в этом городе, лихорадочно придумывал пути обхода раскаленной улицы.

– Не одна же дорога в этом городе? – Заавх шагнул в сторону.

Мимо них пробежал молодой парень с пустым ведром, с ног до головы перепачканный сажей.

– Куда ведет эта дорога? – схватив его за руку, Заавх своей рукой указал на заваленную горящими обломками и трупами улицу.

Парень взглянул на Заавха, размахнулся и сильным ударом ведра по голове сбил не ожидающего ничего подобного Заавха с ног. Замахнувшись ударить второй раз, не успел: вскрикнула Теллиса, в грудь ногой пнул Смихн.

Парень грохнулся на землю, когда вскочил Заавх. Тайгив, предугадав следующие события, вцепился в Заавха.

– Попробуй мне еще раз врезать?! – люто заорал Заавх, вырываясь. – Тебя в твоём ведре и закопают!!

– Ублюдки! – зло прошипел незнакомец, поднимаясь.

Через несколько мгновений он исчез в дыму.

– Пусти! – зло рявкнул Заавх.

Тайгив расцепил руки:

– Стоит поторопиться с поисками, пока все в этом городе не сошли с ума!

Гхолал сделал шаг, другой, третий. Тайгив запоздало крикнул:

– Подожди!

Ответа не услышал. Еще несколько шагов – и Гхолал бегом ворвался в царство дыма и огня, растворившись в нем.

– Куда он все спешит! – воскликнула Теллиса. – Весь день сегодня чуть не бежали!

Заавх произнес, ощупывая растущую шишку на голове:

– Сам не могу дождаться, когда же увижу подобных нам неудачников, оказавшихся в такой...

– Почему он решил, что этой дорогой придет к тем... – запнулась Ферья, не зная, как выразиться: – кто, может быть, из нашего мира?

– А ты бы оставила их в этих сараях? – заметила Джеффа, осматриваясь кругом.

Она не увидела жилых домов – во внутреннем дворике лишь низкие угловатые строения, квадратные телеги и огромные бочки, что, так или иначе, пострадали от недавнего взрыва.

– Можно попробовать пройти вдоль этих домов, – громко произнес Смихн.

Его вытянутая рука указывала на обугленную половину дома, что ютился первым на раскаленной улице – его верхнюю часть срезало, как бритвой. Обломки рассыпались на значительное расстояние вокруг, оставив небольшую брешь в своих завалах. Там гулял дым, но был менее густ и залетал в проход порывами.

– Возможно, – пробормотал Тайгив, щурясь и высматривая через брешь следующий дом. За ним – третий и четвертый, разделенные подобными завалами. Нигде не заметив огня, Тайгив ощутил слабое облегчение.

– Почему они ходят по камню, а живут в дереве? – вслух задумался Смихн, бросив взгляд на дорогу.

– О чем ты? – не поняла Ферья, первой ныряя в брешь.

– Ты сам живешь в деревянном доме! – бросил Заавх, исчезая следом.

– Жил, – поправил Смихн, ощутив укол грусти. – Во всех фильмах про древность и дома, и дороги, и мосты – все из камня!

– Мы не в кино, – сказал Тайгив, подсаживая Тэнтар.

Обернулся к Смихну:

– Лезь!

* * * * *

Коридор, наполненный огнем и дымом и давно уже утративший привычный вид улицы, закончился быстрее, чем предполагал Гхолал. Он просто вырвался из жгущего легкие и кожу раскаленного тумана на перекресток.

Моргая и стараясь быстрее очистить глаза от попавшего в них пепла, Гхолал увидел две дороги. Одна была продолжением той, по которой он только что пробежал, только гораздо уже и заваленная обломками настолько, что заблудиться в ней будет проще, чем вернуться на горящую улицу и задохнуться от дыма. Перевел взгляд на вторую дорогу, прищурился.

Мародеры... Ранее видимые лишь по фильмам и новостям из мест стихийных бедствий, они представлялись Гхолалом иначе тех, кого видел сейчас. Считал – оборванцы, бродяги, не имеющие своего, но с волчьей злобой кидающиеся на чужое. На небольшом расстоянии от него между домами с криками носились мужчины и женщины: их одежда не была разорвана, а лица не осунулись от голодания. Перед Гхолалом бегали вполне обеспеченные, явно имеющие неплохой достаток люди – они же яростно боролись словами и кулаками за кусок чужого добра, которого вдоволь оказалось на улицах после недавнего, все еще неизвестного, но пугающего происшествия.

Его чуть не сбил бегущий с дикой скоростью один из мародеров, на плече – гигантский рваный мешок. Гхолал недолго смотрел вслед убегающему – очень быстро его сбили с ног три появившихся из-за угла подобия носорогов. Потоптавшись на лице неудавшегося мародера, они принялись делить содержимое его мешка. Один из трех громил упал, схватившись за живот, двое других вцепились в глотки друг другу.

При виде крови Гхолал начал ощущать зарождающееся пламя жестокой радости. Отвернувшись, зашагал по улице, ускоряясь...

Кинувшийся к нему человек был третьим за время продвижения Гхолала по растаскиваемой по частям улице. Задумавшийся на мгновение – увернуться или просто оттолкнуть – Гхолал вдруг увидел его лицо:

– Ыхойв!!!

Ыхойв был ниже Гхолала ростом, но шире в плечах. Фанатично занимавшийся тяжелой атлетикой около пяти лет, он в последнее время нашел себе новое хобби – пристрастился к алкоголю. Это сделало его мышцы менее рельефными, добавив на живот жировых складок, а в голову – безумных идей.

Ыхойв схватил Гхолала за плечи, закричал, плюясь слюной:

– Где все?!

– О ком ты? – Гхолал сжал плечи друга, удерживая того от сильных рывков. В правой руке увидел огромную кувалду уродливой формы.

– Где Тином? Геррап? – Ыхойв отпустил Гхолала, отвернулся.

– Кто еще? – теперь Гхолал вцепился в Ыхойва, повернул к себе лицом.

– За теми домами – Ласкола! – выкрикнул Ыхойв, вытянув руку.

Гхолал мгновенно посмотрел в ее направлении, но увидел лишь изувеченные недавним взрывом дома, их почерневшие стены. Людей там было мало, они выбегали из одного переуллка, сталкивались, кто-то дрался, кто-то – бежал еще быстрее, исчезая в дыме, клубящимся между домами.

– Почему ты один? Что мы сможем вдвоем?! Там громила с быка ростом, его только танком валить...

Голос Ыхойва быстро стих, Гхолал понял, что бежит.

Он хочет ее, животной похотью желает ее тело. Ласкола примет его в себя, осталось лишь сделать шаг ближе к ней.

И этим шагом станет ее спасение...

Часть вторая

Пролог

Бесшумный, как сама тень, наблюдатель в густых ветках кустарника видел на холме старика и юнца. С начала их появления и до того момента, когда старик столкнул парня с холма, приказав быстро бежать. Острейший слух ловил каждое слово, оброненное людьми, сохранял в памяти для использования в будущем. Между холмом и укрытием наблюдателя было достаточное расстояние для эффективной слежки, не рискуя самому быть увиденным.

Сетирон, вожак анндогов и главнокомандующий одиннадцатью тысячами лично подготовленных убийц, ощущал смесь гнева и презрения. Его предположения оказались верны во всем, кроме времени.

Пробуждение Вакалорма, чей лик едва не убил Сетирона, когда он взглянул в его глаза, тьма которых в разы черней ночной, идет не первую сотню веков, немыслимое количество девственниц и новорожденных детей пожертвовали свои тела и кровь для пополнения Сосуда Силы. Плоть Вакалорма дремлет в недрах пленившей его земли, но часть необъятного сознания жжет сердца его детей. Торопит, не дает ни сна, ни отдыха, желая вновь обрести утраченную власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.